

ГОРОДА

ЖУРНАЛ ТОЛЬЯТТИНСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

в номере:

**Лауреаты конкурса
«МОЛОДЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ ТОЛЬЯТТИ – 2007»
в номинации «ПОЭЗИЯ»**

6.....	Татьяна СЕМЁНОВА
15.....	Анна ПАСЫНКОВА
17.....	Нина МАКАРОВА
23.....	Михаил КЛЕЩЁВ
29.....	Ольга САМОЙЛОВА
31.....	Ольга ЛИТВИНОВА
37.....	Наталья ШВЕДОВА
42.....	Владислав МАРТЫШЕВСКИЙ

**Лауреаты конкурса
«МОЛОДЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ ТОЛЬЯТТИ – 2007»
в номинации «ПРОЗА»**

48.....	Николай СЕДОВ
62.....	Екатерина ДОЛИЧЕВА
65.....	Таисия ЛЕУХИНА
72.....	Людмила РУСИНОВА
74.....	Валерия ПИЩУГИНА

**Лауреаты конкурса
«МОЛОДЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ ТОЛЬЯТТИ – 2007»
в номинации «ДРАМАТУРГИЯ»**

78.....	Даша САВИНА
84.....	Дарья ЛЕСНЯКОВА
95.....	Ольга САВИНА

СТАВРОПОЛЬ – НА – ВОЛГЕ

Городской литературный журнал

ТОЛЬЯТТИ № 20 2007 Редактор: В.Н. Мисюк Учредитель: В.А. Смирнов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, Л. Артикулова,
О. Валенциц, Е. Карева, И. Мельников,
Б. Скотневский, А. Фанфора

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Леванов, В. Смирнов,
В. Стрелец, М. Шляпина

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ДЕПАРТАМЕНТА
КУЛЬТУРЫ МЭРИИ г.о. ТОЛЬЯТТИ

**Дипломанты конкурса
«МОЛОДЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ ТОЛЬЯТТИ – 2007»
в номинации «ПОЭЗИЯ»**

108.....	Антонина	АНДРЕЯНОВА
111.....	Наталья	АНДРЕЯНОВА
114.....	Алексей	АРИСТОВ
117.....	Алена	БУДАРИНА
119.....	Анастасия	КУЗНЕЦОВА
121.....	Ирина	КУЛЬКИНА
124.....	Ольга	МЕЩЕРЯКОВА
126.....	Ольга	МУРЫГИНА
129.....	Екатерина	НИКИФОРОВА
130.....	Валерия	ПИЩУГИНА
133.....	Маргарита	СУЛЕЙМАНОВА
136.....	Виктория	ШИРОКОВА

**Дипломанты конкурса
«МОЛОДЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ ТОЛЬЯТТИ – 2007»
в номинации «ПРОЗА»**

142.....	Екатерина	АНДРИАНОВА
145.....	Виталий	ГИЗАТУЛЛИН
150.....	Наталья	ИДРИСОВА
168.....	Александра	КАТЫКОВА
182.....	Анастасия	ЛАСАЕВА
187.....	Валерия	МИХАЙЛИНА
191.....	Игорь	ПЕТУХОВ
195.....	Дарья	ПОПОВА
210.....	Екатерина	ТАЛАЛОВА
215.....	Евгений	ЧУРКИН
218.....	Кристина	ЯКИМЕНКО

**В оформлении номера использованы рисунки
Арсения МИСЮКА**

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Известной сентенции «Все написанное должно быть опубликовано» противоречит доступная статистика: из ежегодно издаваемой в мире литературы прочитывается лишь 10 процентов произведений. Остальное в лучшем случае оседает в центральных книгохранилищах. В худшем... Но не стоит о грустном.

Нынешний литературный конкурс был затеян отнюдь не для галочки, мы преследовали конкретную практическую цель: выявить неизвестных нам авторов, которые пишут неизвестные нам талантливые, интересные с художественной точки зрения произведения. Что же, отчасти мы достигли желаемого.

На конкурс было подано 110 произведений, в итоге экспертами и жюри из конкурсных работ было отобрано 39 авторов – дипломанты и лауреаты. Любопытно, что большинство из начинающих писателей отдают в своих произведениях предпочтение не столько содержанию, сколько форме. В принципе, это неудивительно: содержание обычно приобретает вкупе с жизненным опытом.

И все же: отбирая авторов для публикации в нашем литературном издании, многим из молодых конкурсантов мы предоставили большой «аванс» – в надежде, что именно нынешняя публикация станет для них стартовой площадкой и в дальнейшем они сосредоточеннее, внимательнее и профессиональнее отнесутся к своей литературной деятельности. Можно, конечно, поставить вопрос и по-другому: замечательно, что подрастающее поколение сублимирует свою нерастраченную энергию именно в таком формате, а не пьет по подъездам и не употребляет наркотики. Увы, мы отмели социальную сферу: на первом плане у нас стоял не воспитательный, а культурный аспект. Надеюсь, каких-то итогов мы добились.

Проще простого явиться на готовенькое: к издателю приходит состоявшийся автор и приносит готовое к печати произведение. Нам было бы любопытно, чтобы на наших глазах и при нашем непосредственном участии появился писатель, который был бы интересен не только себе и ближнему кругу, но и тем, кто занимается литературой и потребляет ее. Хочется верить, что хотя бы некоторые из обнаруженных нами новых имен и персонажей и в дальнейшем пусть не посвятят себя всецело, но хотя бы обратят внимание на тернистый литературный путь.

Возвращаясь к начальным строчкам текста, поясню: пишем-то мы для вечности, пусть не всегда для миллионно-миллиардной аудитории. Но если есть люди, которым это близко и интересно, – ни в коем случае не стоит расставаться с литературным творчеством.

Вячеслав СМЕРНОВ

ОТ РЕДАКТОРА

Древнегреческий философ Пифагор оставил будущим поколениям не менее известную сентенцию: «Человечеству грозят три вещи: невежество священников, материализм ученых и бесчинство демократов».

Думается мне, что он не ошибся.

Но еще печальнее, если поэтическое завещание екатеринбургского поэта Бориса Рыжего, добровольно ушедшего из жизни в двадцать семь лет, окажется пророческим:

ТИПА ПЕСНЯ

Вот колечко мое, донашивай, после сыну отдашь, сынок, а про трещинку не спрашивай по рубину наискосок: в общежитии жили азеры, торговали туда-сюда, здоровенные, как бульдозеры – ты один не ходи туда.

Ну а если тебя обидели, ты компанию собери, как без курева в вытрезвителе люди голые ждут зари, жди возмездия, жди возмездия и не рытайся сгоряча.

Так серебряная поэзия ждет рубинового луча.

Мы гурьбою пошли по краешку тротуара – должок вернуть, и колечко кровавым камешком вниз забыл я перевернуть.

Ты колечко кровавым камешком вниз забудешь перевернуть, шапку на лоб надвинуть, варежки скинуть с ручек не забудь.

1998

Ибо если цинизм властей, алчность и беспринципность обслуживающего их персонала, грабительскую экономическую политику россияне кое-как выдерживают, то мина национального вопроса, заложенная равнодушными чиновниками за годы постсоветского существования, может сдетонировать в любой момент и разнести нашу многострадальную родину в клочья.

Это я не к тому, что вся ответственность за содеянное кем-то ляжет на ваши молодые плечи. Вам с этим жить. Это я к тому, чтобы вы помнили главное, не отмененное никем и ничем, пушкинское: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал...»

Пробуждайте! Будьте любезны...

Владимир МИСЮК

ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА
«МОЛОДЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ ТОЛЬЯТТИ – 2007»
В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ»

ТАТЬЯНА СЕМЁНОВА
АННА ПАСЫНКОВА
НИНА МАКАРОВА
МИХАИЛ КЛЕЩЁВ
ОЛЬГА САМОЙЛОВА
ОЛЬГА ЛИТВИНОВА
НАТАЛЬЯ ШВЕДОВА
ВЛАДИСЛАВ МАРТЫШЕВСКИЙ

Татьяна СЕМЁНОВА

ПЕПЕЛ

серо-пряный город странный
дышит пылью стен
за тоской полустеклянной
разбросался тлен

ветер сонный полумёртвый
задувает вход
что за знак тут полустёртый? –
пепел разберет

чьи-то тени полуходят
в шёпоте страниц
флюгер скрипко что-то ловит
в точках без границ

мутный город хлипко дышит
с небом в унисон
что-то эти стены слышат:
небыль, хрипкость, сон?

тиком-таким что-то бьется
в тишине шкафов
чихом числа отзовутся
от лица часов

гарью и необитаемой
пахнет недобред
ветер пламенностью крайней
недообогрет

прахом воеет ветер сонный
на худой конец
одичавший и голодный
горький пепел ест

СУДЬБОКРЁСТОК

ты здесь один.
веришь?
просто глаза
врут.
просто шалят
нервы,
просто попал
в круг.
просто не тот
ветер
тени смешит
здесь.
просто не тот
вечер.
жестов не тех
смесь.

просто опять
странно.
словно не тот
ты.
зыбкой судьбой
пьяный,
с мыслью сдувай
пыль.
просто смирись
с этим:
реку нельзя —
вспять,
просто нельзя
светом,
счастьем для всех
стать.

снова один.
тихо.
на судьбокрёстке —
снег.
просто дыши
мифом.
просто смотри
вверх.

это не ты,
корчась,
перегоришь
в тлен.
так что смотри
молча
на мешанину
сцен.

ШАГИ НА СНЕГУ

Помнишь, небо кричало птицами
И взлетало с того берега?
Солнце что-то чертило спицами
На спине беззащитного снега.

Помнишь странные тёмные всполохи
Напоследок? И в пепел – мост.
Тишина навалилась шорохом,
Степью, небом, вином рос...

И вина зазвенела, – помнишь ли? –
Медным эхом седых гор.
Впереди – кто-то ждал помощи,
А следы всё плели узор...

А дорогу мы – помнишь? – мучили
И ногами, годами – в пыль...
Мы искали себя – или лучшего?
И лепили из сказки – быть.

Ядом трав да репея колкостью
Под ногами ползла жизнь –
Всё по краю звенящей пропасти.
Помню шёпот: «Только держись...»

Ветер жёлтый, сухой – в волосы,
На запястьях – костей браслет...
Следы спутались: наши, волчьи ли –
Все ложились на грязный снег.

Засмеявшись, гадали по ветру,
Растворяясь в своём бреде...
Вот остались лесные рассветы
и шаги,
шаги на снегу.

СОБАКА

Чьи-то мысли, перестройки, déjà vu
Исчезают в мутной круговерти,
Только вот собака на углу
Матерится на бесстыжий ветер.

Кто-то снова постигает суть вещей,
Патентует архивные домысли...
А собака просто вяло чешет вшей,
Созерцая ниспадающие листья.

Что-то тупо мутят мудрые сего
Элитарного безумного притона.
А собаке что? Наверно, ничего...
У неё-то, слава небу, нету дома.

Что-то требуют аж с самого утра
Незабытые размазанные лица...
Под ногами эта сука прилегла.
Засыпает. В мыслях матерится...

ВЕТЕР

Уютно укрылось в полутенях
Движение ветра.
Запутавшись в полутонах,
Его песня ушла.
Теньями дрожащей свечи
Чашка чая согрета.
Слышно, как вечер молчит
В напряженных ушах...

Заспинные взгляды из-под ковра
Внимательно-злые,
Грызет подвесной полумрак
Мутно-белый зрачок.
И волны в граненом стакане
Картинно-живые.
Внутренность вновь начинает
Обратный отсчет.

ЛИРИКА

Хочешь, подарю всего себя?
Хочешь – маслом, хочешь – акварелью...
Ты прости, что я безбожно пьян.
Просто одиночество заело...

Вот, садись. Расскажешь, как дела?
Ты надолго здесь, в моей берлоге?
Знаешь, жаль, что жизнь нас развела...
Жаль, что параллельны все дороги...

Впрочем, ладно. Хватит о былом.
Вон, подсохли краски на палитре.
Вот ведь чёрт... как был твоим шутком,
Так и... корчусь да шепчу молитвы...

С ВЕТРЯНЫМИ МЕЛЬНИЦАМИ НЕДОСКАЗАННОГО

давай вместе повоюем
с ветряными мельницами недосказанного.
что-то тягучее, вязкое,
надоевшее до зубовного скрежета,
такое зыбкое и безобразное,
накопившееся где-то между
то ли строчек, то ли слоев мысли,
приближается.
и в первый раз ударит.
да так сильно,
что мы, прирученные,
из домашних станем дикими.
а ветер недосказанного сеет мысли...

что-то липкое горьким остатком
осело на дне стакана.
в пепельнице не только окурки и тараканы,
а что-то ещё – нависшей приставкой.

что-то в зеркале в коридоре
всё же осталось.
шевелится и смотрит, чёртова гадость,
на что-то неплавное в круглом узоре.

что-то в дымной витиеватости
такое больное и безумно горькое...
нетронутыми апельсиновыми дольками
засыхают вчерашние приватности

крошками рассыпанное, выпитое из под крана,
доверие стало бывшим.
в чае – вчерашнем, остывшем
тонет что-то нерождённое, странное...
недосказанное...

с бесшабашной лёгкостью
и тяжёлой сонной усталостью
(от постылой обязанности читать под текстом)
выйти на игровое поле, занять место.
пропитаться яростью
и с предельной рассудочной ясностью
ветряные мельницы недосказанного –
убивать.

ВЁСНЫ

1.
на отвесных крышесводах
расплескалось рыжесолнце.
слышишь шорохи журчащих
миллионных веснорек?
ветер жёлтый дует в воду,
разливает по колодцам,
по ногам прямоходящих
дорасплавившийся снег.

легче тени, ближе небо.
ветер носится по крышам,
залетает в щели окон,
запускает пыль в глаза.
изошрённой кантиленой
голоса звенят, ты слышишь?
это в сонный грязный город
проникает бирюза...

2.

вот и жуи свою горькую усмешку, да поусердней!
а то жизнь как покажется малиной, что тогда?
мелочь пересчитай в карманах и всю, до последней,
выкинь на счастье, и дым выпусти изо рта.

пусть колечками-шариками, воздушными и не очень,
катится отсюда в нафиг или в светлое послезавтра.
всё равно выход на крышу уже неделю как заколочен,
и теперь даже чёрт не знает, как выбраться из этого февраля-марта –
куда-нибудь в апрель.

хотя ну их, цветочки-улыбочки и адское солнце вместе взятые!
ну подумаешь, нельзя штурмовать свой же город налегке,
нельзя огрызаться на солнце и нельзя по лужам босыми пятками,
зато есть весёлая свалка кубиков, ключей и ручек в рюкзаке.

да и чёрт с ним, с апрелем, если подумать заново.
попривыкнешь, и даже, собравшись с силами, довольно ослабишься.
а пока... созерцать чудовищно урбанистическое марево
и бетонно-коробочное многоэтажное кладбище...
так тоже вполне красиво.

МИНУТЫ (МУЗЫКАЛЬНЫЕ ТЕМЫ)

Почти неслышно. Нежно. Pianissimo.
Искрится утро пламенно-рассветно...
Звенит хрусталью пианино. Искренность
Вползает в кожу ультрафиолетом.

.....

хроматичность.
туда-обратно.
снова вверх, снова вниз –
поступенность.

педантично
внесённая в такты,
вместо шумной возни –
постепенность
играет в гаммы.

.....

Ненужное, пьяное, режущее-злое крещендо
хватает за горло.
Холодные пальцы дрожат.
Безумные классики нот в разлинованных клетках
рассыпались болью
четыре минуты назад.

.....

Когда станет страшно дослушивать чёртову сагу,
Мы выключим тени, и стрелки ударятся в вальс...
Так тихо, триольно... Не страшно. Прикрытые сажей,
Прозрачным туманом прольёмся на дремлющих вас...

Мы любим блуждать в лабиринтах изменчивых улиц,
А вы признаете лишь скудность расчерченных карт.
Мы в небе вульгарно-большом, растворившись, уснули...
А вы хоть бы раз поднимали свой царственный взгляд?

Вы знаете город в пыли магазинно-вокзальной,
А сможете выпить изящество улиц до дна?..
И кто удивится, когда в переполненном зале
Изысканный труп отхлебнёт молодого вина?

.....

Латинской страсти опьяняющее пекло
Дрожит на кончиках разгорячённых пальцев.
Летят косые тени в сумасшедшем темпе,
В развратных ритмах горячительного танца.

Вечерний огненный гуляка южный ветер
Строптивым пеплом кружит пыль над головами.
В безумной музыке рубиновых созвездий
Танцуй еще, Кармен, в движениях сгорая!..

ВРЕМЯ

Сквозь двадцать пальцев, сквозь дыры в венах
хрипяще-белым тревожным шумом
уходит время.

Фристайл в секунду,
два круга в сутки,
кварталы в час.

Сбегает время во-о-он в той маршрутке
из периферий раскрытых глаз.

Горчишной спичкой, голодным зверем,
дешёвым дымом табачных точек
сжигаешь время?

И мысли в строчки,
а письма – в топку,
и пепел вниз...

И льётся время по рюжкам с водкой,
по чашкам чая смешных Алис.

Сквозь двадцать пальцев, сквозь дыры в венах
вверх по теченью проклятой Леты
уходит время.

Всё больше метров
в кривых забегах
тому назад.

И как-то страшно, как будто бедно...
Опять уходит пустой плацкарт.

РЕКА

Всё медленно, правильно-мерно... просто квадратно.
Фигурки на поле решают: чёрный? белый?
Великий стратег посылает в атаку матом,
И, кажется, кто-то советует: «Para bellum!»

Всё правильно, даже красиво... если не помнить
Механику взглядов, не помнить, что всё было.
Бумажная птица садится на подоконник,
Седая ворона готовится делать крылья.

Параболы, полуфигуры... просто кривые
Стремятся быть морем, хотя бы малейшей частью,
Чтоб, будучи гибкими, каплями рек привыкнуть
Быть долго... может быть, даже счастливо.

Анна ПАСЫНКОВА

Я рисую на бумаге
Горы, рощи и овраги.
Не рисуется одна
На листочке тишина.

МАЛЕНЬКАЯ РАЗБОЙНИЦА

Когда мы маленькие ростом,
За нами уследить непросто.

И я такая же была.
Тогда в деревне я жила.
Я во дворе одна гуляла,
А мама у окна стояла.
Не усмотреть за мною было.
Я всё куда-нибудь ходила.
Раз вышла погулять с утра.
Пошла играть в конец двора.
А ночью сильный ливень был,
И лужиц много он налил.
Да так, что посредине лужи
Мне не увидеть было суши.
В неё купаться я пошла
И куколку с собой взяла.
Мы там побулькались немножко.
Тут папа выглянул в окошко.
Конечно, он меня любил,
Но справедлив он тоже был.
Тотчас домой меня позвал
И за купанье наказал.

Ну что поделаешь, ребёнок,
Неуправляема с пеленок!

Снежинка, смотрите, лежит на ладошке.
Она – балерина на тоненькой ножке.
Есть тонкие руки, короткая юбка:
Она не нуждается в шапке и шубке.

Она не дрожит и совсем не шевелится.
Такая изящная – просто не верится!
А если снежинка в руке вашей тает –
То значит, спектакль балерина кончает.

ВЫПАВШЕМУ ЗУБУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Моя улыбка ослепительна:
Во рту два зуба приблизительно.

Нина МАКАРОВА

ИЗ ЦИКЛА «ЖЁЛТЫЙ ЛИСТ»

Вот и осени золотая середина
Раскрывает двери в тайный дом –
На ветвях качается рябина,
Все заботы и тревоги – на потом.

В осени скрывается загадка
Истинности – сущность бытия:
Воздух, небо – всё словечком кратким
Описать и рассказать нельзя.

Осень бесконечна и нетленна.
В пурпуре сгорающей листвы
Жухнет в облаках и постепенно
Распыляет медь своей тоски...

I

Послушай пенье птиц. И на прощание
Закрой глаза, и тайных чувств обет
Открой ты осени в своём исповедании –
Молчанием внимай её завет.

И мне не больно. Осень всё убила –
В раскатах листопада у ручья
Я о тебе... Я о любви забыла –
Пусть будет всё как есть – издалека.

II

Кидаю взор. Меж красно-жёлтых клёнов
Увидеть и почувствовать мираж
Твоих шагов. По листьям несожженным
Пронесся одинокий экипаж.

Хозяйка всё сменила и, увидев
Мои глаза и слёзы на щеках,
Пленила красотой сгоревших листьев,
Рассеяв красный пепел на стихах.

Смотри, теперь – покой и безнадежность
В моих глазах. Я пленница души
Царицы. Ей же злость и безмятежность
Не свойственны. Пожалуйста, молчи.

III

В объятьях вечных истин и обетов,
Как кляtv, когда-то данных мне тобой,
Не слышу ни преданий, ни заветов –
В душе у осени... Сгорела я с листвою.

Весь красный пепел октября
В опавших листьях...
Все ноты музыки дождя
В промокших мыслях.

Я ухожу и не вернусь –
Я всё забуду.
И если я тебе не снюсь,
То точно буду.

КОРАБЛИ

И голый ясень под окном,
И крыши мокрые из стали,
Как были счастливы они,
И чем же стали?

Седое небо, и песок
Похож на глину.
Две птицы – тонкий волосок –
Душа рябины.

И в лужах тонут корабли
Усталых листьев.
Теперь идут они вдали
Без лишних мыслей.

Ноябрь уж на дворе, и на исходе
Дождливой осени печальная краса,
И песня выюжная шарманку уж заводит,
Бросая хлопья снега в волоса.

ИЗ ЦИКЛА «ГУДЯЩИЕ ПРОВОДА»

ВЕЛИКАН

Фонарь огромной головой
Согнул кривые ветки,
И лаёт сторож дворовой
Сквозь спутанные сетки.

И я таращусь из окна
На друга-великана.
Из крана капает вода,
Как свет на дно тумана.

ИЗ ЦИКЛА «С ДУШОЙ НАРАСПАШКУ»

Я люблю в морозную ночь глазеть на звёзды, распахнув окно,
Впустив холодный воздух в грудь, дышать свободно и легко,
Люблю снежок в твоих ресницах нежно-белый,
Люблю овал луны хрустально-спелый,
Преспелый апельсин.
Люблю людей, люблю им улыбаться – усталым лицам у метро,
Люблю реветь и громом рассмеяться. Люблю сидро,
Люблю воздушные шары и торт (без масла),
(Как жаль, что на диете нельзя их часто).
Ах, это грустно...

Люблю родных, друзей, котов, собак бродячих,
Люблю невидимых врагов, дьяков, подьячих –
Люблю я целый мир горячим сердцем,
Откройте для любви и ваше сердце!

В ответ – молчание, неверие и страх –
Вот то, что превращает чувства в прах.

ИЗ ЦИКЛА
«НИЧЕГО ОСОБЕННОГО – ПРОСТО ЛЮБОВЬ»

СНЕГ ЛЕТЕЛ

Снег летел и таял... На ладонях,
На щеках, малиновых губах,
На твоих ресницах – только хлопья,
Будто слёзы... Будто слёзы на глазах.

Снег летел. Под тёмным небосводом
Меж седых деревьев у моста.
Снег летел (на осень нынче мода).
Чем не угодила вам зима?

Снег летел. От лампы круг на скатерть,
Стрелки на часах, замедлив ход,
Не жалеют о моей утрате.
Только снегопада тихий лёт...

Всё проходит. Мы есть или нету –
Наши тени шагами врозь...
Всё проходит. И жаркое лето,
Уходя, лишь посмотрит вскользь.

По пятам... Наступает осень,
Слышен вальс колыбельных берёз.
Всё проходит... Но кто-нибудь спросит,
Было ль это и было ль всерьёз.

В переулке потух свет
Фонаря, что скрывал след
Нашей встречи, где с глазу на глаз
Говорили в последний раз.

Звёзды таяли в мягких руках,
Стрелки замерли в женских часах,
Я смотрела куда-то вниз,
Огибая глазами карниз.

Крыши тёмные – двух домов,
И в изгибе кирпичных стыков
Между улицей – трёх стен
Мы стояли под звуки сирен,

Но не слыша, вдыхая прах,
Мы не знали, что значит страх –
Перед смелостью лишних фраз
Мы стояли уж несколько раз.

Показалась в окне луна,
Алым светом размылись дома
В абажуре над чайным столом,
Где семья собралась – четвером.

Слышен смех. Наугад – вдаль
Улетевший. Чугунная сталь
Паровоза, и тихий сигнал,
В терпкой тьме кто-то что-то сказал,

Разбивая осколками тишь.
Может, ты и сейчас стоишь,
Видишь звёзды, её глаза,
Что зелёные, как бирюза.

Всё равно – где-то розы цветут,
Звёзды блещут, на свадьбе поют –
Жизнь идёт. Этих встреч и разлук
Будет много, мой милый друг.

Не лукавя, смотреть в глаза
Полусерые – полуслепые,
Прямо в тень. В никуда. В провода
Чёрной цепью – оковы немые.

И теряя рассудок, – в зарю,
Разбивая сумерек глянец,
До крови растирать слезу,
Превращая в багровый румянец.

А когда солнце каплей в росе
От дождя в пожелтевшем закате,
Вдруг уснуть и присниться тебе
В своём белом махровом халате.

Михаил КЛЕЩЁВ

БЕСЦЕННЫЙ ОПЫТ

Я погружался в бетонные джунгли,
Общался в грязных подъездах,
Я впитывал грязь как губка,
Как сито процеживал серость.
Наблюдал и запоминал с интересом
Поведение обитателей гетто,
Чтоб, вернувшись домой с рассветом,
Написать пару строк бесцветных.
Мне неприятно надевать маску,
Неприятно сливаться с другими,
Но я не должен выделяться из массы –
Это первый закон мимикрии.
Я пропитал своё тело ядом,
Я стал частью этой системы
И один раз даже умер,
Увлёкшись изучаемой темой...
Но теперь, когда этап пройден,
За спиной остались лишь тени,
Я постепенно забываю об этом,
Вот только яд остаётся в теле.

СИСТЕМА

Непобедимая система,
Неоспоримый, жёсткий факт,
Неразрешимая проблема –
Самозабвенной жизни акт.
Бесперспективные идеи,
Мечты и больше ничего,
Всё то, о чём забыть хотели,

Разбив оконное стекло,
Останется навечно с вами,
Нельзя сбежать от памяти,
Нельзя, глаза закрыв руками,

Сидеть всё время взаперти.
И невозможно жить как раньше,
Увидев боль и пустоту,
Где смерть становится неважной,
Где свет уходит в темноту...

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ

Беспечно жить и рисовать картины,
Писать стихи и думать о еде.
Двойная жизнь. Две разных половины
Живут в моей уставшей голове.
Быть анархистом и тонуть в режиме,
Смеяться радостно и помнить о беде.
Двойная жизнь. Две разных половины
Живут в моей уставшей голове.
Слыть смельчаком и прятаться за спины,
Мечтать о небе, стоя на земле.
Двойная жизнь. Две разных половины
Живут в моей уставшей голове.

О. М. П.

Общество Мёртвых Поэтов
Безмолвно стоит за спиной.
Пристальным взглядом эстетов
Следит за моей рукой.
Каждая новая строчка,
Каждый мой новый стих,
Каждая новая точка
Присвоены обществом их.

С ЧЕГО ТЫ ВЗЯЛ?..

С чего ты взял, что мир прекрасен
И что весь труд твой не напрасен,
И почему ты так уверен,
Что ход твоих суждений верен?..

КАПЛЯ

Тяжёлая, круглая капля
Разбилась о кафельный пол.
Важнейшая фраза в спектакле
Была написана в стол,
А яркая вспышка идеи
Возникла в банальном быту.
Никто поначалу не верил
В бескрайнюю пустоту.
И лишь единицы из сотен
Пытливых и дерзких умов
Смогли описать свои мысли
При помощи найденных слов.

МЕЧТА

Забыв про всё, что было до,
Узнать о том, что будет после.
Освободиться от оков
Из зависти и злости.
Стать на мгновение другим,
Свободным от сомнений.
Забуть про деньги и про мир,
Где всюду правят деньги.
Взлететь над городом теней
И раствориться в небе.
Став братом солнечных лучей,
Избавиться от лени.

Стремиться к звёздам, в глубину
Загадочной вселенной
И воплотить свою мечту
Хотя бы на мгновение...

ДЛЯ НИКОГО

Потусторонний наблюдатель
Сквозь непрозрачное стекло
Выводит кровью указатель
Туда, где нету ничего.
Под мокрый ритм дождливых песен
На фоне серых облаков
Поэт, что миру не известен,
Напишет стих для никого,
И обесцвеченный художник
Поддержит рифму на холсте.
И прозвучит аккордом ложным
Луч света в полной темноте.

СОН

Философия жизни – смерть,
Все пути ведут в одну точку,
А желание умереть
Возникает обычно ночью.
Суицид – как начало конца,
Как простейший выход из комы.
Пробуждение ото сна,
Или новый сон, незнакомый...

НА ПОЛ СТЯХИВАЮ РИФМЫ

Порядок жизни, распорядок дня,
Привычки, принципы, пристрастия и мысли, –
Забыто всё, всё начато с нуля,
Очарование бумаги чистой

И солнечного утра с синим небом,
И облаками, и травой зелёной.
Приправленное пеплом сигаретным,
Сознательное блюдо. И покой,
Что только снится в беспробудной яви,
Пытаясь выйти за пределы серых будней.
Так хочется всем людям, каждой твари
Улыбку подарить. И с добрым утром
Поздравить тех, кто смог не умереть
Сегодняшней обыкновенной ночью.
Мир вправе ещё на день постареть.
Загадочно молчит первоисточник
О смысле. Только лишь слова
Витают в разряжённой атмосфере.
Болит, уже привычно, голова.
Всё исчезает в дыме сигареты...

ЛОМАНЫЕ ПОЛУТЕНИ

Бывают иногда такие дни,
Что хочется открыть окно
И улететь туда, где тени
Проекцией от облаков
По полю стелятся...
Ну или кубик кислорода
По венам пропустить, нажав на поршень.
И обрести желанную свободу
И никогда не вспоминать о прошлом.
Ни разу...
А иногда бывают дни,
Когда под солнцем
Стоишь, и те же полутени
Радуют.
И те же облака, и то же небо
Вдруг обретают смысл.
Постепенно
И это забывается...
Но всё-таки, как правило, обычно,
Банально и вполне привычно

Эклектика царит в течение дня,
И каждый раз как будто бы с нуля
Всё начинается...
И изменяется...
Перетекает, застывает, плавится.
И исчезает...

ОЦИФРОВАННЫЕ МАССЫ

Заарканенные сетью
Оцифрованные люди
Ловко врут, кричат и дружат
С помощью клавиатуры.
Им язык уже не нужен
Пальцы бегают по кнопкам,
Променяли речь живую,
Променяли смех на скобки:
Променяли лес и небо,
Кровь заката, шум прибоя,

Шелест листьев предрассветный
На мерцанье монитора.
Целый мир лежит в архивах,
Серверах и жестких дисках.
Цифры набирают силу,
Смысл жизни будет в цифрах...
С каждым новым поколением
Провода – всё глубже в мясо,
И давно смирились с этим
Оцифрованные массы...

Ольга САМОЙЛОВА

АПРЕЛЬ

Утро. Солнце. Блеск витрины.
Человек на остановке.
Я иду, вокруг пустынно.
Город мирно спит.
Единичные маршрутки.
Шесть пятнадцать. Как-то глупо
Встать, идти. Куда – неважно.
Разошлись пути.
Гаснут звёзды. Интересно,
Что же будет после смерти?
Снова жизнь? И снова тексты?
Это не по мне...
Вечный сон... Полёт фантазий...
Безмятежность без эмоций.
Всё безопасно и красиво.
Всё в какой-то мгле.
Пенье птиц. Росы сверканье.
Просыпающийся город.
Жизни яростной познание...
Верь или не верь.
Надо радоваться солнцу,
Хоть в ночи все мои мысли...
Нет тебя – вся суть поэмы!
Утро. Свет. Апрель.

РАЗДУМЬЕ

Вечер. Фонарь. Снегопад.
Мы не вернёмся назад.
Так было тысячи лет.
Только ответа всё нет:

Где мы? Откуда? Зачем?
Город былого – Эдем...
Нам не вернуться назад...
Вечер... Фонарь... Снегопад...

Возвращаюсь в жестокий мир,
Пробуждаясь от тёплых снов.
Если сможешь, меня прости,
Но со всеми пью эту кровь.
Я не стану добычей их,
Этих злобных... Подобных мне.
А мой мрачный, недетский стих,
Согревая, сгорит в огне.

Л.В. Бетховен, «Лунная соната»:
Узнает ли кто, что творилось со мной?..
Быть может, когда-нибудь где-то?..
Отшельник, живущий немой тишиной,
Обманутый лучиком света...
Потеряно время... Та искра в глазах
Когда-нибудь вряд ли зажжётся...
И я бы иссыпался в пепел и прах,
Коль жаром тоска обернётся...
Немая луна не поймёт этих слёз.
Бесчувственный мир разобьётся
В остывших глазах. От иллюзий и грёз
Когда-нибудь каждый проснётся...
Увидишь ли ты, что творилось со мной,
Святое творение лета?
С отшельником, жившим немой тишиной,
Обманутым лучиком света...

Ольга ЛИТВИНОВА

Жмётся в угол крылатая тень
Расставаний моих и потерь.
Жмётся в угол.
Я в рассвет свои выкрашу губы.
Тихо ночь уползает под дверь,
Расплескавши по небу багрянец.
Я одену запястья в сирень.
Подниму воротник,
Пряча сонный румянец.

Не готовая к этому утру,
Росой до каркаса вылизанному.
Сочиняю сонеты рассудку,
Хотя и не верю написанному.

Сердце бьется зверинцем в клетке.
Улыбнуться зеркалу тихо.
Я свои запиваю таблетки.
Два глотка птичьих всхлипов и криков.

Жмётся в угол крылатая тень
Расставаний моих и потерь.

ЛИЛИТ

Ты не плачь,
Это всё пустяки.
Ничего, что печенья нет к чаю,
Ничего, что клыки велики,
Ничего, что весну не встречаешь.

Хмурая, вялая,
Среди ангелочков.
Словом, не девочка, а огорченье.
Ничего, что над і не поставлены точки,
Ничего, что нет к чаю печенья.

Знаешь, крылья чешуёй осыпаются.
Все мы что-то да не успели.
Ничего, что все сказки кончаются.
Ничего, если средства без цели.

Посмотри. Там,
В витрины вмерзая,
Рыхлый снег выминая до корки,
Ангелочки толпятся у рая.
Так прозрачны, невзрачны и ломки.

Ничего, что своей нет дороги.
То, что крылья – бумага, не суть.
Рая, края...
Стоишь у порога.
Только знаешь, ты можешь свернуть.

Не беда, что не спишь по ночам.
Хорошо бы не сердце,
Лишь веки слипались.
Ангелочки, ты видишь, молчат,
Только крылья слегка истрепались.

Крылья, пылью...
По ветру.
Не плачь.
Так не хватит ни вздохов, ни слов.
Ничего, что остыли.
В ладошке не прячь
Угли от знакомых крестов.

Ничего, что не ходишь к врачам,
Что диагноз давно позабыт,
Что просить не учили прощенья.
Сейчас сядем и будем пить чай,
Стол накрыт.
И плевать на печенье.

НАБРОСОК

«Привет...» – сюжет зашёл в тупик.
Всё, что ты есть, – пока набросок.
Ты делишь мир на зрячих и слепых
И ненавидишь глупые вопросы.

Ты сто процентов разочарованья.
Ты куришь по утрам до тошноты.
Всему вокруг даёшь свои названья
И сторонись не таких, как ты.

Ты любишь тёмные глубокие цвета.
Не признаёшь оттенков – компромиссов.
Ты знаешь – мир погубит красота.
Тебя тошнит от аполонов и парисов.

Ты проклинаешь утро на чём свет.
Ты всё печальней с каждым новым Завтра.
Твоё похмелье длится много лет,
И ты по-прежнему не открываешь карты.

Опять молчишь, душою не кривя.
Перекрываешь доступ кислорода.
И ты по-прежнему так смотришь на меня,
Как будто мы с тобой одной породы.

Ты всё бледнее с каждым новым Завтра.
В твоём лице все краски акварель.
Ты путаешь рассветы и закаты.
Ты с каждой линией всё чётче и остреей.

Изящный штрих по вертикали вен.
И вот... почти закончен твой набросок.
И ты не станешь отвечать Зачем –
Ты ненавидишь глупые вопросы.

ФОНАРЩИК

Я вижу свет –
Он безнадежно слабый.
И ты стоишь в тени.
И чем длиннее тени,
Тем легче
Прикоснуться.
Прижаться.
Уткнуться носом в мягкий свитер
И дышать.
Твой пульс перебивает
Ритм недосказаннонужных

Рваных слов,
Скользящих по губам.
И я дышу.
Фонарщик ленится зажечь фонарь
И спит.
Ты тоже мертв.
А я переступаю из тени в тень.
Зову тебя с собой,
Чтобы дышать всей кожей.
Мы доживем до ночи.
Я все старше.
Все меньше понимаю.
Все больше рваных слов
И незнакомых лиц.
И свет слабее
С каждой пережитой тенью.
Фонарщик спит.
Я плачу в темноте.

ЦЕЛОЕ

Я теряюсь в осколках/огрызках,
Ноги вязнут в янтарной пыли.
А порой кто-то шепчет: «Ты близко»,
И тогда что-то рвётся внутри.

Но течениям я непослушна.
Я молчу о тех, кто ушёл.
Мне так мало для счастья нужно –
Чашка чая и что-то ещё...

Я молчу обо всём, что не вышло.
Я учусь ничего не бояться.
Иногда кто-то шепчет мне: «Слишком».
Мне сегодня исполнится сто,
А вчера ещё было пятнадцать.

Я уже не боюсь оступиться.
Что с того?
Не нам привыкать.
Я порой забываю присниться.
Ты скучаешь?
А будешь скучать?

Я теряюсь в осколках /огрызках.
Собираю себя по кусочкам:
Все рисунки, тетрадки, записки
И ко всем предложениям точки.

ТЧК. Мне пора закругляться.
Кто-то шепчет: «Так не бывает».
Никогда не умела прощаться.
Что с того, что тебя не хватает?

Я хочу быть единым целым,
Быть течению непослушной,
Нечувствительной к миру восходов.
Но никак не заполнить пробелы.
А так мало для счастья нужно –
Чашка чая и ещё... кто-то (?).

ШУТ

Друг мой, друг мой,
Вам не к лицу
Красный нос,
Как и пыльный сюртук.
Как и чёрный колпак...
Вы к тому же промокли насквозь.
Дождь с собой запах вишни принёс.
Только вам всё не то,
Только вам всё не так.

Чёрный шут
В невесёлом наряде,
Заводила у чёртова колеса...
В парке пусто.
Чего вы здесь ради?
И с такою тоскою в глазах.

Улыбка прочерчена гримом,
Друг мой, друг мой,
Это вам не к лицу.
Что в этом парке такого,
Раз он стал для вас целым миром?
Что вы привязались к этому колесу?

Дождь принёс с собой запах вишни.
Скоро лето... и вишни цветут.
Только вы почему-то здесь лишний,
Только вам всё не так и не тут.

Отчего по ночам вы не спите в кровати,
Чёрный шут в невесёлом наряде?
Вымок колпак
И сюртук...
Что-то мёртвое есть в вашем взгляде.
Всё вращается чёртов круг.

Друг мой, друг мой.
Да мне ли вас спрашивать,
Отчего, почему вы здесь лишний...
В какой цвет своё небо раскрашивать,
Вам решать.
Пусть цветут себе вишни.

Наталья ШВЕДОВА

Важнее слов – минуты счастья,
что дарит нежность губ и рук,
и бесконечные объятия,
что замыкают чувства вокруг.
Мысль, что, во взгляде отражаясь,
поступком каждым скреплена,
звучит чудесней, чем струна
звенит, ни в чем не объясняясь...

Взгляд, по-взрослому настороженный,
в бирюзу голубых глаз
(что по-детски, до невозможности,
полюбили в тот поздний час)
все решил, и весна эта первая
в грустном сердце печальный лед
растопила мою недоверчивость
и боязнь посмотреть вперед!
В бесконечности и безбрежности,
в Целый Мир превращая ноль,
светлым чувством смывая боль,
закружила в потоке нежности...

Переверни страницу эту.
Закрой глаза. Лети. Умри...
Закат уйдет перед рассветом.
Рассвет растает до зари.

Закат уйдет перед рассветом.
Возьми бумагу и черти.
Переверни страницу эту.
Закрой глаза. Умири. Лети...

Я лишь губами прикасаюсь...
Ласкаю нежно...
Не любовь.
Но не поймет, как ни стараюсь.
Чужая жизнь...
Чужая кровь...

Смотреть, как тает сигарета,
и вместе с нею угасать...
и вспоминать, как пахнет лето...
и летом осени дышать...
Как хорошо! когда надежда
еще жива в крови души!
Истлеет брэнная одежда,
а ты... дыши...

Листы чисты...
Слова пусты...
Пусты листы...
Слова чисты...
Слова-листы...
Пусты...
Чисты...

Звезды, что на небосклоне,
мне всю ночь в глаза светили,
развлекались в хороводе,
засыпала – разбудили!

Вся земля перевернулась
от небесной пляски этой,
и вселенная качнулась
вся, планета за планетой!

Спи, мой ангел, не печалься,
не кручинься ты об этом:
Зевс с Юноной обвенчался –
свадьба будет до рассвета!

Отец погиб на поле боя,
А мать при родах умерла.
Детей у них осталось двое.
Я их, сирот, к себе взяла.

Я им была чужая тетка,
Но полюбила, точно мать!
Я их не пряником, не плеткой –
Душой решила воспитать.

Растут они, два ангелочка.
Умны, прекрасны и чисты.
Пусть ни одной родной черты... –
Мои родные – сын и дочка!

Приятно лечь, не раздеваясь,
В свою прохладную постель;
В ней постепенно растворяясь
И согреваясь вместе с ней...

Стояла кружка на окне
В лучах ночного света;
Она томилась при луне
До самого рассвета;
А утром вышел ученик
Из комнаты гостиной;

Устами к кружке он приник,
Был поцелуй невинный...
Но кружка страстно поддалась
На утренние ласки
И сладким чаем разлилась
Лишь для него – как в сказке.

Туч небесные сугробы
Нависают над домами;
Задевая небоскребы
Сыплют мокрыми снегами;
Накрывая землю мраком
Перепутывают планы
Людям, кошкам и собакам...

Безнравственен, безжалостен, безбожен
Я вырвал свой кинжал из жадных ножен!
Но робок, и покорен, и стыдлив
Вложил его назад, проговорив:
Отложим...

Карман мой пуст, но вот в душе
храню любви кристалл заветный...
Пусть это даже незаметно,
но я не бедная уже.

Твоя квартира опустела,
И ты укрылась в тишине;
Ты так ждала, ты так хотела
Побыть с собой наедине.

И лишь печаль, твоя подруга,
С тобой укрылась заодно;
А на дворе метель и вьюга
Ревут, гудят, стучат в окно.

Сковали муки, словно путы,
Тебя, и хочешь ты сберечь
Лишь только светлые минуты,
Не назначая новых встреч.

ШЕКСПИР. СОНЕТ № 90

Решив уйти навек, сейчас уйди,
Пока меня преследуют несчастья,
Пока сплошные беды на пути,
Но не бросай, когда пройдет ненастье.
Но не бросай, когда сто бед пройдет,
Мне этот шаг сто тысяч бед пророчит.
Останься, чтобы не был твой уход
Тайфуном после ураганной ночи.
И если суждено уйти тебе,
Не жди, пока фортуна мне изменит.
Стань первой из потерь в моей судьбе,
Которые нас ставят на колени.
И я пойму, что нет страшнее горя,
Чем потерять тебя, с судьбою споря.

Владислав МАРТЫШЕВСКИЙ
(публикуется под псевдонимом ВЛАДД)

ВЛАДД – РАДИО-АГИТАТОР

Я – отрезанная от сети радиоточка
в квартире, где комнаты пропахли розами и нафталином.
Там, где матери превращаются в малолетних дочек,
а электрический свет – в бледный огонь керосинок.

Табак заменяет никотиновый пластырь.
Небесные поводыри выгуливают слепых собак.
Там, где цвета одинаково разные,
белым становится спрятанный между ладоней страх.

В листе революций люмпен жалуется на отсутствие
кумача
и вешает на столбах вместо контры таблички с датами.
Там большой Иисус вызывает на дом дежурного палача
и сетует на боль в запястьях, мигрень и подагру.

Из горла огненной бритвой вырезают жизни звуки.
Тишину заменяет шепчущий за подкладом сантимет.
Там, где заново вырастают отрубленные руки,
я просто радиоточка, отрезанная от сети.

ВЛАДД – Я ЛЮБЛЮ СЛУШАТЬ СМЕРТЬ

Я люблю слушать смерть,
приходящую ночью.
Сядет тихо у изголовья
и станет считать, расставляя точки,
тех, кто умер в сердце с любовью.
Тех, кто умер с ножами в спинах,
и тех замерзших, иссиня-синих...
Я люблю слушать смерть,
приходящую ночью.

ВЛАДД – ПРОДАВЕЦ СЛОВ

Я стихотворец из пригорода – размазываю слёзы по щекам.
Я – Маленький Принц, подсевший на героиновый холод.
Из настоящего по капле вытекает будущего мёртвая река.
А я ищу в своих строчках для очередного самоубийства повод.

Я – Цербер перед хранилищем словесной пачкотни.
Я – пятая сторона четырехгранной призмы.
Продавец слов скупает у населения бесцельно прожитые дни
и превращает их в стройные ряды силлогизмов.

Я игла патефона – снимаю звуки с пространства Вселенной.
Я – выходное пособие для бездарных сэмплов.
Перед зеркалом юности стоял не то генерал, не то военнопленный
и посыпал голову оставшимся от миллионных армий пеплом.

Я – монограмма обедневшего дворянского рода.
Я дверная ручка в Русском Музее.
От постоянного голода начинает подташнивать вроде,
и вертятся мысли о продаже своего кусочка России.

Я разница во времени – веду обратный отсчёт.
Я – переменная в давно забытом нерешенном уравнении.
Я ставлю на красное, в надежде, что выпадет чёт,
и высказываю по этому поводу собственное мнение.

ВЛАДД – ПЯТЬ ТОЧЕК

Там, внизу,
быстро, как только возможно,
рассекал лицо на две половины каприз.
Простое сразу становилось ложным,
как перепачканный извёсткой карниз.

Девяносто восемь «уне»,
скорее всего «сли».
Измерялось точно
свинцовым арифмометром.
Деревья, похожие на сливы, росли,
выла губная гармоника.

Колени оправдывались
перед горохом
за незнание системы координат.
Пришёл Декарт
и, не ожидая подвоха,
собрал в пробирку лоснящийся виноград.

ВЛАДД – НЕПРАВИЛЬНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ

Я выключен. Птички пролетают мимо.
Запятая похожа на сломанный каблук.
В голову лезет двуглавая Хиросима
и странное – «секвестированный фиалкойурюк».

Левый зрачок регистрирует пятнадцатую дождевую каплю.
Правый – гениально спланированный дебош.
Потомки Герберта Спенсера разобрали на части живую цаплю,
чтобы узнать, чем от неё отличается ёж.

Случайный маньяк выпотрошил из меня всю виктимность.
В скобяной лавке заправляли патологические лгуны.
Я так надеялся на небольшую интимность ...
... но это была неправильная сторона Луны.

ВЛАДД – ПЕРМАНЕНТНАЯ ЛЮБОВЬ

На бетонном заборе кляксой
размазали мячик сердца.
Пронзили стрелой дурацкой –
и уже никуда не деться.

Надпись поставили криво:
«Ни забуду тебя до гроба!»
Сделал кого-то счастливой
недоученный Казанова.

После уже исправят
буквы другим цветом,
новое имя поставят,
новых нашьют приветов.

И будет сиять вечно,
будоража прохожим кровь,
настенная, бесконечная,
Перманентная Любовь!

ВЛАДД – ЗНАМЕНИТОСТЬ

Толстые стёкла
от дождя промокли насквозь.
Свои глупые затеи брось.
Вырваться из каменной клетки
с тиграми в белых халатах
было возможно когда-то.

Навряд ли
способен на это сейчас.
В первый раз
плачешь кровью.
Нервом отточенным сверлишь гранит,
а виски пульсируют болью.

С любовью
пишешь стихи на оспинах стен.
Сна беспробудного плен.
Обмен:
меняешь чувства на сытость.
Ещё пара строк,
и ты – знаменитость.

ВЛАДД – ВОСЕМЬ МЁРТВЫХ ДЕТЕЙ (версия 2006)

Над городами пролетали скомканные судьбы
Отдельные люди были отдельно от других людей.
Литавры, флаги и трубы
рывались в окна и падали на пол к ногам новых вождей.

Из всего этого я только запомнил
Своё имя и имена восьми мёртвых детей.
Запахи были чужими и незнакомыми
там, где сытые псы не прячут в землю костей.

Причины шли сразу за следствиями,
боль причиняя одним только существованием.
Самая выдающаяся посредственность
всегда найдёт себе оправдание.

Я только запомнил, как было весело
в тех отдалённых и забытых местах.
И только снова и снова стихи и песенки
да спрятанный между ладоней страх.

И значит, незачем было сравнивать
равных и тех, кто не различает мастей.
И если все жидкости будут отравлены,
то снова умрут восемь мёртвых детей.

ВЛАДД – ЕСЛИ УПАЛА ЗВЕЗДА

Миллионов звёзд
стоит одна,
упавшая в руку.
Удержишь – твоя.
Нет – передай другу.

ВЛАДД – РАВНЫЕ

Из равных выделывают на продажу шкуры.
Волосы пускают на парики и винные пробки.
Над чужой любовью рыдают дешёвые дуры,
а я закрываю каждое слово в стальные скобки.

Ресторанным оркестром звуки съедены.
Солистов коньяк за кулисами скрежет.
И если волки завидуют Петям –
я буду надежду душить и резать.

ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА
«МОЛОДЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ ТОЛЬЯТТИ – 2007»
В НОМИНАЦИИ «ПРОЗА»

НИКОЛАЙ СЕДОВ, ЕКАТЕРИНА ДОЛИЧЕВА,
ТАИСИЯ ЛЕУХИНА, ЛЮДМИЛА РУСИНОВА,
ВАЛЕРИЯ ПИЩУГИНА

Николай СЕДОВ

СОРОК ДНЕЙ

Я не ждал ее. Не мечтал о ней по ночам и не посвящал ей стихов. Блуждая по темным дождливым улицам, я иногда заглядывал в глаза незнакомок – но никогда не пытался увидеть в них хоть что-то, похожее на ее взгляд.

Если уж на то пошло, то мне всегда нравились брюнетки, причем с нормальными женскими формами – пышными в пределах разумного. Я никогда не обратил бы внимания на девушку, подобную ей, просматривая ночной канал.

Она нашла меня сама. Я был ей нужен.

Никаких знаков судьбы. Ничего такого, что можно было бы назвать роком или предназначением. Просто однажды я проснулся в незнакомой квартире, в том самом состоянии, когда после бурной ночи ты, еще не открыв глаза, понимаешь, что тебя по-прежнему кроет.

Глаза, значит, я открываю. Веки, залепленные похожей на гной слизью, пытаются сопротивляться, но в итоге таки поддаются.

Моргаю.

Еще раз.

И еще.

Все вокруг размыто – то ли из-за слизи, то ли из-за алкоголя.

Тру глаза.

Кое-что начинает прорисовываться.

Метрах в двух напротив – сервант, совковый такой, с тарелками-салатницами-стопками внутри. Одной стеклянной створки не хватает.

Справа окно. Перед ним – тумбочка с включенным телевизором, в котором немой Дима Билан пытается убедить кого-то (судя по всему, меня) в том, что невозможное возможно. Получается у него слабо. Тем более при выключенном звуке.

На полу, аккурат между мной и сервантом, лежит тело. Синие джинсы и черная рубашка с коротким рукавом выдают принадлежность к семейству homo sapiens. Ну то есть homo – вот оно, а sapiens куда-то отошел. И вернется, судя по всему, не скоро.

Еще одно усилие воли, и я – алле оп! – уже сижу на диване. Автопилот меня, как всегда, не подвел, иначе лежал бы сейчас рядом с «человеком разумным». Впрочем, вполне возможно, у него перед самым «отъездом» тоже работал автопилот. Просто диван маленький, а нас двое. Естественный отбор. Выживает силь-

нейший. Мне, правда, на то обстоятельство, что я в данном случае оказался сильнее, наплевать. Если не сказать жестче.

Откуда-то (судя по всему, из кухни) доносится хриплый женский смех. К нему присоединяется мужской – высокий, с истерическими нотками.

Два смеха – как две сольные партии. Переkreщиваются, расходятся. Одна гармонично дополняет другую. Аранжировкой звучат приглушенные голоса и звон рюмок.

Я иду на музыку.

Какая это радость – идти вот так с утра, когда тебя еще кроет, на голоса из кухни! Они означают, что ты не один, что где-то есть люди и что ты скоро присоединишься к ним и вы вместе будете сидеть и говорить. Говорить ни о чем. А еще эти голоса означают, что холодное утро за окном тебе не страшно. Что не надо будить дрыхнувшего хозяина или хозяйку и выталкивать себя в морозную темень. Вместо этого есть возможность провести хоть какое-то время в тепле.

Шаг.

Еще шаг.

И еще один.

Переступая через чьи-то ботинки, прохожу в кухню.

За столом – парень с девушкой (судя по всему, те самые солисты). На полу рядом с умывальником – длинноволосый бородастый человек. Улыбается. В руках – полуторалитровая бутылка пива. У батареи – еще одна парочка. Девушка, худенькая и светловолосая – скорее девочка – молчит и переводит взгляд с бородача на того, что рядом с ней, и обратно.

На столе поллитра, несколько стопок и какая-то снедь. Нахожу себе место у плиты. Сажусь на пол. На вопрос: «Будешь?» – согласно киваю и беру стопку.

С того самого момента, как открыл глаза, не дает покоя вопрос: «Где я?»

Нет. Вру.

Два.

Второй: «Кто вы?»

И если уж быть совсем честным, то есть еще и третий: «Как я здесь оказался?»

Но задать все эти вопросы вот так, сразу, стесняюсь. Представляю, что за этим последует: дружный смех, может быть, даже аплодисменты – допился, дескать...

Ну да, знаю-знаю, насколько банально все это выглядит. Но поймите правильно: я не первый день живу и уж точно не первый раз попробовал алкогольные напитки. Было всякое: и дрался, и

падал на ровном месте, и плясал барыню. Но я всегда – повторяю, всегда – на следующий день мог хотя бы приблизительно восстановить ход событий. Сложить мозаику. Выстроить видеоряд.

Тут же – хоть в лепешку расшибись. Все обрывается на вечер пятницы, а дальше – сумеречная зона, черный квадрат. Сплетение лиц, огней, улиц, голосов. Объединить все эти фрагменты в единую картину трудно, почти невозможно.

Почему-то делается страшно. Легкий такой морозец по коже.

Аккуратно поддвигаюсь к девушке за столом, судя по всему, хозяйке. Полная. В свободной серой рубашке, которая полнит ее еще сильнее. С толстой косой. В этой косе есть что-то отталкивающее, словно стоит взять ее в руку – и пальцы покроются слоем жира. Волосы последний раз мыла, наверное, с неделю назад.

Как бы невзначай, растягивая слова, стараясь не выдавать волнения, спрашиваю (тихо, чтобы другие не услышали):

– Слушай, а какой сегодня день недели?

Толстушка с вокальными данными Нины Хаген секунду-другую вращает глазами. Морщит лоб. Потом говорит:

– Воскресенье.

И потом уже почти по-матерински спрашивает:

– Торопишься куда-нибудь?

– Нет.

Минут пять (за это время тот, что за столом, и тот, что под подоконником, успевают рассказать по анекдоту и плавно перейти к обсуждению последнего романа Паланика) сижу молча. Набравшись храбрости, снова обращаюсь к хозяйке:

– Я понимаю, как это звучит, но все-таки... – ну такая уж у меня манера, все время словно бы оправдываться. – Мы тут давно уже тусим?

– Со вчерашнего вечера. Часов с пяти.

Хозяйка понимающе улыбается (типа «Птичья болезнь – перепел? Бывает...»). Вопреки первому впечатлению, что-то в ней все-таки есть. Что-то доброе. Настоящее.

Картина проясняется. Немного. Но страх не исчезает.

Черный квадрат никуда не пропал. Он просто сократился в площади. Да, собственно, и не сократился. Я ведь не помню ни того, что было до пяти, ни того, что после. Пять часов – как пометка. Зарубка, по обе стороны которой пустота и неизвестность.

Я думаю: неужто все это из-за пьянки?

Тип под подоконником втолковывает владельцу истеричного голоса:

– Ничего ты не понимаешь. Паланик – шизофреник. У него постоянные повторы. Да тебе любой психотерапевт скажет, что частые повторы – верный признак умственных отклонений.

Я думаю: может, споткнулся и ударился головой?

Истеричный голос поучительно (настолько, насколько может быть поучительным истеричный голос) вещает:

– Паланик не псих. Он нормальный мужик, который просто смеется над собой и над окружающими.

Я говорю:

– Ладно, народ, погнал я (я всегда так говорю, когда ухожу). Счастливо всем.

Спрашиваю, как мне отсюда добраться до дома.

Обуваюсь.

Одеваюсь.

Меня ждет хруст снега, редкие прохожие – скукожившиеся, пытающиеся с головой спрятаться в одежду – пустая остановка и неприятные мысли.

Уже на выходе поленька ловит меня за рукав.

– погоди. Ты сестренку свою здесь, что ли, оставишь?

– Какую, – спрашиваю, – сестренку?

Может, я и не помню, чем занимался почти двое суток, но все остальное знаю на зубок. На сто процентов.

Нет у меня никакой сестренки.

И тут из кухни выходит та самая «девочка», что сидела под подоконником. И смотрит на меня.

Вот так все и началось.

...Я разговариваю с Леной. Вернее, с ее призраком. Или душой – кому как нравится.

Два дня назад Лена проглотила сорок восемь таблеток димедрола и запила их водкой «Докторская». Врачи приехали слишком поздно.

Теперь я очень часто общаюсь с духами. То есть практически постоянно. Они не оставляют меня ни во сне, ни наяву. Это началось после того, как мне рассказали о ее смерти.

Я спрашиваю у Лены, как она ощущает себя в новом качестве. Она говорит, что нормально.

Она говорит:

– Днем я смотрю на своих родственников и знакомых. Хожу за ними. Некоторые вспоминают меня и плачут. Я все это вижу, но не могу ничего сделать.

Завтра ее похороны, и Лена спрашивает, приду ли я. Я обещаю прийти.

Лена говорит:

– Сегодня произошла странная штука. Я оторвалась от земли и стала подниматься. Как в песне: «Все выше, и выше, и выше».

У нее слабый голосок, как у младенца или человека, который болен простудой.

Она говорит:

— Не хочу, чтобы это повторялось.

Я отвечаю — не волнуйся, не повторится. И при этом отдаю себе отчет в том, что вру. Наоборот: чем ближе к сороковому дню, тем чаще она будет отрываться от земли. Пока не улетит совсем. И все это время я буду с ней. Буду говорить, что все нормально. Стараться сделать ее переход как можно менее болезненным.

Я буду делать все это потому, что, помогая ей, смогу хоть как-то реабилитироваться перед самим собой. Перед той, другой, реабилитироваться уже не получится.

Лена спрашивает:

— А твоя сестренка давно умерла?

Два месяца назад, отвечаю я. Два месяца...

Еще раз повторяюсь — это я был ей нужен. То есть мне, конечно, было приятно, что стоит позвонить — и она обязательно приедет. Будет сидеть рядом и смотреть преданными глазами. Именно так, наверное, фанатки битлов смотрели на Джона или Пола. Даже нет — так сказочные принцессы смотрят на сказочных принцев. То есть мне кажется, что именно так все и должно быть.

Принц сидит на своей белой лошадке вполоборота. Одна его половина обращена к возлюбленной, а другая (которую не видно) нацелена в будущее — к мыслям о политике, бизнесе, какой-нибудь местечковой группе, в которой принц играет на бас-гитаре. Он сидит, а принцесса смотрит на него. В ее взгляде — любовь и щенячья верность.

Вот и она так же на меня смотрела.

А еще в этом взгляде было кое-что, от чего мне делалось не по себе. Иногда мне казалось, что она глядит с какой-то безнадежной, упертой жадностью. Сейчас-то я понимаю, что это была жадность алкоголика, которому после двухнедельного запоя утром подносят сто грамм, или наркомана, в самый разгар ломки обнаружившего запрятанную дозу. Жадность, не знаю уж насколько нормальная, но, во всяком случае, естественная и понятная. А тогда я просто видел, что девчонка на меня запала.

От таких взглядов где-то на уровне солнечного сплетения начинает скапливаться тяжелый и неприятный сгусток. Я называю это реакцией отторжения. Человек вроде бы тянется к тебе, и вроде бы он тебе нравится, а ты его безо всяких причин отталкиваешь.

...Неделю назад Вадика сбила машина, но по нему ничего такого не скажешь. Никаких ушибов и открытых переломов. Никаких кровоподтеков и царапин. Тот Вадик, которого хоронили четыре дня назад, выглядел совсем по-другому. Гроб не открывали.

Грузовик марки «MAN». Восемьдесят километров в час. Мальчик выбежал на дорогу слишком неожиданно. Водитель, который в этот момент менял диск в магнитоле, среагировал слишком поздно.

Вадик спрашивает:

– Если я умер, то почему я разговариваю с тобой, вместо того чтобы быть на небе?

Я отвечаю, что ему придется побыть тут еще какое-то время.

Вадик говорит:

– Я хочу к маме.

Я молчу, потому что ничем не могу ему помочь. Он просто должен привыкнуть.

Он говорит, что сегодня попробовал обнять Олю (это его старшая сестра), но у него ничего не получилось. Он словно бы прошел сквозь нее и упал на пол (я вспоминаю фильм «Привидение» с Вупи Голдберг и Патриком Суэйзи – непонятно почему, но создатели картины оказались недалеко от истины). Я вижу эту сцену вместе с ним. В тот момент, когда Вадик прикасается к сестре, она моргает и оглядывается по сторонам. Наверное, что-то чувствует.

Вадик спрашивает:

– А почему ты можешь меня видеть, а другие нет?

Я объясняю, что сделал очень плохую вещь и теперь расплачиваюсь за это.

Он тянет руки к стоящему на столе стакану с изображением Эйфелевой башни. Рука проходит сквозь керамику. В такие моменты он обычно начинает плакать. Чтобы этого не произошло, я начинаю напевать: «Месяц над нашей крышею светит...» Эту песню мне в детстве пела мать. Глупая старая песенка, но с Вадиком она всегда прокатывается. Он сворачивается калачиком на моем диване и засыпает.

Не знаю, как уж там на небе, но во время «сорокадневки» (я это так называю) души – это почти обычные люди, уж поверьте мне. Только не существующие физически. Они спят, пытаются есть, переживают из-за работы и все такое прочее.

Спящий Вадик исчезает. Не знаю, куда он переносится, но, скорее всего, приближается к другому, противоположному краю.

Я зачеркиваю в календаре еще один день.

Осталось тридцать три...

Со временем мне все-таки удалось ее разговорить. Не на все сто, конечно, но и это было уже кое-что. Оказалось, что она регулярно посещала местный психдиспансер. Состояла там на учете. По поводу своего недуга, правда, никогда не рассказывала. Я так и не вытянул из нее ни слова на эту тему.

У нее были отец, мать и старший брат. Отец – старый работяга. Мать – психиатр (или психотерапевт, я не шибко разбираюсь в таких вещах). Именно мама, кажется, и пристроила дочь в клинику. Брат, заядлый компьютерщик, работал сисадмином в юридической конторе. Однажды мы гуляли по набережной. Я начал рассказывать что-то о компьютерах, в которых сам-то не особенно разбирался. Она улыбнулась и спокойно поправила меня. После этого случая про компы я старался не разговаривать.

Она была умницей, хоть и не любила этого показывать.

...Наши с Леной посиделки становятся все короче.

До ее перехода осталось два дня. Некоторые души, правда, задерживаются среди живых. Одна, помню, продержалась сорок шесть дней. Обычно такое происходит с теми, кто не хочет расставаться с близкими.

Или боятся того, что ждет его впереди, на другой стороне.

Или атеист.

Или обладает большой волей к жизни.

Но рано или поздно уходят все, вы уж поверьте.

Я хочу спросить у Лены, не страшно ли ей. Но быстро осекаю себя. По ее глазам видно – страшно.

Мне кажется, она очень жалеет о том, что сделала. Но теперь уже ничего не попишешь.

У каждого есть право выбора. Остаться с человеком или бросить его, решив, что будущего у вас нет. Дать помиравшему с похмелья алкоголику два рубля или пройти мимо, а может, еще и послать, решив, что эти два рубля его все равно не спасут. Жить или принять сверхдозу димедрола.

Право выбора правом выбора, но самоубийство – хреновая вещь. Противоестественная. Я вижу это по Лениным глазам. В них столько ужаса – вам лучше не знать.

Все-таки что-то живое в ней еще осталось. Что-то женское. Она просит:

– Расскажи про ту девушку. Ну, про «сестренку».

Мы запросто можем разговаривать на такие темы.

Я в очередной раз говорю, что та девушка прониклась мной (не хочу употреблять слово «любила»). Что-то она во мне нашла. У нее были не в порядке нервы. Я, наверное, мог ей как-то помочь. А вместо этого убил ее. И теперь вот общаюсь с такими, как Лена. Помогаю им перейти в другой мир.

– То есть в каком-то смысле ты держишь нас за руку?

Угу, киваю я. В каком-то смысле.

Лена интересуется насчет маленького мальчика, которого сбила машина. Я отвечаю, что он придет сразу после нее.

Души всегда приходят поодиночке. Что-то вроде индивидуальной консультации. Если так, то я – кто-то вроде личного психолога.

Сядьте, расслабьтесь, дышите глубоко. Закройте глаза. Я буду рядом.

Лена спрашивает, как у него дела, как проходит его «переход».

Я говорю, вроде бы все нормально...

На день рождения «сестренка» подарила мне свитер. Мне было очень неловко. Не знаю почему. Та самая реакция отторжения, о которой я уже упоминал. Человек вроде бы хочет как лучше. Ты видишь это по его глазам. Но не можешь ответить взаимностью. Просто принимаешь подарок. Изображаешь радость и глубоко внутри презираешь себя за это. За то, что терпишь этого человека.

Или делаешь что похуже. Например, бросаешь.

Или убиваешь.

Она была по-своему привлекательной. Не мой идеал, конечно, но все-таки...

У нас был нормальный здоровый секс.

Вроде бы все хорошо. Но каждый раз после контакта (мне нравится называть это словом «контакт» – по крайней мере, тогда нравилось), или после того, как я ловил этот ее преданный взгляд (часто такое случалось как раз после контакта), внутри словно бы что-то обрывалось. Как будто в кровеносную систему попал непонятный новый фермент. Он влиял на работу мозга, и перед глазами словно вспыхивали красные буквы:

«Стоп!»

«Отойти на пятьдесят метров!»

Или что-нибудь в этом духе.

Мне казалось, что я хуже ее. Я начинал воспринимать самого себя как хищного подлого зверя, трусливого и жестокого одновременно.

Впечатлительностью я отличался всегда. А еще больше – постоянным стремлением к самоанализу, самокопанию и отыскиванию проблем там, где их нет.

Разглядеть в самом себе какую-то гадость – в этом я специалист. Если нужны консультации, обращайтесь.

В основном, подчеркиваю, именно гадость. Если я вижу в себе хорошую черту, то тут же принимаюсь убеждать себя в том, что этой черты, этого качества у меня нет. А если и есть, то ничего такого в этом особенного и эта самая единственная хорошая черта – ничто в сравнении с полным боекомплектом гадостей.

... Душа Вадика сидит на спинке кресла и перекидывает из руки в руку резиновый мячик. Не знаю откуда, но у мертвых иногда появляются разные вещи. Лена, например, перед тем как полностью перейти (это произошло позавчера), держала в руках черную книгу. Названия я не разглядел – буквы были слишком витиеватыми, какими-то старомодными. Может, это вообще был рисунок.

Мне кажется, что в последние свои дни на земле мертвые стараются вызвать в памяти предметы, которые были для них очень дороги – книги, игрушки, инструменты, – и эти вещи помогают им осуществить переход быстрее.

Я был с самоубийцей Леной до самого конца. За несколько минут до того, как исчезнуть, она начала плакать. Надеюсь, что это ей помогло. Вадик вот плачет регулярно, потому что он еще ребенок и не научился скрывать свои слезы.

Слезы и вправду очищают. То есть мне так кажется, потому что сам я не помню, когда в последний раз плакал.

Вадик насвистывает что-то себе под нос, а я набираю номер Вики – хозяйки той квартиры, где, собственно, и началась вся история. На то, чтобы узнать ее номер, ушло месяца полтора.

Гудок.

Еще гудок.

Третий гудок прерывается где-то посередине, и хриплый женский голос говорит: «Алло?»

Минуты три уходит на то, чтобы объяснить, кто я такой.

«Ну, тот самый чел... который вырубился на диване... который спрашивал, какой сегодня день... да-да, с «сестренкой».

Вспомнила.

Время действовать.

Я спрашиваю, не помнит ли она, как на том флэйте оказалась моя «сестренка»?

Пауза.

Потом: «Что значит – как оказалась? Это же твоя сестренка. Вы с ней вместе пришли».

Я спешно объясняю, что никакой сестры у меня нет. Что в тот день увидел эту девчонку впервые.

«Ну, не знаю. Вы пришли вместе с остальными, и ты все время обнимал ее и называл сестренкой. А потом ушел в зал и там заснул».

Я говорю: «Спасибо, пока», – и кладу трубку.

Значит, произошло то, чего я и боялся. Никакой судьбы не было. Никаких знаковых совпадений, ничего такого, что могло бы хоть немного оправдать наши отношения. Мне было бы легче, если бы я знал, что все произошедшее можно объяснить предназначением, роком, из-за которого ни я, ни она не могли поступить иначе. Что-то в этом духе.

А все, оказывается, гораздо проще.

Я, будучи пьяным, заметил девчонку.

Она на меня запала. А я ее убил. Вот и весь сказ.

Вадик говорит:

– На последний Новый год папа дал мне попробовать вино. Давай я сейчас сделаю так, чтобы оно появилось на столе. Я хочу попробовать его еще раз перед тем, ну, как уйду навсегда. Интересное ощущение. Хочу его запомнить. Но одному как-то неловко.

Я отвечаю, что детям пить вредно, пусть даже и мертвым.

И вообще – я не пью...

«Я иногда представляю себе, как спасаю людей. Например, от самоубийства. Вытаскиваю человека из окровавленной ванны или из петли. Перевязываю ему руки или делаю искусственное дыхание. Звоню в скорую. При этом прекрасно понимаю, что в реальной жизни на такое не способен. В реальной жизни его вытащил бы кто-то другой, а я стоял бы в стороне и в лучшем случае был бы «на подхвате» (например, помог бы положить на кровать или набрал бы 02).

В таких фантазиях есть что-то отвратительное.

Я читал в газете статью об одном маньяке. Так вот, он тоже представлял себе, как совершает подвиги. А потом шел насиловать и душить девочек.

Вся мерзость – в контрасте между желаемым и действительным. Проблема не в том, что в мире нет места подвигу, а в том, что ты сам на него не способен. И, зная это, продолжаешь фантазировать.

У меня нет даже чувства отвращения к самому себе. Есть только какое-то холодное оупение внутри.

Я холодная тварь, и, что самое страшное, с зачатками души. Лучше бы этих зачатков не было.

Пора что-то со всем этим делать.

У меня есть кое-какие принципы. Один из них: если не можешь что-то поменять в конкретной ситуации – уходи. Я всегда следовал этому принципу, и тогда, с «сестренкой», тоже. Пора последовать ему и теперь.

Я не могу поменять себя.

Таким, какой я есть, я себя тоже не устраниваю.

Значит, пора уходить.

Простая логика.

Арифметика.

Никаких соплей».

Все это я написал уже после ее смерти и до того, как начал общаться с духами. Тогда я всерьез хотел покончить с собой.

Благодаря мертвым я понял, что самоубийство – очень страшная вещь, и что сделать этого я не смогу, и что я, таким образом, застрял где-то посередине между двумя мирами. А в остальном, в общем-то, не поменялось ничего.

Теперь я понял, что никогда не умел любить. Все, что я сделал, было продиктовано страхом либо ненавистью, но чаще всего – равнодушием.

Я знаю, что не одинок.

Колонны таких же равнодушных, как я, нестройным шагом топчут к остановкам. Миллионы полумертвецов выплевывают остатки жизни в пластиковые «ваучеры». Щедро делятся своими соками с телеэкраном или дисплеем компьютера. По-братски раздают свою теперь уже не любовь, а лишь способность любить, виртуальным шлюхам.

Нас учат этому. Нас подталкивают. Если верить политикам и людям искусства, то раньше, в советские времена, все было серыми. Ну что ж, теперь все попестрели. Но кроме окраски не изменилось ничего. Раньше были партия, социализм и светлое будущее, теперь есть корпоративная культура, телевизор на пятьдесят каналов, «аська», тампаксы и Верка Сердючка. Скромные богини энтузиасты переехали в четырехэтажные коттеджи. Любящие богини вырядились в сексшоповское белье.

Мы маршируем к одной-единственной цели, точнее к трем: нелюбовь, безнадега, неверие. Вслух никто об этом не скажет, потому что говорить о таких вещах – все равно что рассказывать о случаях инцеста, имевших место в твоём детстве. Или о садомазохистских наклонностях своей жены. Об этом в обществе говорить не принято.

Никто не признается в этом даже самому себе. Потому что каждый хочет считать, что уж он-то верит, любит, надеется. И эту уверенность тщательно поддерживают. Не верите? Включите телевизор. Сколько там любви! Сколько преданности! Сколько веры и надежды!

Такие вера, надежда и любовь вас не устраивают? Ну, вы уж это бросьте.

Вы считаете, что все это – фальшивка, суррогат? А вы просто попробуйте, приглядитесь к Прекрасной Няне – разве она не олицетворяет собой женское начало, а следовательно, и любовь? Пригляделись? Теперь понимаете? Вот. Садитесь и смотрите. А завтра – к станку. В офис. В парламент.

Хотите доказать любовь своему избраннику? Устройте романтический вечер в элитном ресторане. К вашим услугам японская кухня, квалифицированный персонал, приемлемые цены. Нет денег на ресторан? Не расстраиваетесь. В магазине бытовых приборов до конца месяца действуют скидки. Порадуйте свою половинку новым утюгом!

В этом плане мы еще очень далеки от Запада. Россия по-прежнему остается по большому счету диким полем. Но работа в нужном направлении ведется. Валики крутятся. Цепи хорошо смазаны. Экскаваторы копают. А мы, равнодушное большинство, не имеем ничего против. «Имя нам – Легион».

Я убил ее из страха.

Реакция отторжения взяла-таки верх. Я знал, что рано или поздно это произойдет. Я решил ее кинуть.

Процесс «кидания» растянулся примерно на месяц. Я не мог просто вот так взять и бросить ее. Знаю, что это было бы правильнее и честнее, но не мог и все тут. Потому что это накладывало бы на меня определенные обязательства, а от ответственности я всегда бежал как от огня. Банальное сравнение? Ну извините.

Я решил расстаться потихоньку, без всяких там сцен. Стал звонить все реже и реже, потом вообще прекратил. Мне хотелось, чтобы она сама все поняла. Это был бы идеальный вариант. Но она не хотела ничего понимать.

Женщины чувствуют, когда их хотят кинуть. Она начала писать по пять эсмэсок в день. Потом по десять. Потом по пятнадцать. Выпрашивала встречу. Когда ей это удавалось, я молчал, а она шла рядом и смотрела этими своими чертовыми преданными глазами.

В итоге состоялся разговор, пересказывать который, наверное, нет смысла. Я нес всякую банальную интеллигентскую чушь на-

счет того, что не достоин ее и что она может найти себе кого-нибудь получше.

Расстались без слез и криков. Молча дошли до остановки. Мой троллейбус подошел первым. Я сказал: «Пока», – и зашел внутрь.

Тогда я увидел ее в последний раз. Из окна троллейбуса. Она стояла под фонарем, похожая на девочку из фильма «Звонок» – ребенка, которого предали. Бросили.

Она стояла, вся какая-то ссутулившаяся, волосы полностью закрывали лицо (или мне так показалось). Как привидение, которое вырвали из его холодной, непонятной реальности и теперь снова туда возвращают.

Через две недели она выпрыгнула из окна своей комнаты.

Восьмой этаж.

Она умерла сразу.

Как оказалось, она вела дневник.

Я всегда считал ведение дневников скучным и бесполезным занятием. Зачем все это? Следовал простой логике: хорошие воспоминания – они и так останутся, а плохие – на кой черт их записывать?

Она же доверяла дневнику все свои мысли. Месяца за три до самоубийства (то есть примерно с того дня, как мы встретились) записи сделались радостными. Оптимистичными. Словно бы она нашла решение своей проблемы.

За две недели до смерти (то есть примерно с того момента, как я ее кинул) она перестала что-то записывать. Сделалась еще более молчаливой и почти не выходила из дома. Доктора в диспансере не знали, что с этим делать.

Обо всем этом мне рассказала ее мать. Это был единственный раз, когда мы общались. Нашла мой номер у нее в мобильном телефоне и позвонила. Хорошая мать. Настоящий профессионал. Она регулярно прочитывала дневник своей дочери, о чем последняя не подозревала.

На похороны я не пришел. Реакция отторжения.

...Мы с Вадиком идем по тротуару. Заходящее солнце светит в глаза. Оранжевые лучи стелятся по асфальту.

Безгрешный покойник и живой грешник. Мы находимся на одной оси координат, по разные стороны от нулевой точки, имя которой Смерть.

Сегодня последний день Вадика на земле. По такому случаю мы сделали исключение. Вышли из моей квартиры и отправились гу-

лять. Думаю, Вадик это будет полезно. Пусть последний раз посмотрит на мир – такой, какой он есть. Сверху все, наверное, будет выглядеть по-другому.

Вадик говорит:

– Сегодня был у себя на сороковом дне. Видел, как мама с Олей опять плакали. Отец в основном сидел и молчал, а гости пили водку и ели пироги. И лица у всех были какие-то мрачные.

Я говорю ему, что люди всегда ведут себя на поминках именно так – делают вид, что понимают и разделяют боль родственников. На самом деле на это способны только самые близкие. Остальные просто выполняют нудный ритуал. Играют в спектакле, даже, скорее, в массовке, где у всех одна задача – делать скорбные лица. Есть пироги и пить водку.

Проходящая мимо старушка испуганно смотрит на парня, который вполголоса говорит с самим собой. То есть на меня.

Вадик спрашивает:

– Что ты будешь делать после того, как я уйду?

Я отвечаю, что придет кто-нибудь еще.

Еще одна душа, ожидающая перехода.

Еще один человек, которому надо будет выговориться напоследок.

Еще одно существо, потерявшее все, что имело.

Кто-то, кто не успел отдать свои долги, признаться в любви, извиниться перед другом, набить морду начальнику, вырастить ребенка.

Я буду сидеть и слушать их.

Неотданные долги и несказанные слова – как гнилые зубы. Лечить их уже бесполезно, остается только удалять. Вырывать с корнем. В течение сорока дней все души пройдут курс интенсивной терапии, где я буду выполнять роль местного наркоза. Немножечко смягчу боль. Помогу приготовиться.

Потом мы идем молча.

Примерно через час Вадик исчезает – теперь уже насовсем.

Никаких слов прощания или благодарности. Оно и правильно. Я просто в очередной раз сделал свою работу, которую получил в наказание за то, что бросил человека. Не помог тому, кто во мне нуждался.

Я буду исполнять свою миссию снова и снова, до тех пор, пока во сне или наяву – если это произойдет, я не удивлюсь – не увижу девушку-ребенка, которую убил, и не услышу от нее три слова. Каждое из них я часто повторяю про себя.

«Я. Тебя. Прощаю».

Возможно ли такое?

Не знаю.

Все, что мне остается, – стиснуть зубы и работать.

Екатерина ДОЛИЧЕВА

ТАКСА И ПУДЕЛЬ

В одно прекрасное утро гулял Пудель с Таксой. Такса жила в обычном доме, в обычной квартире, с двумя обычными хозяевами. А Пудель – на вилле с десятью комнатами и четырьмя кладовками да с двумя ранчо. И вот они встретились. Пудель был весь в браслетах и с роскошной прической. А Такса – с обычным синим ошейником. Пудель – в обуви. А Такса – без. Пуделя несли на руках, а Такса шла сама...

И вот Пудель спрашивает:

– Ты сегодня ела клубнику со сливками, пиццу и мясо по-французски?

– Нет, но я ела котлету и сосиски. Все это запила водичкой.

– А в парикмахерскую ты сегодня ходила?

– Нет, меня сначала хотели причесать хозяева, но потом я сама лапой пригладилась. Вот и все, – тихо сказала Такса.

– А тебя сегодня тренировали гавкать? – снова спросил Пудель.

– Я была одна и сама тренировалась.

– Неужели ты все делаешь сама?

– Да... – отвечала Такса.

– А меня купают, кормят, делают прически... А еще у меня есть десять вилл и ранчо... – гордо сказал Пудель.

Вдруг ни с того ни с сего Пуделю надоело разговаривать с Таксой и он подошел к своей Подруге Джеси. Она была породы золотистый ретривер и так же богата, как Пудель. А Такса пошла к дворняжкам и стала с ними играть...

НОЧНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Вдалеке загораются огоньки – на улице фонари зажигают свои светики. За стеклом окна кажется: как будто там, во дворе, рыбка плавает, как в аквариуме. Это бесконечно едут машины с огоньками...

Ночью на небе – куча звезд. Снизу кажется, что там, наверху, тоже дома и деревеньки с огоньками.

Ночь – это девушка в синей чудесной шубе...

РАССКАЗ О ЛЕВЕ

Мой кот Лева иногда любит обороняться. Если его слегка задеть, то еще ничего. Второй раз толкнуть, так уже по-львиному оскаливается и кусается. Потом как набросится на меня!..

Но вообще-то он у нас спокойный. Потискаешь его, а он ничего. Или примет смешную позу. Ха-ха!.. Мордочку запрокинет, ножки – кверху, в разные стороны, а лапки прижаты. Сам глазами водит, за мной следит. Бывает, бросишь ему игрушку, а он подпрыгнет до самого плеча. Очень играть любит. Но больше всего любит, когда его гладят. Глаза закрывает и давай наслаждаться лаской. Спит он со мной на кровати. В общем, как вы уже поняли, я люблю своего Леву!

ПОЕЗДКА В ФЕОДОСИЮ

Однажды мы с мамой разговаривали.

Я говорю:

– Мам, а давай в Феодосию поедем...

– Для этого надо билет купить, – ответила мама.

– Давай купим! – сказала я.

В комнату вошел папа.

– Мы едем в Феодосию, – объявил папа.

– Ура! Ура! Ура! – закричала я.

И вот мы уже едем в поезде. Сколько было всего красивого! Мы проезжали деревни и города. На зеленой равнине бегали лошади. За окном виднелись леса, поля, горы... А ночью я слышала гул поезда... Скоро меня разбудили родители и сказали:

– Все. Приехали!..

Я вышла из поезда и увидела необычайную красоту...

Мы жили у папиной бабушки. В самый первый день пошли по рынку. Накупили овощей, фруктов и мяса. Потом пошли на пляж. Я еще не умела плавать. Так что заходила в море только по колено. Вдруг на берегу мы увидели обезьяну. А с ней – фотографа. Я говорю:

– Мам, давай сфотографируемся. И сели рядом с обезьянкой.

Потом угостили ее бананом...

Видим: мальчики что-то в банке несут.

– Что вы несете? – спросила их мама.

– Рака, – ответили мальчики, – мы за ним ухаживаем... И отпустили.

Когда наступили холода, мы решили уехать. Но какая-то женщина сказала:

– Сегодня должны прилететь лебеди...

Я ни разу не видела лебедей и сказала:

– Мама, давай еще немножко останемся. И долго уговаривала маму.

Наконец мама сказала:

– Ладно – только на один день...

Пошли на пляж. Смотрим: летят белые лебеди! Ах, как они изгибали свои длинные шеи! Мы их кормили с рук... Потом прилетел один черный лебедь...

Так я побывала в Феодосии...

НАШИ МЫШЕЛОВЫ

Раньше (может, и сейчас) котов и кошек использовали как мышеловов. С их помощью мы не теряем сыр и другие продукты. А почему? Да потому что кошка в нашем доме! Самая рекордная кошка или кот может поймать примерно сто мышей за день. Вот это рекорд! Никто другой на свете, кроме кошки, не может ловить столько мышей. Раньше египтяне держали кошек для того, чтобы уменьшить количество мышей. Сломалась мышеловка – кошка на подмогу. Даже бывали такие случаи – кошек закрывали в кладовках для ловли мышей. С тех пор наши мышеловы продолжают ловить мышей, показывая нам, что молодцы!..

Таисия ЛЕУХИНА**ВЕНОК ДЕРЕВЕНСКИХ РАССКАЗОВ**

– Нет ничего лучше деревни! – воскликнула Малышка. – Ведь правда, мам?

Все это выглядело примерно так: девчушка лет семи, в небесно-голубом платянце и с золотыми, как подсолнуховое поле, волосами, хихикая, пыталась вырваться из крепких материнских рук, которые тщечно пытались вплести две шелковые ленты в прическу непоседы.

– Представляешь, мама! Уже совсем, совсем скоро мы будем в деревне! Так здорово, правда?! Там кошки, свинки, коровы! А вдруг у кошки – котятка! Мам, думаешь, там будут котятка?! И бабушка – она всегда дает мне конфетки до ужина! – взвизгнув, девочка вырвалась и побежала к машине.

Услышав последние слова про сладкое, мать укоризненно посмотрела на мужа, а тот лишь развел руками и со вздохом стал выносить тяжелые сумки.

Когда они приехали, был уже вечер, но Малышка все же успела набегаться, вдоволь наесться конфет и посчитать все перышки на хвосте у цыпленка, который, к своему несчастью, попал к ней в руки.

– Мама, кислый лимон упал с верхушки сливового дерева, неужели мне пора спать? А стрекачи споют мне колыбельную? – увидев улыбку на устах матери, девчушка сладко потянулась и с разбегу прыгнула в мягкую кровать. А во сне она видела лес, речку и молочно-белый, как поле одуванчиков, туман.

Молочно-белый, как поле одуванчиков, утренний туман спрятал лес и небольшое озеро от человеческих глаз. Закутавшись в десять курток, штанов и несоразмерно большие по сравнению с моими ногами сапоги, превратившись тем самым в дутого культуриста, я отправился в лес за джентльменами-коротышками, – так я всегда называл грибы. Вообще, коротышек мне в тот день не хотелось, но сам процесс я всегда считал неплохим времяубивцем. Да и чего плохого в том, чтобы побродить по еще спящему лесу. По дороге в лиственное

сообщество я всегда задавался вопросом, зачем художники что-то ищут, ждут всяких дам в туниках, когда вот она, красота, перед носом: чуть розовеющее небо, вдали пугающий и одновременно дружелюбный лес, кое-где торчат домики, заборы и, как под снегом, только более прозрачным, поле. На заметку будущим грибоходцам: когда лезете в чашу, никогда не думайте про грибы, лучше вспомните песенки, иначе лесной божок оставит вас без улова. Лесного божка я придумал сам, а почему бы ему не быть, бывают же домовые. Когда с деревьев падает роса, мне кажется, что это лесной божок шалит. А еще он может читать мысли: если ты все время думаешь про грибы, то он махнет ручкой, и вылезут одни поганки, а если песенки поешь и анекдоты вспоминаешь, значит белых из леса не выгатишь, так много их вылезет. Но в тот раз грибов я не нашел, видимо, сегодня лесной божок был не в духе.

Сегодня лесной божок был не в духе, прыгал по веткам, топал ножкой, обрывал листья и перевешивал паутину.

А ведь день начинался не так уж и плохо. Проснувшись под птичьую трель, божок наполнился и умылся лесной росой. Утащил пару кукушкных яиц из попавшихся по дороге гнезд и приготовил отменную яичницу. Превратившись в старика-грибника, вывел пару заплутавшихся в чаще мальчишек. А потом до приятной ноющей боли в руках и ногах играл в салки с белками. Но тут небо потемнело, и легкий летний дождик заиграл лесную мелодию на листьях, поросших мхом, пнях и грибах, не успевших укрыться под земляно-коренным зонтиком.

Круглолицый мальчишка, с глазами зеленее сосновых макушек, выдававшими его истинный, многолетний возраст, в красных в желтый цветочек резиновых сапогах, синем комбинезоне и красной же в клеточку рубашке, прыгал по веткам и заливался самым заразительным на земле смехом. Но прибежав домой, под самый старый и трухлявый пень во всем лесу, он обнаружил, что не получил приглашения на ежегодный августовский сбор божков. Оказалось, что какой-то несносный мальчишка подстрелил из рогатки несущую ему приглашение сороку. Какая обида грызла его доброе сердце! Божок уснул в самом прескверном настроении, и всю ночь его мучили кошмары. Но на следующее утро другая сорока принесла ему приглашение, и быстро успокоившийся и подобревший божок скорее побежал лазить по лесу и рассказывать своим друзьям о произошедшей вчера истории.

Прослышавший об этом его старший брат из соседнего леса, который и был тем самым мальчишкой, все возмутился: «Подумаешь, какая обида!»

«Подумаешь, какая обида! – размышлял рослый девятилетний парнишка с кудрявыми, цвета жаркого дня, волосами, прячась от своей младшей сестры на чердаке. – Да, я закинул ее страшную куклу на дерево, съел последний пирожок, а потом уехал на велосипеде и не дал ей покататься. Но это же не повод для обиды! А эта дурочка уже разнюнилась и ревет примерно час, а все вокруг нее бегают и утешают».

Он со злостью прихлопнул было давно ползавшую по нему особенно жирную муху, но промахнулся, и та меланхолически надоедливо зажужжала у него над ухом. С грусти стал придумывать балладу о мухе. Первая строчка, бывшая заодно и названием, вертелась в голове: «Хлопнешь ее, а она все жужжит!», но дальше дело как-то не шло. Перед глазами все время вертелась милая заплаканная мордашка сестренки.

«Я хочу быть младшим, чтобы меня тоже утешали конфетками, нет, лучше конфетами – вкусное слово». Назойливое личико опять всплыло в памяти. Мальчик вздохнул и пошел доставать страшную куклу с дерева.

А вечером бабушка напоила внуков чаем и накормила конфетами. Бабушка любила их одинаково, своих маленьких внучат.

«Какое хорошее слово «бабушка» – доброе! И пахнет конфетами!»

Какое хорошее слово «бабушка» – доброе и пахнет конфетами, а еще травяным чаем, кошками, топящейся печкой и немного пылью. Бабушки – замечательнейший народ. Кто только не писал про бабушек, я не думаю, что отличусь и напишу что-нибудь новое, но не написать никак не могу.

Бабушка, невероятно горячо любящая своих внуков, так же горячо недолюбливает их родителей, которые еще «сущие дети и до самой смерти будут сидеть у нее на шее», но внуки – это всегда святое. Бабушкам разрешается все на свете: лезть без очереди, ругаться с водителем автобуса во время движения, а все только улыбнутся и махнут рукой, у каждого есть бабушка. Бабушки, собравшиеся вместе, – страшная сила, они с детской непосредственностью обсудят все увиденное и услышанное, и бойтесь стать предметом их пересудов. А кто устраивает митинги и шутя меняет власть? Конечно же, бабушки.

Да ладно, все это чушь! Бабушка – это чай, конфетки и запах пыли, что-то любящее и доброе. Бабушка – это сборник чудесных историй, и если хорошо попросить, как-нибудь вечерком, за ложеч-

кой малинового варенья, старушка расскажет массу интересных рассказов, и ты поймешь, что и у вас в роду были Арины Родионовны.

Но внуки уедут, и бабушка, вздохнув, пойдет спать, а за окном будут перешептываться дома.

Когда мы все спим, за окном украдкой перешептываются дома:

– Мой опять пьяный пришел, пытался пластиковыми бутылками печку растопить, – начал дом с ободранной дверью и покосившимся забором.

– Мне до сих пор больно. А у тебя, сосед, такое бывало? – подмигнув разбитым окошком дому справа, спросил покореженный.

Поморщив трубу, сосед все-таки ответил:

– Да что ты, моя хозяйшкa мне каждый день окна протирает, паутинки с меня снимает, а печка у меня просто загляденье, – хвастался голубоставенный дом с красной крышей.

– А у вас уже косят? Ой, а мой еще не начинал! – проснулся очень хозяйственный дом.

– Да успокойся, еще не начинали, – утихомирили его, и дом опять задремал.

После этого пошли разговоры на всякие хозяйственные темы, вроде: у кого сколько куры яиц несут и коровы молока дают.

Потом проснулся дом-балагур и стал, как обычно, всех смешить, а за полчаса до рассвета дома запели красивую старинную песню, и им подпевали мириады сверчков. А потом заорал самый ранний петух, и дома, простившись, улеглись спать и стали видеть дневные сны. А в воздухе витал самый жаркий, самый летний и самый деревенский запах.

В воздухе витал самый жаркий, самый летний и самый деревенский запах. Деревня, вообще, просто рай всевозможных самых приятных и запоминающихся ароматов. В поле пахнет скошенной травой, лесом и сыростью озер. В сарае – животными: курами, коровами, овцами, а еще дедушкой, мой любимый запах тройного одеколona и самокруктки. В доме пахнет бабушкой, впрочем, я уже говорила о том, как пахнет бабушка, а еще топящейся печкой, и когда туман – сырими досками. А на крыше все эти запахи смешиваются и образуют идеальный для меня аромат, который невозможно купить ни в одном парфюмерном магазине. А что еще можно написать о деревне?

Я сейчас сижу на крыльце; меня донимают танцующие мухи; где-то вдалеке кричит бабушка, а под окном пищат цыплята и шуршат деревья; по голубому небу стадами бегут облака; за крышами домов виднеются маковки церкви, а если посмотреть вперед, можно увидеть травку-муравку; по траве, высунув язык, бежит собака и издает смешные звуки, а рядом со мной сидит и мурлычет пушистая кошка. Мне грустно оттого, что скоро уезжать и что лето почти кончилось. А я сижу и думаю, что нет ничего лучше деревни!

МИР НА Ч...

Мир на Ч... – чудесный, чудаковатый, чудовищно нелепый, чрезвычайной смешной. Его можно охарактеризовать всеми словами на букву «ч»: чарующий, чародейный, чепуховый. Это тот мир, в котором я бы хотела жить.

Люди в этом мире выглядят иначе. Внешний вид отражает их сущность, их внутренний мир.

Вот примерная картина города в мире на Ч... Дома наклонены в разные стороны и свисают к земле. Город вижу я, поэтому он серый. Это мой любимый цвет. Мир окрашен для каждого смотрящего в тот цвет, который ему нравится больше, чтобы не раздражаться буйством нелюбимых красок. Среди бесконечных улиц этого города (а улицы эти воистину бесконечны, как чертеж безумного изобретателя: большие улицы перетекают в улочки, закоулки, тупики) вдруг откуда ни возьмись возникают окружности скверов и цветкоподобные изгибы парков.

Толпа людей, как бы это объяснить, напоминает что-то вроде парада уродцев. Но выглядят они очаровательно. Вот идет явно очень умный человек – у него три головы, а на ногах две фетровые шляпы. Этот человек очень предусмотрителен, ведь если пойдет дождь и ему придется встать на руки, то капли не будут щекотать его пятки. Когда идет дождь, все ходят на руках, потому что тогда не мокнет голова, а намочить голову очень неприятно. Есть даже специальные школы, где учат ходить на руках, а некоторые мамы обучают этому своих детей самостоятельно.

Навстречу умнику идет весьма скуповатый тип. Он очень мал ростом и похож на шарик для боулинга, который мерно катится по дорожке. Но мал и толст он отнюдь не от сытных обедов и не оттого, что его родители были низкорослы. В мире на Ч... от этого вообще ничего не зависит. В этом мире на вопрос «Может ли блоха произвести на свет слона?» вам незамедлительно расскажут сотню таких случаев, при этом глянут на вас как на умалишенного. Так вот,

этот человек состоит из множества карманов, куда и прячет все свое добро. Оно такое тяжелое, что тянет его вниз и делает таким маленьким, а карманы, набитые всякими вещами, придают ему форму шара.

Из соседнего дома вышел сноб. Его шея в виде гармошки возвышается над головами прохожих. Когда он видит человека, который, возможно, в чем-то его превосходит, его шея спускается вниз, и он начинает грустить. Его личность раздваивается, и вот по улице, дружно держась за руки, идут два сноба.

Вот в трамвай входит любитель почесать языком. Этим людям хорошо и прохладно в жару и тепло в холод. К тому же они экономят на одежде, так как их язык настолько длинен, что позволяет завернуться в него.

У добрых людей много рук, чтобы они могли подать их каждому нуждающемуся. Когда помощь никому не нужна, они любят закутываться в руки и ходить как ни в чем не бывало.

У трусов и у занятых людей много ног: количество пар зависит от величины трусости или занятости.

Природа в этом мире тоже очень необычна. Деревья завиваются в причудливые формы, струятся змеями, а на верхушках превращаются в птиц, которые летают лишь по праздникам или когда вокруг них много веселых людей.

В каждом древнем дубе живет гадалка. Все они очень похожи: маленькие и сгорбленные, всегда в платочке. У этих старушек постоянно один глаз дергается. Когда их спрашивают о каких-нибудь событиях, глаз сильно выпячивается из орбиты и смотрит сквозь пространство и время.

Кусты, если их пощекотать, могут захихикать и убежать. Когда они особенно сердиты, то поднимаются в воздух и начинают плевать. Так что лучше их не трогать. А вот цветы трогать можно, от прикосновения они начинают петь (особенно они любят исполнять хиты) и источать аромат каких-нибудь смесей или духов.

В домах водятся мелкие паразиты, что-то вроде тараканов, только меховых, пушистых и разноцветных и скорее похожих на гусениц. Паразитами их считают лишь потому, что они искажают и портят выбранную вами цветовую гамму. В мире на Ч... с ними, правда, не борются, а используют как домашнюю утварь. Причем как душе угодно: моют ими посуду вместо тряпок; накручивают на голову как бигуди. Представьте, вам открывает дверь дамочка в халате, а на голове у нее накручены разноцветные пищащие зверюшки. Моль тоже есть. Используется вместо вентиляторов. Чем больше моли, тем комфортнее в жару. На птицах летают на работу, но это так, к слову.

Много праздников в этом мире. Например, День Головы. По городу летает большой шар, сделанный специально в форме самого

вредного человека, которого предварительно выбирают. В это время по городу бегают все желающие с ружьями и пытаются подстрелить голову. Когда им это удастся, голова распадается на множество маленьких голов, созданных по индивидуальному заказу всех желающих, и каждый гоняется за своей маленькой копией, которая может быть головой начальника, соседа, милиционера, когда-то понапрасну оштрафованного... В каждой голове есть сюрприз – какая-нибудь мелкая занимательная вещица.

Существует также День Разных Грехов, в который каждый выбирает себе грех и грешит на всю катушку. Есть День Пугания Кустов. Есть День Гонок, когда соревнуются в скорости абсолютно все: люди, звери и те же кусты. Есть День Плохой Еды. Сразу за ним День Восхваления Туалетов (туалеты краснеют, если их долго хвалить). Есть ещё много всяких других праздников, только Новый год у каждого персональный, совпадающий с днем рождения.

После бурных дней наступает ночь, и город в мире на Ч..., как и многие другие города, успокаивается и становится необычайно красивым. Ведь все красивы, когда спят. В этой тишине и покое появляются звезды, которые танцуют и поют колыбельные песни, пока спит прекраснейший из миров, мир на Ч...

Людмила РУСИНОВА

ПРО НОВЫЙ ГОД

Нет на свете более раздражающего времени, чем предновогодняя гонка. Вся эта суета с исключительно бесполезными подарками и сувенирами, все это сверкающее украшательство окружающего пространства безвкусицей и яркими побрякушками. Вся эта гонка за новогодними нарядами (в этом году в моде леопардовая и полосатая расцветка, поэтому на 1 января мир будет накрыт леопардово-полосатым, невменяемо-пьяным флагом. Дашь леопардово-полосатое рождество!)... А уж о новогодних песнях, фильмах и развлекательных программах и говорить нечего. Сие отвратительное, антиинтеллектуальное, безвкусное действие без остановки крутится по всем каналам – на радость обывателям. Разрисованная Анастасия Заворотнюк, посверкивая блестками и подправляя потекший грим, сладеньким голосом с неизменным «гэ», вопрошающая: «Все готовы к веселью? Хочу замуж...» Фу, скорее бы кто женился на ней и увез куда подальше... К тому же в этом году зима радует нас отсутствием снега, на улице ни снежинки, на полях травка зеленеет – или желтеет, на дорогах грязные лужи сверкают, на тропинках хлюпает свежая липкая грязь... мmmm – красота... Если дальше пойдет так, то дети придумают себе новые забавы, например: игра в грязьки и сооружение грязной бабы...

ПРО ЛИЧНЫЕ ИТОГИ

Хотелось бы как Z-itogi: «...я ухожу, оставляя горы окурков, километры дней, миллионы придурков...» Но фишка в том что:

а) я никуда не ухожу и вообще практически не двигаюсь, если рассматривать движение как перемещение из одной точки в другую. Мое движение – топтание на месте;

б) горы окурков не оставляю – не тот калибр. Лишь мелкомасштабные кучки;

в) километры дней прожженной жизни, века убитого времени плюс (в несомненный бонус) галлоны порченого воздуха;

г) миллионы придурков... Ну не миллионы, а пару кретинов за этот год мне посчастливилось оставить в прошлом.

Теперь, когда с официальной частью закончено, буду говорить о грустном, но по существу. Итоги:

1. Я стала: старше на год. Толще на два килограмма.
2. Сменила: цвет волос. Ориентацию.
3. Потеряла: девственность. 500000 волос. 100000000000 клеток кожи. Четыре пары набоек. 12 рублей мелочью. Уверенность, что зло победит добро.
4. Нашла: в себе писательский дар. 200 р. Е. А. А.
5. Приобрела: пару итальянских сапог. Бесценный опыт утопления мобильных телефонов в унитазе. Высокую толерантность. Первую пару кед. Умение попадать под прицельный огонь голубиных какашек.
6. Попробовала: исключительно соленую воду Соль-Илецких луж. Писать статьи.
7. Узнала: душераздирающую историю личных драм участников группы «Ночные снайперы». Что будет, если водку запивать среднеалкогольным коктейлем «Блейзер». В каких аудиториях ТГУ можно уединиться.
8. Решила для себя по жизни: не запивать водку среднеалкогольным коктейлем «Блейзер». Не оставаться самой трезвой на вечеринке. Не ходить на лекции без музыки в наушниках и интересной книжки в сумке (это помогает бороться со сном!).

ПРО МАРШРУТКУ

Мы сидим в жаркой духоте небольшой железной коробки, соприкасаясь друг с другом коленями. Вторгаясь своими биополями в личные зоны друг друга. Коробка останавливается и часть коробочного населения покидает насиженные места, чтобы смениться другой частью.

Нахожусь в сидячем положении почти час. Место привилегированное – под фонарем, освещающим трясущуюся книгу. Неплохое у меня место: лишь одна коленка неприятно соприкасается с чужой. По мере движения сменилось множество соприкасающихся коленок. Гоповатый молодой человек с коленкой, обтянутой темно-синими спортивными штанами. Затем мужчинка лет 35 с залысинами и с серой «твидовой» коленкой. Его сменила девушка с коленкой в малиновых колготках... Книга уносит в иные миры... Девушка в колготках сменилась существом непонятного пола, одетым в оливковую куртку, сверкающим мощным коленом, обтянутым чем-то серым... Наконец стальная коробка, она же маршрутка, останавливается на моей остановке. Выхожу из духоты салона, наполненного запахами, аурой, парами дыхания... Из темноты леса на меня с вечным спокойствием взирают кладбищенские кресты... Я почти дома...

Валерия ПИЩУГИНА

КУРИНЫЙ БУЛЬОН

*Абонент временно недоступен.
The subscriber is temporally inaccessible.*

Когда-то я была птицей. Я летела, наслаждаясь этим ощущением свободы, когда ты ни от кого не зависишь и нет никого: есть только ты и небо. Когда-то у меня были мечты, чистые и невинные, или противоречащие всем устоям и традициям. Я строила планы, на благо общества и по его уничтожению. Я могла перевернуть этот мир или просто лететь все вперед и вперед....

Теперь нет ничего. Теперь я – толстая старая курица, и мои крылья служат лишь для того, чтобы время от времени почесываться. У меня нет ничего: все мечты лишь о том, чтобы иметь теплую постельку и крышу над головой, все планы – как пройти три метра и посплетничать с такой же жирной несущей. Я усердно откладываю яйца по первому требованию хозяйки и петуха-производителя. Теперь нет ничего, кроме этого тесного курятника, пропахшего птичьим пометом, и маленького дворика перед ним... А еще есть небо. Но оно высоко и здесь не такое как там. Там оно было моим чистым небом, а здесь – чужое и заволочшееся облаками. Я почти не вижу его, и лишь редкие голубые дырки еще появляются над этим миром-курятником...

Но иногда я вспоминаю. Вспоминаю все, что было, все, что осталось там... И у меня тоже есть сердце. Оно начинает биться... Это странное дерзкое горе, жадное к редким моментам, когда оно может есть само себя, никогда не насыщаясь, и каждый раз приходя ко мне. Все реже и реже... Но я вспоминаю, что я летала, и больно становился крыльям. Что крылья, когда уже ноги не в силах носить это жирное тело? И в моих глуповатых куриных глазах иногда еще мелькнет странная рабская жажда свободы. Мелькнет и померкнет...

Я – старая толстая курица. Небо никогда не будет моим, оно никогда не вернется ко мне, и скоро уже позорная смерть в бульоне. И я не совершу поступка. И небо не вернется ко мне. Абонент навсегда недоступен. *The subscriber is finally inaccessible...*

ПИНГВИНЫ В ХОЛОДИЛЬНИКЕ

*На ночь витамины –
И легко уснули:
Снилось, как пингвины
Плавали-топули...
Звери, «Пингвины»*

Пингвины сидели в холодильнике и пили кефир. Подумаешь, что тут удивительного? Действительно. Ну открыла холодильник, ну пингвины, ну кефир пьют, и что? Лишь бы колбасу не трогали. Кстати, о колбасе: надо бы сыру купить. Машинально перелистывая газетные страницы – желтая пресса, – доела свой завтрак, помыла посуду, вытерла руки. Совершенно обычное утро.

Ничего не хотелось. За окном дождь и серое депрессячное небо. Мне в такую погоду всегда спать хочется: залезть под одеяло в теплую нору, свернуться клубочком и всё, и никуда, и никогда... Совершенно обычное состояние.

Моя дурная голова все-таки заставила ленивое тело оторваться от стула и понести себя на автобусную остановку. Черт, зонтик забыла! Возвращаться плохая примета, да и некогда уже, и так автобус запаздывает, а значит и я – на работу. Кое-как приткнулась под козырек остановки вместе с другими 145 миллионами, с ними и в автобус забились. Как кильки в банке. Ага, в собственном соку. В желудочном, что ли? Бред.

На работу я, конечно, опоздала. Конечно, начальник вызвал на ковер, отругал как следует. Конечно, ничего мне за это не было. Конечно, день прошел как обычно. Совершенно обычный день. Вот уже и семь пробило. Дождем по крыше.

Выхожу на улицу. Дождь не прекратился, с силой ударяет по плечам. Устала: не могу бежать или даже быстро идти, поэтому просто бреду к остановке, отдаваясь во власть ветра и толстых капель. Снова забиваюсь в автобус, выхожу из него, бреду в магазин... Совершенно обычный вечер.

В магазине беру горчичный батон и, подумав, упаковку кефира. Ведь в холодильнике сидят пингвины и им тоже надо что-то есть.

ТЫСЯЧИ ЖИЗНЕЙ

У каждого из нас могли быть тысячи жизней. Но дана лишь одна. И приходится выбирать... Каждым своим шагом ты убиваешь эту тысячу – одну за другой. Ты поднял с асфальта красный лист, а не желтый. И в тебе кто-то умер. А возьми ты желтый, умер бы кто-то другой.

Это и есть выбор одной жизни из тысячи – когда ты подбираешь мокрый осенний лист. Ты мог его вообще не подобрать – и твоя судьба досталась бы другому. Ну и что? Об этом бы все равно никто не узнал.

Может быть, когда-то я встречу с собой. Не скажу, что мы узнаем друг друга. Может быть, мы просто пройдем мимо. Может быть. А если нет? Если мы все-таки подружимся и поймем, что ты – это я, а я – это ты? Тогда мы возьмемся за руки и пройдем сквозь призму тысячи жизней. Тогда я буду знать, что все встало на свои места.

Только ответь мне на вопрос: так в чем же дело? В том ли ветре, который сорвал этот лист с дерева, или все-таки в тебе? Подумай об этом, друг. И если ты скажешь, что дело в ветре, значит так оно и есть, и мне просто показалось, что ты это я.

Когда ты идешь по улице – убивая очередную свою ипостась – ты смотришь людям в лицо, заглядываешь в глаза и иногда видишь чью-то душу. Эта душа могла быть твоей. Эта судьба могла быть твоей. У каждого из нас могли быть тысячи жизней.

ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА
«МОЛОДЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ ТОЛЬЯТТИ – 2007»
В НОМИНАЦИИ «ДРАМАТУРГИЯ»

ДАША САВИНА
ДАРЬЯ ЛЕСНЯКОВА
ОЛЬГА САВИНА

Даша САВИНА

В КОСМОС

Девочка Катя решила покончить с неопределенностью и расставить все точки над «i». Надоело мучаться догадками, хватит. Надо собраться и написать ему письмо. Ничего ж такого не случится? Да... Хотя... Столько лет прошло, ни слуху ни духу. Думай как хочешь. Девочка Катя почесала ручкой за ухом и еще раз решила покончить с неопределенностью. Теперь окончательно. Без всяких. Она долго соображала, как начать. Изрисовала весь лист, но ничего интересней, чем...

Здравствуй, папа!

... так и не придумала... Так вот.

Здравствуй, папа!

Я так долго собиралась тебе написать... Нет, правда. Не два дня и даже не две недели... Долго... Знаешь, где-то в пятом или в шестом классе у нас на русском было такое задание: написать кому-нибудь письмо. По фиг кому. И я решила написать тебе. Да. И я написала. Учительница потом прочитала, и маму в школу вызвали. Не знаю, что там такого в этом письме было. Ошибок, что ль, много? Или я выдала государственную тайну? Но, короче, я его так и не отправила. У меня возникли небольшие трудности с адресом.

Девочка Катя вспомнила свое детство. Как она писала это письмо и как потом бабушка кричала на маму на кухне, пока Катя выносила мусор, и еще долгое время после того, как она вернулась.

Если честно, не так уж давно это было. Сколько лет прошло? Семь? Восемь? Я все это время думала, как я тебе напишу. Тогда это было проще. Я рассказывала, как я учусь, с кем сижу за одной партой, сколько у меня троек в четверти... Сейчас это, конечно же,

не актуально, но, в принципе, письмо довольно милое было... Наверное... Сто лет не читала, не могу найти... Ну а что? Так, для памяти, может, и сошло бы. Убей, не помню, куда его девала.

Может, мама выкинула, может, лежит где. Девочка Катя пыталась сообразить, где оно может находиться, но ничего не получалось. Она никогда ясно не осознавала, что где у нее лежит.

Но это не суть. Я все-таки пишу тебе снова, это главное. И конечно же, у меня есть на то причины. Их несколько. Но я не буду их вот так перечислять по пунктам. Это чтоб ты знал, что я не от нечего делать тебе пишу. И не от балды. Я скорее от безысходности. Да... Но ты не переживай. Не всё так плохо... Было вчера. И позавчера. И некоторое время до этого. А сегодня...

Сегодня... Что сегодня?.. Так сразу и не скажешь. Девочка Катя решила начать издалека.

Знаешь, пап... Сегодня началась новая жизнь... То есть, я хочу сказать, началась-то она давно, но обнаружилось это сегодня. По крайней мере, для меня. Теперь периодически дает о себе знать. Не понимаю, как я раньше не замечала... А что тут поделаешь? Остается только надеяться... Да...

Надежда – это замечательная вещь. Определенно хорошо, когда что-то похожее присутствует. А то так посмотришь на себя со стороны: мой кот от меня свалил и, кажись, его переехала машина, в одежду скоро перестану влазить, и еще эти бесконечные концы света покоя не дают. Хоть ложись и помирай! А я – нет, фигушки! Держусь. Я знаю, что ничего хорошего из этой истории не получится. Я даже так скажу: все будет ужасно, отвратительно и хуже не придумаешь. Но какая-то сила заставляет меня периодически подумывать о том, что все преобразуется в какую-то более лучшую форму... Да... Что будет так, как я хочу... Хорошо всё будет... Терпимо... Да.

Хотя... Чего я хочу... Не факт, что это хорошо. Сложившиеся обстоятельства вынуждали девочку Катю всё чаще сомневаться в себе, в людях, в сущности бытия.

Я недавно свой стол перебирала и нашла какую-то непонятную книжку...

Честно говоря, это даже не книжка. Девочка Катя долго пыталась дать название этим нескольким страницам распечатанного текста. Так, чтоб было понятно, о чем речь. Но не получилось. Она решила, что по фигу, будет книжка. Кто там будет разбираться?

Там такой сюжет, как будто ты выходишь из холодильника и... Ну почти что мир спасаешь! Да, можно и так сказать. Понимаешь, всё сразу на свои места становится. Всем сразу все понятно, никто никуда не ломится, не грузится, не удивляется, и вообще все хорошо. И я подумала: вот бы мне так! Иду я на кухню, открываю холодильник, а там ты. Выходишь, опрокидываешь пакет с молоком, по фиг, его все равно никто не пьет. Потом прибегают мама, начинает кричать: «Что за грохот?!» А потом видит тебя и падает в обморок. От счастья, естественно. Бабуля вызывает её «скорую». Она всегда так делает, когда не знает, что конкретно делать. «Скорая» приезжает только через полчаса, но бабуля не ругается — она счастлива. Мама тоже очнулась. И все рады, даже врачи, хоть им зарплату уже сто лет не платили. Они стоят в своих белых халатах и улыбаются. Они нисколько не удивились человеку из холодильника, стоящему в луже молока. Они же не такие, как мы — они ведь тебя знают!..

Что-то я замечталась. Но сам посуди, как бы это было хорошо! Я уверена, что все мои проблемы сразу же закончились бы... Как жалко, что тебя нет. Трудно расти без отца. Да не только расти. Вообще. Маме доверия ноль — ну ты сам знаешь, что я тебе рассказываю? А бабуля... Куда там? Она вообще какая-то странная стала. Да обе они! Как кол проглотили. Разговаривать со мной совсем перестали. А если и разговаривают, так у них всё с одного начинается: «Ну и что ты будешь делать дальше?» Особенно бабуля. Это вообще. У нее как в голове что-то сдвинется, она припрется ко мне в комнату, поковыряется на столе, типа ей интересно, чем я занимаюсь, и понеслась: «Что ты будешь делать дальше?» Бесят меня такие разговоры! Особенно, когда они не вовремя. А у бабули всегда все не вовремя. Не вовремя и не в тему. Например, когда приходит мама, бабуля начинает на нее орать. Вот что на нее орать? Не то, чтобы мне ее жалко, но орать-то что? От этого же ничего не рассосется. Вообще у бабули странная логика. Она думает, что держит нас с мамой в ежовых рукавицах и что без ее гениальных советов мир обвалится. Наивная. Столько лет, а ума нет. Лично мне от ее присутствия ни жарко ни холодно, а мама у

меня еще та раздолбайка. Я точно в нее пошла... Эх, жалко, что не в тебя. Может, из меня тоже что хорошее получилось бы.

Что получилось, то получилось. Чего жаловаться? И так неплохо... Сносно... Жить можно. Правда ведь?.. У девочки Кати перестала писать ручка. Так всегда. Нелепые казусы вроде этого иногда всерьез и надолго выбивают из колеи. Особенно когда размышляешь о высоких материях и прекрасном.

А я...

Проклятая ручка! Девочке Кате пришлось развинтить и по-дуть в нее. Реанимировать ручки – это как раз то, что она умела делать хорошо.

А я хочу в космос, как ты! Ну, конечно, как ты у меня не получится. Ты же был первым. А я... Что я? Меня даже в автобусе тошнит. Да... Что там говорить? Были времена. Все мечтали быть космонавтами. А сейчас... Я даже не знаю, о чем бы таком помечтать. Столько всего надо. И этот бабушкин вопрос стал частенько на ум приходиться. Нет, серьезно, мне самой интересно, что я буду делать дальше. Поскольку я больше не хожу в институт, у меня есть куча времени, чтобы обдумать дальнейший план действий. Пункт № 1 – сказать маме и бабушке, что я ушла из института.

Блин, что будет! Представить страшно... В последнее время девочке Кате стало все труднее представлять окружающую действительность.

А что дальше – понятия не имею. Сон... Это единственное, что спасает от тошноты. Иногда кино показывается, иногда еще что-нибудь, а один раз даже музыка приснилась. Целые симфонии! Я, правда, все забыла. Но там я счастлива. Очень хочется заснуть и проснуться, когда наступят времена получше. А они, судя по всему, еще нескоро наступят. Вот, например, вчера в зеркало посмотрела... Нет, это больше не лицо... Это какая-то жопа.

Девочка Катя посмотрелась в маленькое поломанное зеркальце, почесала переносицу... И правда жопа.

Меня раздувает как дрожжевое тесто на батарее. К тому же периодически тошнит. Представляю, что будет потом. Наверное,

вообще останусь жить в сортире... А что? Зато и у меня наконец-таки будет свое место в жизни.

Неожиданно вспомнились бабушкины нотации: каждый человек должен определиться и найти свое место в жизни. Как некстати! Вечно они все портят! Девочка Катя в очередной раз убедилась в том, что ее бабушка занимается форменным вредительством. Она и убийца Джона Леннона – их двое!

Что делать, короче, я не знаю. Все на меня наседают, а я ведь не виновата! Да что там! Кто тут виноват? Сейчас этих виноватых днем с огнем не сыщешь, одни жертвы кругом. И бабушка пострадала, и мама... Все, кроме меня. Что за несправедливость? А ребенок безотцовщиной расти будет, прям как я... Нет, я, конечно, не безотцовщина – у меня есть ты. Да. И я этим горжусь. Не у каждого, знаешь ли, папа первым слетал в космос. И облетел вокруг земли. И обратно вернулся. Да! Ты у меня настоящий герой! Да и не только у меня. У всей страны! Это жалко, что ты умер задолго до того, как я родилась. Но это уже к маме претензии, ляпнула, что первое в голову пришло. Наверное, она не ожидала, что я могу спросить, кто мой отец. Я ж говорю, она раздолбайка еще та. Для нее всё неожиданно. Но я нисколько на нее не злюсь. Пусть лучше такой папа будет, чем никакой. Правда ведь? А я тебя и так люблю.

Девочка Катя вспомнила, как однажды, читая учебник по истории, обнаружила это чудовищное несоответствие. Да... Хреново было... А то как же? Подумаешь, что это мама все выдумала. Что ж он теперь, не родной, что ли?

А что касается моего ребенка... Я что-нибудь придумаю. Мало в мире достойных людей? Да полно! Пруд пруди! Взять хотя бы музыкантов из подполья. Они так-то все алкаши страшные, только и знают, что песенки матерные под гитару орать. С них и взять нечего. Но у них есть один большой плюс: их никто не знает. А легенд можно всяких насочинять. Надо только за это дело поосновательней взяться. Не хочу облажаться, как мама. Я уж придумаю, так придумаю. Хотя... Чего больно сочинять? Тут правду скажешь, никто не верит.

Где она, правда? Девочка Катя проверила состояние счета на телефоне. Там ничего не было.

Хотя чего я тебе все жалуясь? Нормальная у меня жизнь получается. Я уже прикинула в общих чертах. Вот вырастет у меня дочь. Ну, или сын. Станет нормальным человеком. Будет у него нормальная семья. Не такая, как у меня. Я, во всяком случае, на это очень надеюсь. И уже хорошо. Лишь бы в старости в маразм не впасть. Вот это Боже упаси! Куда угодно, но только не туда. Уж лучше в аутизм. А что? Хорошая идея! Раз – и нет меня, я в себе. Или с деревьями буду разговаривать. Мало ли сколько хороших людей в деревья реинкарнировалось? Чего б с ними не поговорить? Не на даче же ковыряться. Вот... Так подумаешь, и нормально все. Чего там? Все отлично. Сейчас, конечно, тяжеловато. Не мне тебе рассказывать, что такое притяжение земли. Или это просто оттого, что нас во мне больше стало? В любом случае, очень хочется покоя и невесомости.

Девочка Катя задумалась и нарисовала несколько корявых сердечек на полях. Потом пришла в себя и старательно их зачеркнула: пошли все на фиг!

Жду не дождусь, когда смогу тебя увидеть. Когда это будет только? Может, в следующей жизни, а может, и попозже. Но я думаю, что это все-таки случится. А то как же иначе? Что ж я тогда, ничья, что ли?

Девочка Катя аккуратно положила ручку на стол и решила письмо не перечитывать. А то непременно найдется куча ошибок, грязь разведется... Как есть, так и есть... Девочка Катя сложила письмо в маленький самолетик, залезла на подоконник и открыла форточку. Постояла, подумала. Взяла ручку. Нацарапала на самолетике «В космос» и высунула руку в окно. Самолетик немного покружился по улице, а потом куда-то делся.

THE END

Дарья ЛЕСНЯКОВА

ЗАКРЫВАЯ ГЛАЗА

Слепая девушка лет пятнадцати в своей комнате, в руках диктофон. Входит мать.

МАТЬ. Что это у тебя?

ОНА. Диктофон. Бабушка подарила. Мам, ты что-то хотела?

МАТЬ. Да нет. Скоро обедать будем.

ОНА. Угу.

МАТЬ. Может, ты что-нибудь хочешь? Принести чего-нибудь? Шоколадку хочешь? Или йогурт? Давай?

ОНА. Мам, до обеда нельзя сладкое. Кто мне всегда говорил? Оставь меня, пожалуйста.

МАТЬ (*садится рядом с дочерью*). А что ты будешь записывать?

ОНА. Мам!

МАТЬ. Всё, уже ушла.

Мать уходит. После её ухода девушка какое-то время собирается с мыслями, решается, ищет кнопку play на диктофоне, находит. Щёлк.

ОНА. Привет. Давно не виделись. Точнее, один месяц и четыре дня. Вот. Мне бабушка диктофон подарила. Мы с ней договорились, что я тебе письмо. Наговорю, так сказать. (*Нервно смеётся.*) Она сначала хотела сама под диктовку записывать, но я как-то не знаю... Неудобно перед ней. Всё-таки ты и я – это ведь личное, да? Потом она тебе кассету отнесет. Обещала. Я уже два дня думаю, что именно тебе сказать, но бабушка сказала, что чем дольше я тяну, тем труднее будет потом. Я немного так придумала, что скажу, правда почти всё забыла уже, ты же знаешь, память у меня – никуда не годится. (*Нервно смеётся.*)

Пауза.

Я хотела у тебя прощения попросить. Прости меня, пожалуйста. Уже месяц, как я в другой школе учусь, мне там нравится, только тебя нет. Никто не возьмет меня за руку, не расскажет

анекдот, не бросит колбасу за шиворот. Прости меня, пожалуйста. Я тебе каждый понедельник звоню, твоя мама говорит, что у тебя ангина, тебе больно разговаривать, поэтому к телефону ты не подойдешь. Честно говоря, я верила только первые три раза, сейчас это как-то уже совсем неубедительно звучит. Но мало ли... Если ты правда так долго болеешь, то мне очень жаль, выздоравливай скорее. Я помню, что такое ангина, это когда ни слова сказать не можешь, даже шепотом, ни позвать никого, и глотать очень больно. А еще ангина – это колючий бабушкин шарф, горькие таблетки и нельзя вставать с кровати. Выздоровливай и позвони мне, пожалуйста, я так давно тебя не слышала. Мой номер сорок один (*пауза*) пятьдесят шесть (*пауза*) двадцать девять. Это на всякий случай. Вдруг ты забыл.

Пауза.

Прости меня, пожалуйста! (*Начинает плакать.*) Я ничего не могла сделать. И ты тоже. Да что мы вообще могли?! И сейчас? От нас ничего не зависело и не зависит. Нам не за что себя винить. (*Нащупывает на столе стакан с соком, шумно пьет.*) Но это же не значит, что жизнь закончилась. Так не бывает. Столько всего между нами было. Ты вспомни, мы ведь со второго класса вместе.

Школа для детей-инвалидов. Он и она во втором классе. Качаются на качелях. Их матери рядом, в ста метрах от них.

ОНА. Самый умный? А сколько будет сто два плюс тридцать четыре?

ОН. Сейчас, подожди. (*Закрывает глаза, хватается за голову, шевелит губами – явно считает в уме.*)

ОНА. Я апельсин хочу.

ОН. У меня нет.

ОНА. Ничего у тебя нет.

ОН. У меня сосачки есть. С разными вкусами. Хочешь?

ОНА. А с апельсином есть?

ОН. Не знаю, наверное. (*Достает из кармана несколько конфет.*)

ОНА. Я только с апельсином хочу.

ОН. Откуда я знаю, какая с апельсином? Они все одинаковые. Возьми любую.

ОНА. Не хочу любую.

ОН. Как хочешь. (*Убирает конфеты обратно.*)

ОНА. А ты попробуй все. Если там есть апельсиновая, отдашь мне.

ОН. А, хорошо.

Он снова вынимает из кармана конфеты, каждую разворачивает, пробует, заворачивает снова.

ОН. Нету с апельсином.

ОНА. Ну и ладно...

ОН. Хочешь, я тебе про нашу собаку расскажу? Она смешно так твякает, ей два месяца всего... А у тебя всегда были рыжие волосы?

ОНА. Не знаю, наверное.

Школа для детей-инвалидов. Он и Она в шестом классе. Сидят в коридоре, он вслух читает книгу.

ОН. Он кладёт в карман дополнительную обложку, вытирает пот и говорит: «Сьюзи, надо прыгать, другого выхода нет».

ОНА. Мне совсем неинтересно про эти самолеты.

ОН. Подожди, там дальше такой момент будет, про то, как Майк детей спасет. Мне очень нравится.

ОНА. Так ты читал уже?

ОН. Ага, два раза уже. Это третий. Клёвая книжка, у меня все этой серии есть. И «Поезд бородатого террориста», и «Майк, другая война», и «Побежденный Стампферсон».

ОНА (*печально*). А у меня всего одна книжка. Сказка про Золушку. Мама купила её, когда я маленькая была.

ОН. А почему? Ты не любишь читать?

ОНА. Денег нет. Да и много всего другого нужно. Мой брат как-то сказал, что для слепых вообще всё дороже, что на меня столько денег уходит, мне и не снилось.

ОН. Это не твоя вина... Вот, уже на следующей странице! Вот-вот, у Майка не раскрылся парашют, но он всегда готов к неожиданностям, случайно у него в кармане...

ОНА. Везет Аньке Соломкиной, у нее родители богатые, они ей всё покупают. У нее даже говорящие книжки есть и игрушек сколько хочешь.

ОН. Избалованная дура.

ОНА. Ничего не дура, с ней все дружат.

ОН. Из-за книг и игрушек и дружат.

ОНА. Да, наверное...

ОН. Я дочитаю?

ОНА. Нет. Не надо. Не хочу больше это слушать. Грубая какая книга, и непонятно ничего. Все время кто-то кого-то бьет, куда-то прыгает, бежит, стреляет, выслеживает. Я уже запуталась, кто там чей друг, а кто враг. Кажется, они предают друг друга по сорок раз на каждом шагу.

ОН. Это тебе не сказка о Золушке, про любовь с хорошим концом.

ОНА. А тебе непременно надо, чтобы все плохо кончилось, да? И если никто не умер хотя бы в конце, то книга неинтересная.

ОН. На самом деле нет, но доля истины в этом есть. Ладно, не хочешь – не буду тебе читать.

ОНА. Хочешь, поиграем в слова?

ОН. Я думал, у тебя настроения нет...

ОНА. Да это всё твой Майк-террорист! А настроение у меня всегда есть. Что? Играем? Сегодня я точно выиграю.

ОН. Какая азартная! Мы ещё посмотрим, кто кого. Начинай!

ОНА. Начнем с тебя. Александр.

ОН. Радуга.

ОНА. Апельсин.

ОН. Так и знал.

ОНА. Что ты знал? Просто я люблю апельсины.

ОН. Нос.

ОНА. Стул.

ОН. Леопард.

ОНА. А это что?

ОН. Это такой пятнистый зверь из семейства кошачьих. Хищник. Делает так! (*Широко раскрывает рот и рычит.*)

ОНА. Саш, скажи честно, ты всё знаешь?

ОН. Нет, я не знаю, что такое стагнация и консолидация, про это часто по телевизору говорят. Моя мама тоже не знает.

ОНА. Хочешь, я у бабушки спрошу? Она в политике понимает.

ОН. Спроси. Тебе на «д».

ОНА. Дерево.

ОН. Опухоль.

ОНА. А почему опухоль? У кого-то из твоих знакомых опухоль?

ОН. Нет, просто. Давай поменяю. Пусть будет огурец.

ОНА. Ой, а я на «ц» совсем слов не знаю.

Звенит звонок.

ОН. Пора.

ОНА. Пойдем? Проводишь меня до класса?

ОН. Пойдем. Хватайся.

ОНА. Саша, я не могу ручки найти. Или... если это они, то с ними что-то не так.

ОН. Всё с ними так. Это моя новая коляска. В старой мне уже совсем тесно было.

ОНА. Это же дорого.

ОН. Да.

ОНА. А она красивая? Она тебе нравится?

ОН. Очень нравится, хорошо в ней.

Медленно уходят вдоль стены по коридору.

ОНА. Вспомнила! Царапина.

ОН. Акула.

ОНА. Я помню, это хищная рыба, да?

ОН. Да, и у неё три ряда зубов.

ОНА. А почему я никогда её не ела?

ОН. А её никто не ел...

ОНА. Ты всегда ходил со мной, ты всегда заботился обо мне. Хоть мы и были всегда в разных классах. Какая разница? Я уверена, если бы ты знал, где я, что со мной, ты бы обязательно что-то сделал. Не знаю что. Я уверена, ты ничего не знаешь, ты просто ничего не знаешь. А я тебе расскажу. Теперь всё встанет на свои места. Почему ты мне не звонишь? Мама говорит, я не нужна тебе. Я ей не верю. Бабушка говорит, ты просто забыл мой номер. Я уже говорила его, но на всякий случай... сорок один (*пауза*) пятьдесят шесть (*пауза*) двадцать девять. Позвони мне, пожалуйста. А то я с ума схожу. (*Пауза.*) Ты самый прекрасный человек в моей жизни. И ты знаешь об этом. У меня больше никого не было и нет. Из-за тебя я стала такой, какая я сейчас. А то была бы, наверное, как глухонемая Марина, которая ни с кем не разговаривает, даже с другими глухонемыми. Помнишь, как ты мне о ней рассказывал? Я никогда не забуду. Ты говорил, сидит она такая с огромными серыми глазами, ты ещё сказал, что у меня совсем такие же, сидит она и следит за всеми вокруг. Даже рукой не взмахнет, только кивает иногда. Очень она одинокая. (*Пауза.*) Не представляю, если бы тебя не было... это так страшно. Я бы, наверное, тоже так сидела бы и слушала, как за меня все переживают, как мама плачет, потому что её дочь слепая и никогда не станет экономистом или юристом, как бабушка её успокаивает, но не может найти нужных слов, как папа уходит от нас, остав-

ляя свой ключ в дверях. Сидела бы и ничего не говорила, как почти все в моей новой школе. (*Пауза.*) Позвони мне, пожалуйста, поговори со мной.

ОНА. Почему ты не пришел на первой перемене? Что-нибудь случилось? Ты был с кем-то другим?

ОН. Нет, я был в классе.

ОНА. А что ты там делал?

ОН. Стихи писал.

ОНА. Прочитаешь?

ОН. Нет. Не сейчас. В другой раз.

ОНА. Хорошо, но ты обещал, я запомню. А про что они, твои стихи?

ОН. Про несчастных.

ОНА. Про нас?

ОН. Нет, с чего это ты взяла? Ты что, несчастна?

ОНА. Нет, скорее даже наоборот. Но моя мама всё время говорит мне, бедная ты моя, несчастная. И плачет.

ОН. Жалеет.

ОНА. Я не знаю, по-моему, она больше несчастная, чем я, это её надо жалеть. А ещё она всё время про моё будущее говорит, правда, ничего вразумительного так ни разу и не сказала. Смешная она.

ОН. Моя мама хочет, чтобы я программистом стал. Недавно даже наняла репетитора по информатике.

ОНА. Это хорошо, ты в компьютерах понимаешь. Не то что я, совсем ничего не умею.

ОН. Тебя это беспокоит?

ОНА. Не-а, ни капельки.

ОН. А вот меня беспокоит. Не хочу я программистом быть, это скучно.

ОНА. Ты хочешь поэтом быть.

ОН. Не поэтом, а писателем. Хотя и поэтом тоже. Мне все это очень нравится. Особенно новых персонажей придумывать и описывать их биографии.

ОНА. Только придумывать? А про меня ты напишешь?

ОН. А ты меня поцелуешь?

ОНА. Только когда ты свои стихи прочитаешь.

ОН. Я недописал ещё.

ОНА. Жалко...

ОН. И мне.

ОНА. Помню, когда я стала самой счастливой. В тот день на меня перестала давить жалость людей вокруг. Они ведь всегда нас жалеют. А зачем? Неужели им кажется, что нам от этого становится лучше? Приятнее? Считают нас ущербными, меня всегда это огорчало. Они могут ничего не говорить, это почему-то кожей чувствуешь. Едешь с мамой в автобусе и чувствуешь, как все тебя жалеют, а кто-то даже уступает место. Мне однажды старуха (это я по голосу и по тому, как она кряхтела, поняла), так вот старуха мне место уступила. Меня такая досада взяла: что ж я, немощнее этой старухи? Помнишь, я рассказала тебе об этом, а ты рассмеялся в ответ. Сказал, что это они немощные и ущербные, да еще и глупые, потому что сами не замечают. Им никогда не почувствовать друг друга так, как это можем мы. Они общаются, расстаются, а через год в толпе не узнают друг друга.

Я никогда тебя не видела, мне это и не нужно, чтобы узнать тебя из миллиарда других. Мои пальцы помнят за меня. Мои руки всегда будут помнить твое лицо. Твое тело. Тогда мы первый раз любили друг друга.

Помнишь? Мы были у Аньки в гостях, как всегда было жутко скучно. Большая у них квартира, её папе за всеми не углядеть, да и не смотрел особо. (*Пауза, блаженно улыбается.*) С тех пор мы просили привозить нас в гости к Ане регулярно, стали чуть ли не лучшими ее друзьями. А как иначе? (*Берёт стакан с соком, пьет.*) До сих пор не знаю, она в курсе была или нет?

Пауза.

Потом медосмотр. Я беременна. Прости меня, пожалуйста. (*Плачет.*) Не могла же я прийти к маме и сказать: «Знаешь, мне уже четырнадцать, нужны презервативы». Ты тем более не мог. Зная твою маму... Лариса Вячеславовна, если каким-то образом к вам попала эта запись, пожалуйста, поймите меня правильно. Мне тоже очень тяжело.

Мать и бабушка девушки на кухне. Мать, по всей видимости, не расстается с валидолом.

БАБУШКА. А ты куда глядела, Наталья?! Давно пресечь надо было.

МАТЬ. Они с детства дружат. Кто бы мог подумать.

БАБУШКА. Да об этом и надо было в первую очередь думать! Если мальчик и девочка с детства дружат, то вполне понятно, к чему это приведет.

МАТЬ. Что ж её, надо было изолировать? В комнате запереть и людям не показывать?

БАБУШКА. Не передёргивай. Она тоже человек. Она тоже живой человек. Это мы с тобой две клуши, не подумали. Нет, я, конечно, думала, что когда-нибудь моя единственная внученька выйдет замуж, непременно за хорошего, доброго мужчину, что всё у неё хорошо будет, детишки, отдых в Сочи...

МАТЬ. Конечно, конечно.

БАБУШКА. Никогда не хотела я монахиню из неё делать. Но школьные влюблённости...

МАТЬ. Кто бы мог подумать.

БАБУШКА. Кто, кто! Очнись, Наталья, у тебя дочь брюхатая, а ты всё «кто» да «кто»! Поздно уже думать. Проворонили мы девчонку. Да и в самом-то деле, все в школе влюбляются.

МАТЬ. Зато беременеют не все. Ох, далеко не все.

БАБУШКА. Прекрати.

МАТЬ. Да и о чем она только думала? Никакой надежды на будущее. Оба не в состоянии сами себя обеспечить, на что рассчитывали?

БАБУШКА. Думала? Рассчитывали? Да о чем ты, Наталья? Влюблённым – им, знаешь, море по колено...

МАТЬ. Это пьяным.

БАБУШКА. Вот именно. Влюбилась у меня внучка. И какое ей дело до всего остального? Как пьяная.

МАТЬ. Но почему этот? Нет, я не понимаю, я решительно не понимаю. Всё-таки в её возрасте пора бы иметь хоть какой-то здравый смысл!

БАБУШКА. Наташенька, а где бы она другого-то нашла? Учится она помнишь где? Забыла уже? В кого она ТАМ влюбиться могла? В глухонемого? В такого же, как она, слепого? Тебе бы легче стало?

МАТЬ. Mam, не мучай меня, и так тошно. Что делать будем? Надо решать...

БАБУШКА. На каком она месяце?

МАТЬ. Врач сказала, на втором.

БАБУШКА. Поправимо, значит.

МАТЬ. Что ты...

БАБУШКА. А сама не догадываешься? Себя не вини. Выбора у нас нет.

ОНА. У меня тоже есть мама и бабушка, и они меня очень любят и очень за меня переживают. (*Пауза.*) А ещё они не хотели моего ребёнка. Нет, они на меня не кричали, не скандалили. Но их голоса были такими печальными, будто бы что-то плохое случилось. Но я тогда не обращала внимания, думала, раз не ругают, значит всё хорошо будет. Значит, родится у нас ребёночек, будем самыми счастливыми. Наверное, ты тоже помнишь то время. Меня приводили в школу, ты брал меня за руку и говорил: «Вы мои дорогие, мои любимые». Ничего особенного, но сколько всего нужного мне было в этих словах. Мне их сейчас так не хватает (*плачет*), и тебя тоже. Никто не читает мне, как ты. Никто не рассказывает мне ни о разных странах, ни о животных, ни о криком цветке, который растёт у тебя на подоконнике.

Пауза.

А потом я, мама и бабушка в деревню поехали. К «бабушкиной подруге». (*Допивает сок, почти роняет стакан, слабость.*) Я сначала не поняла...

Деревня (в принципе, любая). Бабка, опираясь на палку, встречает бабушку, мать и девушку.

МАТЬ. Здравствуйте, Агрипина Матвеевна.

БАБУШКА. Здравствуйте.

БАБКА. Не надобно мне ваших здрастей. За своей девкой не уследили, а перед чужой старухой расшаркиваются. Чего пришли?

БАБУШКА. Мы вам звонили...

МАТЬ. Договаривались на сегодня...

БАБКА. Чего, язык отсохнет сказать? Стыдно, небось? Ага, оно и видно.

ОНА. Бабушка, зачем мы сюда пришли?

БАБУШКА. Нужно, Оленька, нужно.

БАБКА (*ласково*). Тебе же и нужно, детонька ты моя. (*Зло, матери.*) Вы ей, поди, и не сказали ничего?

МАТЬ (*опуская голову*). Нет.

БАБКА. Ептить вашу за ногу, где вас только таких... Идите в дом.

ОНА. Потом бабка всё время про ребёночка спрашивала. Мы рассказывали. Мне и в голову прийти не могло, что эта добрая женщина такое со мной сделает. Она сказала, что в два месяца души у ребёнка ещё нет, так что не убийство это, а избавление.

Ужас какой. Меня оставили у неё на неделю. Она поила меня какими-то травами, таблетки давала, пела заунывные песни. А я всё время о тебе думала, твоё спокойствие было так нужно мне тогда. Но ты был в городе и, наверное, ничего не знал. По ночам она заговоры надо мной читала, наверное, думала, что я сплю. Как же, уснешь тут. Да и сон у меня всегда чуткий был. Что-то про Бога говорила, про какой-то камень Алатырь. И молилась ещё, часто молилась.

Пауза.

(Плачет.) Прости меня, Сашенька, прости, пожалуйста! Что я могла сделать? *(Сжимает пустой стакан, ей хочется пить.)* Ничего. Ничего. Я не виновата, Сашенька, я ничего не могла сделать. И ты не виноват. Ты ни в чем не виноват.

Пауза.

Потом мама с бабушкой за мной приехали. Я слышала, как бабка сказала им, что детей у меня, вероятно, больше не будет никогда. Меня забрали домой. Дома мне сказали, что я, оказывается, уже неделю учусь в другой школе. В тот же день я позвонила тебе, твоя мама не позволила мне говорить с тобой. Её голос... я сразу поняла, что она всё знает. Наверное, от моей мамы. Да, скорее всего. Я всё это очень смутно помню. Я бы и рада всё забыть, только мама каждый день напоминает, спрашивает, как я себя чувствую. Паршиво я себя чувствую!

ОНА. Саша, а в чем смысл жизни?

ОН. Не знаю.

ОНА. Не думал никогда?

ОН. Думал, всё равно не знаю.

ОНА. Вот и я не знаю.

Пауза.

ОН. Оля, хочешь, я тебе свои стихи прочитаю? Те самые?

ОНА. Давай.

ОН *(достает из кармана помятый листочек в клетку)*.
Слушай.

ОНА. Да, давай.

ОН. Это про несчастных.

ОНА. Я помню, ты обещал мне прочитать.

ОН. Тогда слушай. Готова?

ОНА. Да я уже давно готова, читай.

ОН.

Несчастные, друг друга не видящие,

Идут не спеша в магазин.

Несчастные, друг другу не нужные,

Выходят из новых машин.

Несчастные всё время торопятся,

Чтобы другим угодить.

Несчастные, в своём одиночестве

Им некого обвинить.

Пауза.

ОНА. Это всё?

ОН. Да.

ОНА. Так мало.

ОН. Я потом ещё напишу.

ОНА. Про меня?

ОН. И про тебя тоже. Тебе понравилось?

ОНА. Это?

ОН. Да.

ОНА. Очень понравилось. Напиши про меня тоже, пожалуйста.

ОНА. Бабушка говорит, что всё хорошо, что будет ещё лучше. Главное теперь не наступить на те же грабли. Смешно даже. Прости меня, пожалуйста, очень тебя прошу. Ещё бабушка говорит, что я потом сама пойму, что ты и я – это всё не серьёзно. Может, она и права. (*Нервно смеётся.*) Мудрая женщина, она знает жизнь. Но сейчас я ей почему-то совсем не верю.

Теперь ты всё знаешь, если раньше не знал. Позвони мне, пожалуйста, если сможешь. Я тебя люблю. Если ты меня не любишь, то не звони. Нет, всё равно позвони, пожалуйста, мне это очень нужно. Вот, наверное, всё сказала. (*Нащупывает кнопку stop.*) Где же это? Ах, вот. (*Щелчок, выключает диктофон, кладёт его на стол.*)

Замирает на пару секунд, потом берёт с полки гематоген и задумчиво начинает есть его, шурша пластиковой упаковкой.

КОНЕЦ

Ольга САВИНА

**ИЗ ПУНКТА «А» В ПУНКТ «В» СО СКОРОСТЬЮ
«V» ВЫЕХАЛ ПОЕЗД**

*Когда поезд делает остановку на перегоне между станциями,
душевная пустота становится более глубокой...*

Томас Стернз Элиот

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ДЯДЯ ВИТЯ
ГЕНА АРБУЗОВ
АННА КЛАПАНОВА
ДАША ТОКАРЕВА

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Купе в поезде.

ДЯДЯ ВИТЯ. Чего встали-то?

ГЕНА АРБУЗОВ. Сейчас поедем.

ДЯДЯ ВИТЯ. А... а встали-то чего?

ГЕНА АРБУЗОВ. Дядя Витя...

ДЯДЯ ВИТЯ. Кто меня на послал?

ГЕНА АРБУЗОВ. Да нужны вы кому. (*Поезд трогается.*) Ну вот. Сказал же. Поехали.

АННА КЛАПАНОВА. И пришли они к нему. А он сказал им: истинно говорю вам, не знаю вас.

ДЯДЯ ВИТЯ. Я не понял. Кто кому чего сказал?

ГЕНА АРБУЗОВ. Эх...

АННА КЛАПАНОВА. Что с тобой, отрок?

ГЕНА АРБУЗОВ. Какой я вам отрок? Мне уже тридцатник скоро.

ДЯДЯ ВИТЯ. Чего вздыхаешь?

ГЕНА АРБУЗОВ. Скучаю.

ДЯДЯ ВИТЯ. Ты почитал бы чего.

ГЕНА АРБУЗОВ. Да я уже все газеты прочитал, какие были.

ДЯДЯ ВИТЯ. Ты бы книжку почитал.

ГЕНА АРБУЗОВ. Да нет у меня книжки никакой.

ДЯДЯ ВИТЯ. У меня есть.

ГЕНА АРБУЗОВ. Да? Как хорошо. А дадите мне почитать?

ДЯДЯ ВИТЯ. Конечно, я за доступное образование.

ГЕНА АРБУЗОВ. Да...

ДЯДЯ ВИТЯ (*отдаёт Гене книжку*). Вот. Держи. Моя любимая.

ГЕНА АРБУЗОВ. «Как закалялась сталь». Отлично...

ДЯДЯ ВИТЯ. А что такое?

ГЕНА АРБУЗОВ. Нет-нет. Ничего. Могу почитать и эту. (*Открывает книжку, начинает читать.*)

АННА КЛАПАНОВА (*дяде Вите*). Ты чего отроку мозги запудриваешь?

ДЯДЯ ВИТЯ. Кто ещё запудривает? Это ты со своими журналами лезешь. Ты мне ребенка не порть!

ГЕНА АРБУЗОВ. Мне тридцатник скоро стукнет.

АННА КЛАПАНОВА. На вот лучше журналчик почитай.

ГЕНА АРБУЗОВ. Откуда вы их берете? У вас их так много.

ДЯДЯ ВИТЯ. У нее запас. На двадцать лет вперед.

ГЕНА АРБУЗОВ (*читает*). «Как попасть в рай». Интересно... Занимательно. С картинками.

АННА КЛАПАНОВА. Читай, отрок, читай. Это полезно.

ДЯДЯ ВИТЯ. Только не зачитывайся. А то башню снесет, как у этой старой клячи.

АННА КЛАПАНОВА. Кто ищет, тот всегда найдет дорогу.

ДЯДЯ ВИТЯ. Что ищет-то?

АННА КЛАПАНОВА. Как что? Истинное.

Пауза.

ДЯДЯ ВИТЯ. Ген. Ну, это...

ГЕНА АРБУЗОВ. Что?

ДЯДЯ ВИТЯ. Чего они там пишут-то?

ГЕНА АРБУЗОВ. Пишут, конец света скоро.

ДЯДЯ ВИТЯ. Вот люди!

ГЕНА АРБУЗОВ. Близится глобальная катастрофа.

ДЯДЯ ВИТЯ. Вот люди!

ГЕНА АРБУЗОВ (*завороженно*). Но некоторые из нас спасутся.

ДЯДЯ ВИТЯ. Так, дай сюда. (*Отнимает у Гены журнал.*) А то, гляжу, уже крыша едет.

ГЕНА АРБУЗОВ (*как будто очнувшись от чего-то*). Спасибо, дядь Вить...

ДЯДЯ ВИТЯ. Кто меня на послал?

ГЕНА АРБУЗОВ. Ладно, ладно, успокойтесь уже. А всё равно скучно...

ДЯДЯ ВИТЯ. А ты в окно смотри.

АННА КЛАПАНОВА. Чего он в твоём окне не видел-то? (*Гене.*) Ты бы покушал...

ГЕНА АРБУЗОВ. Не хочу. Спасибо. Я пойду вздремну лучше, наверное.

АННА КЛАПАНОВА. Иди.

Гена залезает на верхнюю полку.

ДЯДЯ ВИТЯ. Ты, Ген, спи. Мы тебе мешать не будем.

ГЕНА АРБУЗОВ. Я так, вздремну немножко.

Некоторое время едут молча.

ДЯДЯ ВИТЯ. Я вот тут чего подумал.

АННА КЛАПАНОВА. Чего?

ДЯДЯ ВИТЯ. Скучно ему с нами, со стариками.

АННА КЛАПАНОВА. Я бы попросила...

ДЯДЯ ВИТЯ. Чего?

АННА КЛАПАНОВА. Не такая я уж и старая.

ДЯДЯ ВИТЯ. Ой. Кого мы обманываем? Время идёт...

Поезд останавливается.

АННА КЛАПАНОВА. Да. Я молодая и довольно привлекательная женщина.

ДЯДЯ ВИТЯ. Всё это не важно. Я за него волнуюсь. (*Показывает на спящего Гену.*) Зачахнет он с нами.

ГЕНА АРБУЗОВ (*сонно*). А мы что, остановились, что ли?

АННА КЛАПАНОВА. Спи, Геночка, сейчас поедем. (*Дяде Вите.*) Дурак, говори тише, ребёнка разбудишь.

ДЯДЯ ВИТЯ (*тихо*). Говорю, зачахнет он с нами.

АННА КЛАПАНОВА. Слышала я, что ты сказал. А делать-то что?

ДЯДЯ ВИТЯ. Не знаю. (*Пауза.*) Но надо думать.

В купе входит молодая девушка с большими сумками в обеих руках.

ДАША ТОКАРЕВА. Здравствуйте.

Долгая пауза.

ДЯДЯ ВИТЯ. Кто это?

АННА КЛАПАНОВА. Не знаю.

ДАША ТОКАРЕВА. Здравствуйте.

ДЯДЯ ВИТЯ (*неуверенно*). Здравствуйте, девушка, проходите. Извините, если что не так.

АННА КЛАПАНОВА. Дурак.

ДЯДЯ ВИТЯ. Ген, а Ген...

ГЕНА АРБУЗОВ (*сонно*). Что?

ДЯДЯ ВИТЯ. Слезай, чего покажу.

ГЕНА АРБУЗОВ. Отстаньте.

ДЯДЯ ВИТЯ. Слезай, говорю.

ГЕНА АРБУЗОВ (*слезает*). Чего надо?

ДЯДЯ ВИТЯ. Вот. Познакомься. Это...

ДАША ТОКАРЕВА. Даша Токарева.

ГЕНА АРБУЗОВ. Даша?

ДАША ТОКАРЕВА. Да. Токарева.

ГЕНА АРБУЗОВ. Девушка?

ДАША ТОКАРЕВА. Ну, вроде не парень.

ГЕНА АРБУЗОВ. Здесь? Откуда?

ДАША ТОКАРЕВА. Как откуда? С перрона.

ГЕНА АРБУЗОВ. С какого перрона?

ДАША ТОКАРЕВА. Как с какого? С обычного.

ГЕНА АРБУЗОВ. Говорила мне бабушка, не пить на ночь.

ДАША ТОКАРЕВА. А что вы на меня так смотрите? Как будто привидение увидели...

ГЕНА АРБУЗОВ. А лучше вообще не пить.

Поезд трогается.

ДЯДЯ ВИТЯ. О, поехали.

ДАША ТОКАРЕВА. Да что такое?

ГЕНА АРБУЗОВ. Да вы садитесь, садитесь. Меня зовут Гена. Геннадий, так сказать, Арбузов. Это госпожа...

АННА КЛАПАНОВА. Клапанова. Анна Клапанова.

ДАША ТОКАРЕВА. Очень приятно.

АННА КЛАПАНОВА. Что это у вас?

ДАША ТОКАРЕВА. Где?

АННА КЛАПАНОВА. Ну вот. На ногах.

ДАША ТОКАРЕВА. Джинсы.

АННА КЛАПАНОВА. Как ты считаешь, прелестное дитя, эти твои «джинсы» не позорят Бога?

ДАША ТОКАРЕВА. Что?

ГЕНА АРБУЗОВ. Не обращайтесь внимания.

АННА КЛАПАНОВА. Он любит нас...

ДАША ТОКАРЕВА. Кто?

ДЯДЯ ВИТЯ (*Анне Клапановой*). Отстань от девушки. (*Даше Токаревой*.) Она совсем из ума выжила. Кстати, разрешите представиться. Виктор Антонович.

ГЕНА АРБУЗОВ. Но мы его зовём просто дядя Витя.

ДЯДЯ ВИТЯ. Кто меня на послал?

ГЕНА АРБУЗОВ. У него, правда, странная реакция. Но это ничего.

ДАША ТОКАРЕВА. Да...

ГЕНА АРБУЗОВ. Вы лучше расскажите, как вы сюда попали.

ДАША ТОКАРЕВА. Странный вопрос. Билет купила.

АННА КЛАПАНОВА. Билет?

ДАША ТОКАРЕВА. Ну да. Билет.

АННА КЛАПАНОВА. Значит, вы теперь с нами ехать будете?

ДАША ТОКАРЕВА. Да, я же сказала. Странные вы, ребята.

ДЯДЯ ВИТЯ. Серьёзно? Никогда не замечал. Извините, если что не так.

ДАША ТОКАРЕВА. Ой, ладно, какие проблемы.

ДЯДЯ ВИТЯ. Вот, Генка, теперь скучать не придётся. Так что отдай ты эти журналы обратно этой старой кляче.

АННА КЛАПАНОВА. Дурак. Кто ищет дорогу, тот всегда её найдёт.

ДЯДЯ ВИТЯ. Слышали, слышали.

ГЕНА АРБУЗОВ. Ну и откуда вы едете?

ДАША ТОКАРЕВА. Я в деревне у бабушки гостила. Вот теперь обратно домой еду. У них там такая глушь. Я чуть не заблудилась. Мне даже бабушка сказала, что там поезда не останавливаются, представляете? А я подумала, как это так? Дорога есть, а поезда не останавливаются? Так же не бывает. И точно, смотрю, поезд едет. Ну, я и села. А вы тоже в город едете?

ДЯДЯ ВИТЯ. В город?

АННА КЛАПАНОВА. В город?

ДАША ТОКАРЕВА. Ну да. В город. Я так по всем своим соскучилась, вы просто представить себе не можете. Кстати, надо маме позвонить, сказать, что уже еду. *(Достает телефон.)* Блин, батарейка села. У вас, случайно, телефона нет?

ДЯДЯ ВИТЯ. Нет, у нас нет.

АННА КЛАПАНОВА. Бесовское изобретение.

ГЕНА АРБУЗОВ. У меня тоже нет.

ДАША ТОКАРЕВА. А может, у других пассажиров есть?

Пауза.

ГЕНА АРБУЗОВ. У кого?

ДАША ТОКАРЕВА. Ладно, я пойду у людей поспрашиваю. *(Выходит.)*

Пауза.

ДЯДЯ ВИТЯ. Вот такая вот у нас ситуация сложилась.

ГЕНА АРБУЗОВ. Она милая девушка.

АННА КЛАПАНОВА. Чего делать-то будем?

ДЯДЯ ВИТЯ. Не знаю. Тут думать нужно.

АННА КЛАПАНОВА. Ну так думай.

ГЕНА АРБУЗОВ. Мне кажется, ей надо всё сказать. Чего мучить-то?

ДЯДЯ ВИТЯ. Чему быть, того не миновать...

В купе входит Даша Токарева. Она чем-то сильно испугана.

АННА КЛАПАНОВА. Что с тобой, прелестное дитя?

ДАША ТОКАРЕВА. Я сейчас по вагону ходила.

ГЕНА АРБУЗОВ. И что?

ДАША ТОКАРЕВА. Там... там... там пассажиров нет.

Пауза.

ДАША ТОКАРЕВА. Вообще нигде нет. И проводников нет. Никого нет.

ГЕНА АРБУЗОВ. Ну да.

ДАША ТОКАРЕВА. Что здесь вообще происходит?

ДЯДЯ ВИТЯ. Чему быть, того не миновать.

Пустынный перрон. Никого нет. Сильно дует ветер. Даша Токарева ходит взад-вперёд, мерит пространство шагами. Одиннадцать шагов в одну сторону, одиннадцать в другую.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Купе в поезде.

ДАША ТОКАРЕВА. Что здесь вообще происходит?

ДЯДЯ ВИТЯ. Чему быть, того не миновать.

ДАША ТОКАРЕВА. Люди, вы кто?

ГЕНА АРБУЗОВ. Гена. Геннадий, так сказать, Арбузов.

АННА КЛАПАНОВА. Клапанова. Анна Клапанова.

ДЯДЯ ВИТЯ. Виктор Антонович.

ГЕНА АРБУЗОВ. Но мы его зовём просто... не буду произносить, а то сами видели, какая у него реакция.

ДАША ТОКАРЕВА. Я не об этом. Почему вы едете втроём в поезде?

АННА КЛАПАНОВА. Вчетвером. Ты тоже с нами едешь.

ДАША ТОКАРЕВА. Это не важно совсем. Не делайте вид, что не понимаете, о чём я говорю. Где все остальные? Ну, пассажиры, проводники... машинист, на худой конец. Говорите мне правду.

ДЯДЯ ВИТЯ. Ты хочешь правду? Ты не выдержишь всей правды.

ГЕНА АРБУЗОВ. На самом деле мы маньяки-убийцы. Всех пассажиров и обслуживающий персонал поезда, включая машиниста, мы убили и... и... и...

ДЯДЯ ВИТЯ. И съели.

ГЕНА АРБУЗОВ. Точно. Спасибо.

Пауза.

ДАША ТОКАРЕВА. Правда?

ГЕНА АРБУЗОВ. Да.

ДЯДЯ ВИТЯ. Да.

АННА КЛАПАНОВА. Извините, я прослушала. Короче, всё так, как они сказали.

ДАША ТОКАРЕВА. А кто поездом управляет?

Пауза.

ДЯДЯ ВИТЯ. Так ведь это...

ГЕНА АРБУЗОВ. Автопилот. Да.

ДАША ТОКАРЕВА. Автопилот? Что-то тут нечисто.

Даша Токарева идёт вдоль рельсов. Слышится звук приближающегося поезда. Спустя минуту поезд останавливается рядом с Дашей Токаревой.

ДАША ТОКАРЕВА. Странно. А мне бабушка сказала, тут не останавливаются поезда. (*Заходит в вагон.*) Эй, люди! Кто-нибудь! А я в город на нём доеду?

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Купе в поезде.

ДАША ТОКАРЕВА. Что-то здесь нечисто. Вы не маньяки.

ДЯДЯ ВИТЯ. Как так? Самые натуральные.

ДАША ТОКАРЕВА. Что вы врётё?

ГЕНА АРБУЗОВ. Ладно, вы нас раскусили.

ДАША ТОКАРЕВА. Я жду объяснений.

ГЕНА АРБУЗОВ. Тут такая история...

АННА КЛАПАНОВА. Можно, я расскажу?

ГЕНА АРБУЗОВ. Рассказывайте...

АННА КЛАПАНОВА. И пришли они к нему. А он сказал им: истинно говорю вам, не знаю вас.

ГЕНА АРБУЗОВ. Анна...

АННА КЛАПАНОВА. Что?

ГЕНА АРБУЗОВ. Это другая история.

АННА КЛАПАНОВА. А какую надо было рассказать?

ГЕНА АРБУЗОВ. Ну, эту...

АННА КЛАПАНОВА. Какую?

ГЕНА АРБУЗОВ. Эту.

АННА КЛАПАНОВА. Так бы сразу и сказал.

ДАША ТОКАРЕВА. Итак, я слушаю.

АННА КЛАПАНОВА. Зря ты сюда села. Это проклятый поезд.

ДАША ТОКАРЕВА. Что?

ГЕНА АРБУЗОВ. Да ничего не правда. Он так... слегка.

ДАША ТОКАРЕВА. В смысле?

ГЕНА АРБУЗОВ. В прямом.

ДАША ТОКАРЕВА. Вы меня запутали.

ГЕНА АРБУЗОВ. Ну, если в двух словах, то этот поезд никогда не останавливается. В него невозможно войти. Из него нельзя выйти.

ДАША ТОКАРЕВА. Ну, я же как-то вошла. И вы тоже. Нет, этому должно быть рациональное объяснение.

ДЯДЯ ВИТЯ. Хочешь огурец?

ДАША ТОКАРЕВА. Нет. Как вы это объясните?

ДЯДЯ ВИТЯ. Зачем объяснять огурец?

ГЕНА АРБУЗОВ. Ну, может быть, поезд проклят и все, кто в нём едет, обречены на вечные скитания. Или... ты умерла и это рай. Или... ты умерла и это ад. Или мы террористы и захватили поезд в заложники. А, может, поезд пустили под откос, а нас в нём забыли.

АННА КЛАПАНОВА. Дурак.

ДАША ТОКАРЕВА. Нет, этого не может быть.

ГЕНА АРБУЗОВ. Почему? Я только что дал вам четыре довольно здравых объяснения.

ДАША ТОКАРЕВА. С этим можно поспорить.

ДЯДЯ ВИТЯ. А помидор хочешь?

ДАША ТОКАРЕВА. Нет. А откуда едет этот поезд? Он же должен откуда-то ехать?

ГЕНА АРБУЗОВ. Ниоткуда.

ДАША ТОКАРЕВА. А куда он едет?

ГЕНА АРБУЗОВ. Не знаю, может, он вообще по кругу едет.

АННА КЛАПАНОВА. Из пункта А в пункт В со скоростью V выехал поезд...

ДАША ТОКАРЕВА. В голове не укладывается.

ГЕНА АРБУЗОВ. Видимо, нужен этому миру поезд-призрак.

ДАША ТОКАРЕВА. Это что же получается, я никогда не увижу родных? А у меня там жених. Как он там без меня?

АННА КЛАПАНОВА. За него не волнуйся. Много девушек хороших.

ДАША ТОКАРЕВА (*заливается слезами*). Мама! Мамочка!

АННА КЛАПАНОВА. Ну вот. Плачет. Да ты не реви. Тебе у нас понравится. Вон, на Генку внимание обрати. Он у нас парень не промах.

ДАША ТОКАРЕВА. Мамочка!

АННА КЛАПАНОВА (*Гене*). Успокой девушку.

ГЕНА АРБУЗОВ (*осторожно обнимает Дашу*). Ну... ты это... не плачь.

ДАША ТОКАРЕВА (*вытирает слёзы*). Я вот одного не понимаю. Вы-то сюда как попали?

ГЕНА АРБУЗОВ. Забыл. Не помню. Последнее, что я помню, это гудок поезда и яркий свет.

АННА КЛАПАНОВА. Ты у этого старого придурка спроси. (*Показывает на дядю Витю.*) Он тут дольше всех. (*Дяде Вите.*) Слышь. Расскажи ей про это.

ДЯДЯ ВИТЯ (*сам с собой*). Привет, огурец. Привет, помидор.

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

Купе в поезде.

ДАША ТОКАРЕВА. Дядя Витя...

ДЯДЯ ВИТЯ. Кто меня на послал?

ДАША ТОКАРЕВА. Господи, да никто вас не посылал. Я спросить хочу.

ДЯДЯ ВИТЯ. Я знаю, о чём ты хочешь спросить.

ДАША ТОКАРЕВА. Знаете?

ДЯДЯ ВИТЯ. У цветов есть пестики и тычинки, а у...

ДАША ТОКАРЕВА. Я не об этом. Вот почему вы всё время в валенках. Вам не жарко? Лето всё-таки.

ДЯДЯ ВИТЯ. Чему быть, того не миновать.

Пауза. Некоторое время едут молча.

АННА КЛАПАНОВА. Кто-нибудь хочет чай? Кому принести?

ГЕНА АРБУЗОВ. Нет. Спасибо.

ДЯДЯ ВИТЯ. Я не буду.

АННА КЛАПАНОВА. Даша?

ДАША ТОКАРЕВА. Ну, раз уж вы спросили, я буду. Зелёный, крупнолистовой, с гвоздикой, корицей, кусочками зелёного яблока, апельсиновой цедрой и лимоном. Заваривать три минуты. Спасибо.

АННА КЛАПАНОВА. Ну, не хочешь, как хочешь. Я тогда тоже не буду.

Пауза. Некоторое время едут молча.

ГЕНА АРБУЗОВ. Даша?

ДАША ТОКАРЕВА. Что?

ГЕНА АРБУЗОВ. Тебя в детстве в школе дразнили?

ДАША ТОКАРЕВА. Ага...

ГЕНА АРБУЗОВ. Как?

ДАША ТОКАРЕВА. Как могут дразнить девочку, у которой фамилия Токарева?

ГЕНА АРБУЗОВ. Не знаю. (*Пауза.*) А как? (*Пауза.*) Промокашка?

ДАША ТОКАРЕВА. Почти. А тебя дразнили?

ГЕНА АРБУЗОВ. Да. Угадай как.

ДАША ТОКАРЕВА. Арбуз?

ГЕНА АРБУЗОВ. Нет. С чего ты взяла?

ДАША ТОКАРЕВА. А как тогда?

ГЕНА АРБУЗОВ. Ты будешь смеяться.

ДАША ТОКАРЕВА. Я не буду.

ГЕНА АРБУЗОВ. Обещаешь?

ДАША ТОКАРЕВА. Обещаю.

ГЕНА АРБУЗОВ (*невнятно*). Сопли до колена.

ДАША ТОКАРЕВА. Что ты там бормочешь? Говори внятно.

ГЕНА АРБУЗОВ. Гена-сопли-до-колена.

Пауза. Даша Токарева закрывает лицо руками.

ГЕНА АРБУЗОВ. Ты смеёшься, я так и знал.

ДАША ТОКАРЕВА. Я нет. Я не смеюсь (*Смеётся.*)

ДЯДЯ ВИТЯ. А я в валенках!

ГЕНА АРБУЗОВ. Ты же обещала. (*Отворачивается к окну.*)

ДАША ТОКАРЕВА. Эй, ну ладно. Я пошутила. Я не смеюсь. Вот смотри. Я уже не смеюсь. Я больше никогда в жизни не буду смеяться. (*Дяде Вите и Анне Клапановой.*) Что вы на меня так смотрите?

ДЯДЯ ВИТЯ. Нет. Ничего.

АННА КЛАПАНОВА. А мне вообще идти пора. (*Выходит.*)

Пауза.

ДАША ТОКАРЕВА. Куда это она?

ДЯДЯ ВИТЯ. Кто ищет, тот всегда найдёт дорогу.

ГОЛОС АННЫ КЛАПАНОВОЙ ИЗ КОРИДОРА. Семечки, семечки, кроссворды... Семечки, семечки, кроссворды...

ДАША ТОКАРЕВА. Там же нет никого.

ДЯДЯ ВИТЯ. Кого это интересует? (*Берёт газету, выходит из купе.*)

СЦЕНА ПЯТАЯ

Ночь. Стук колёс поезда. Дядя Витя спит и громко храпит. Гена Арбузов, Анна Клапанова и Даша Токарева лежат каждый на своей полке. Говорят одновременно.

ДАША ТОКАРЕВА. Я домой хочу. Я хочу домой. Я хочу домой. Я домой хочу...

АННА КЛАПАНОВА. И пришли они к нему. И он сказал им. Истинно говорю вам, не знаю вас.

ГЕНА АРБУЗОВ. Из пункта А в пункт В со скоростью V выехал поезд.

Их голоса сливаются в один, превращаются в тихий гул. Внезапно дядя Витя перестаёт храпеть, поднимается.

ДЯДЯ ВИТЯ (*громко*). Сейчас начнётся мочилово...

Пауза. Даша Токарева уткнулась в подушку. Поезд останавливается.

ДАША ТОКАРЕВА. Поезд остановился...

ГЕНА АРБУЗОВ. Что происходит?

ДАША ТОКАРЕВА. Поезд остановился!

ГЕНА АРБУЗОВ. Правда?

ДАША ТОКАРЕВА. Вставай, это наш шанс.

ГЕНА АРБУЗОВ. Шанс?

ДАША ТОКАРЕВА (*толкает Гену*). Идём. Просто идём за мной. (*Хватает его за руку, тащит за собой.*)

Они выходят из купе, проходят по коридору, выходят на улицу.

ДАША ТОКАРЕВА. Ты чувствуешь это? Чувствуешь?

ГЕНА АРБУЗОВ. Что?

ДАША ТОКАРЕВА. Воздух!

ГЕНА АРБУЗОВ. Что-то тут такое... летает...

ДАША ТОКАРЕВА (*бросается Гене на шею*). Это свобода!

ГЕНА АРБУЗОВ. Теперь это так называется?

ДАША ТОКАРЕВА. Мы свободны!

Яркий свет, гудок поезда.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Купе поезда.

ДЯДЯ ВИТЯ. Слышь...

АННА КЛАПАНОВА. Чего?

ДЯДЯ ВИТЯ. Знаешь, как будет по-английски «добро пожаловать»?

АННА КЛАПАНОВА. Зачем тебе?

ДЯДЯ ВИТЯ. Ну, надо мне.

АННА КЛАПАНОВА. Я не знаю.

ДЯДЯ ВИТЯ. Я знаю, «добро» будет «гуд». А «пожаловать»?

АННА КЛАПАНОВА. Я не знаю, что пристал?

ДАША ТОКАРЕВА. «Welcome» будет.

ДЯДЯ ВИТЯ. Как?

ДАША ТОКАРЕВА. Welcome.

ДЯДЯ ВИТЯ. Вэлком. Ладно, буду знать.

АННА КЛАПАНОВА. Разбудили мы тебя, да?

ДАША ТОКАРЕВА. Да ничего, я всё равно не спала.

АННА КЛАПАНОВА. А ты поспи, легче станет.

ГЕНА АРБУЗОВ. А я поспал.

ДАША ТОКАРЕВА. И как оно?

ГЕНА АРБУЗОВ. Легче не стало.

ДАША ТОКАРЕВА. Ну, ладно.

ДЯДЯ ВИТЯ. Чему быть, того не миновать.

Пауза. Некоторое время едут молча.

ДЯДЯ ВИТЯ. А хотите, я вам загадку загадаю?

АННА КЛАПАНОВА. Не хотим.

ДАША ТОКАРЕВА. Да ладно уж, загадывайте. Всё равно делать нечего.

ДЯДЯ ВИТЯ. Ну, тогда слушайте. Из пункта А в пункт В со скоростью V выехал поезд. В это же самое время из пункта В в пункт А с той же скоростью выехал другой поезд. Едут они по одной дороге. И вроде бы через какой-то промежуток времени t они должны столкнуться, верно? Но они не сталкиваются. Вопрос. Почему?

ГЕНА АРБУЗОВ. Они едут по разным дорогам?

ДЯДЯ ВИТЯ. Тебе же сказали, они по одной дороге едут.

ГЕНА АРБУЗОВ. Значит, они должны столкнуться. По-любому.

ДАША ТОКАРЕВА. Они едут в параллельных вселенных?

ДЯДЯ ВИТЯ. Нет.

ДАША ТОКАРЕВА. Тогда я не знаю.

ГЕНА АРБУЗОВ. Я тоже не знаю.

АННА КЛАПАНОВА. Не смотрите на меня.

ДАША ТОКАРЕВА. Ладно, мы сдаёмся.

ДЯДЯ ВИТЯ. Вы действительно хотите это знать?

АННА КЛАПАНОВА. Сгораем от желания. Не томи уже.

ДАША ТОКАРЕВА. Почему же они не встретились?

ДЯДЯ ВИТЯ. Потому что не судьба...

КОНЕЦ

ДИПЛОМАНТЫ КОНКУРСА
«МОЛОДЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ ТОЛЬЯТТИ – 2007»
В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ»

АНТОНИНА АНДРЕЯНОВА, НАТАЛЬЯ АНДРЕЯНОВА,
АЛЕКСЕЙ АРИСТОВ, АЛЕНА БУДАРИНА, АНАСТАСИЯ КУЗНЕЦОВА,
ИРИНА КУЛЬКИНА, ОЛЬГА МЕЩЕРЯКОВА, ОЛЬГА МУРЫГИНА,
ЕКАТЕРИНА НИКИФОРОВА, ВАЛЕРИЯ ПИЩУГИНА,
МАРГАРИТА СУЛЕЙМАНОВА, ВИКТОРИЯ ШИРОКОВА

Антонина АНДРЕЯНОВА

В алом бархате небосклона
Чёрным лезвием блещут крылья,
А над ними глаза дракона
Ослепляют алмазной пылью.
Люди в ужасе прячут лица,
В слепоте своей ищут силы.
А дракон в облаках кружится,
И в глазах его жуть застыла.
Люди ящера проклинаят,
Убегая от пепелища.
Но дракон ничего не знает —
Он всего лишь дорогу ищет.

ЗАКЛИНАНИЕ

Тёмное небо...
Крылатыми душами
Плач о негленном покое подслушаем.
Верными рунами, дикими травами
Сердце твоё мы наполним отравой.
Ты не забудешься и не откупишься,
Снова любить никогда не научишься.
Будешь молиться в безгрешье желанному —
Вечные муки тебе, окаянному!
Жизнью замученный,
Смертью повязанный...
Может, уйдёшь, навсегда недосказанный?
Мы обещаем тебе, о герой,
Белые розы и крест под горой.

Ты мне предан, я знаю, поверь.
В глубине твоих бархатных глаз
Опрокинулось солнце... теперь
Темнота доберётся до нас.
Как же мне отогнать воронье
От живых, не нашедших покой?
Ты сможешь, но сердце твоё
Станет вороном вместе со мной.
Обещай, что ты будешь всегда:
Не умрёшь, не покинешь меня.
Этой битве не нужно суда
На закате последнего дня.
Я тебе расскажу про себя,
Про полынную горечь степей.
Засыпай, я укрою тебя
Паутиною жизни моей.

Зачем тебе Свет, если жизнь – ожиданье
Извечной боязни – Слепой Темноты?
Зачем тебе голос – не зная страданья,
Ты бродишь по свету и ставишь кресты
На мне, на нелепой случайности взглядов,
На белой рубашке, на чьей-то мечте.
С улыбкой киваешь. Так надо? Так надо...
А мысли петляют в немой пустоте.
Зачем тебе ложь – оправданьями квиты,
Давно пересчитаны наши ходы.
Зачем тебе боль – равнодушьем убиты,
Уже не воскреснем ни я и ни ты.

Уснувшую вечность баюкает ветер,
Разбив на осколки дневное сиянье.
А ты всё мечтаешь о чувственной смерти –
Прекрасной невесте в простом одеянье.
Под легкой вуалью спокойные пальцы
Обвили холодную белую маску...
Пусть вечный покой обретают скитальцы
И жизнь превращается в добрую сказку.
Взгляни же теперь, под шелками и кожей
Неслышно и медленно бьётся о плети
Бумажное сердце – как верное ложе
Для самой красивой невесты на свете.
Играя с тенями, что шлейф расплескали,
Она выбирает лихую дорогу.
Ей ночь в подворотне завоюет и, скалясь,
Посмотрит вослед, провожая с порога.
Ты ей не пожмёшь на прощание руку,
Но крест за спиной потихоньку запрячешь.
Не в силах терпеть окаянную муку
Падёшь на колени и горько заплачешь.
Кровавая дань сожаленья в конверте
Озерами глаз пробуждает желанье.
Познай, не таясь, цену чувственной смерти –
Опасной плутовки в чужом одеянье.

Наталья АНДРЕЯНОВА

РАССВЕТ

...Ветви пронзают Небо,
Небо сочится Светом,
Светом шального Солнца,
Солнца священных Лилий,
Лилий молочно-белых,
Белых под снежным Ветром,
Ветром – посланцем Бога,
Бога дорожной Пыли,
Пыли иссохших Жизней,
Жизней, что взяты Силой,
Силой и чёрной Солью,
Солью седого Пепла,
Пепла сожжённой Крови,
Крови из красной Жилы,
Жилы, что поит Небо,
Небо пронзают Ветви...

ПУСТЫННЫЙ МИРАЖ

Плавится южной медью
Солнечный край заката,
Воздух напоен зноем,
Все мы бредём куда-то
Призрачным караваном
За горизонт пустыни...
Сумрачный край забвенья
Ищем мы и поныне.
Там, где отступит совесть,
Там, где не будет больно.
Вечно глаза закрыты...
Хватит с меня, довольно –
Наговорила с ветром,
Но возвращаться поздно...
И, хороня свободу,
В сердце скребутся звёзды.

КРЕДО

Рвутся струны свирепым аккордом,
Плачут пальцы, не зная покоя.
Я останусь свободным и гордым –
Властелином песка и прибоя!
Пусть без дома, с босыми ногами,
Да с душой – одинокой волчицей,
Но не пойман твоими рабами
В сети верности раненой птицей.
Уходи из моих сновидений
Со своим молчаливым укором!
Мне довольно своих привидений,
Что зовут меня дрянью и вором.
Я украл у них, видишь ли, вечер
И раздал его пламенным звёздам...
В темноте задыхаются свечи,
Только зимний рассвет слишком поздно...

Легкие бабочки рук,
Тонкие нити улыбки...
Что ж это, милый мой друг,
Ты не играешь на скрипке?
Я так люблю этот зов,
Робость в смычке твоём белом.
Ты не срывала оков,
Ты никогда не умела.
Жёсткие плети угроз,
Тяжесть взволнованных взглядов.
Я не хочу твоих слёз!
Жалости тоже не надо.
Двое в безветрии дня,
В вакууме серых истоков.
Даже не зная меня,
Ты уже не одинока.
Теплится отсвет лампад,
Тени изменчиво зыбки...
Что ж ты поёшь невпопад
Нежно чарующей скрипке.

Киноварью, золотом и охрой
Расписалась осень на стекле,
Чёрным серебром покрыла ветви
Тополей. И лужи на земле.
Белым пеплом вновь кружились стаи
Лебедей. И уносились вдаль...
На озера одевала осень
Тонкую прозрачную вуаль.

ВЫБИРАЙ

Взгляни на небо: вечер рассыпает
Горстями жемчуг, шёлковые ленты,
Но времени так часто не хватает
Ловить такие хрупкие моменты.
Ты всё бежишь, но путь противоречий
Ведёт вперёд на шаг, на два обратно,
А в тишине потрескивают свечи,
И у огня спокойно и приятно...
Остановись, ты видишь, пляшут тени.
Их тёмные смеющиеся лица –
Причудливый театр измерений
На лепестках цветка в моей петлице.
Замри и, опускаясь на колени,
Почувствуй лунной бабочки дыханье,
Возьми в ладонь ночной поры творенье
И отпусти, и загадай желанье...

Шершавое сердце
В биения скрежете,
А вы по живому
Безжалостно режете.
На сколах зеркал
Прогорают безликие,
Становятся тёмными –
Насытились криками,
И зыбкая кожа
Сливается с простынью,
И движется солнце
Безжалостной поступью.

Алексей АРИСТОВ

ФЕТ

Утро. Кофе. Крик синиц.
Множество знакомых лиц.
Только Солнце показалось, –
Лица сразу пали ниц.

Полдень. Чай. Крик воробья.
К лицам в гости вышел я.
Вспоминаем, где мы были,
Чаек, волны и моря.

Вечер. Тишь. Скупой кефир.
В Палестине снова мир.
Лица все давно забыты:
В одиночку – тоже пир.

Желания жизни изжить должны мы,
И золото Сигурта должны позабыть.
Забудут названье, – останется имя;
Нам следует стать, – затем только быть.

Желаний задания мы днями вкушаем.
Вкусивши, мы ночью всё жаждем испить.
Судьбу мы не строим, – но лишь искушаем.
И думать забудьте, что можно нам жить.

Но будут и свадьбы, начавшись надеждой,
Закончившись музыкой в день похорон,
Да жгуча печаль ожиданий безбрежных,
Жужжание пчёл, да далекий паром.

ЭКЗИСТЕНЦИЯ И МИКЕЛАНДЖЕЛО

Я видеть не хочу: к чему мне зренье?
И слышать не хочу: зачем мне слух,
Когда заснул во тьме блаженный дух,
Не вижу танца я, не слышу пенья.

Какой трубы его разбудит звук,
Когда саму трубу всю ржа изъела?
Раз ничего ко мне из тьмы не пело,
Во тьме я крепко сплю – проснусь не вдруг.

Хочу невидимым я камнем стать,
Никто не мог меня чтоб разбудить.
И не дышать, но только вечно спать.

Не видеть и не слышать, не любить,
Не говорить и не писать – молчать.
Не знать, не чувствовать, но – просто быть.

ДВЕ ПРИТЧИ

Ветер бушует над бором осенним,
Грозная буря громит дубраву:
Осенью громы быстры на расправу,
Осенью много будет знамений.

Бьётся бесовскою тьмой одержимый.
Гонится по лесу, бедный, проклятьем.
Изгнан людьми, неразумный, исчадьем.
Бурею в беге застигнут гонимый.

Солнце над миром господствует гневно:
С бесами бьётся, к нищим же – нежно.
Солнце взойдёт, – так и буря утихнет.

Туч легионы, а Солнце едино,
Но утром взойдёт оно так же рутинно,
И бес несчастливца сейчас же покинет.

Я вышел из дома, вдохнул новый дым.
Мне день показался таким непривычным.
Взглянул я на город, на небо над ним
И понял, что кончился наш карантин.
И вспыхнул весь город как серная спичка.

Гражданские всё ещё бегали группами,
Пытаясь хотя бы лицом не упасть.
Но улицы все покрывались уж трупами.
Мы сверху казались, наверное, глупыми.
А мной овладела кровавая страсть.

Украшены жизни последним событием.
Исполнен был лишь любопытства мой взгляд.
Следил я в истоме за смерти развитием.
Ушёл в небытие я внезапным наитием.
Но ведь небытие может значить лишь ад.

Р.М. РИЛЬКЕ. ОЖИДАНИЕ РОЖДЕСТВА

Словно пастух стадо белых телиц круторогих
Вниз через луг к водопою проточному гонит;
Громко мычат они, чистую воду почуяв;
Лета жару той водой поубавить желают телицы;
Жгуче-морозный так ветер по зимнему лесу
Гонит белые хлопья предновогоднего снега.
И не единая ёлка предвидит, что скоро
Светло-святой она будет и благочестивой.
Ели стоят настороженно, как часовые,
Ни разу не бывшие в битве, но только на страже,
И чутко внимают к округе. Белыми ветвями ели
Тянутся к ветру. Как будто дороги то, а не ветви:
Дороги, укрытые снегом, которыми скоро на землю
К нам благодать низойдёт радостно-свято.
Ели готовы и ждут благодати, тянутся кверху,
Стоят, словно башни, и держат сам ветер.
Стоят, как колонны, держащие небо,
Пронзившие ночь велелепия, ночь несравненную.

Алёна БУДАРИНА

Сидишь в рубашечке клетчатой,
Попиваешь чай, хлюпая.
Словно Богом самим меченный,
Я – напротив, влюблённая, глупая.
Ты, мешая, звенишь ложечкой,
Пахнешь моей старой простыню,
Весь помятый, немного ношенный.
Я – напротив, рыжеволосая.
Ты, глаза закотив серые,
Их прикрыл ресницами длинными.
Я – напротив сижую, несмелая.
До утра я была любимая.

А вы, отрезав дольку лимона,
Назвать хотели гордо «Александра»,
Но кислое, невкусное «Алёна»,
Подстать лимону с губ рвалось злорадно.
Вы корчили гримасы, улыбаясь,
И, съев лимон, вы целовались дерзко,
Вы, разводясь, наверное, смеялись,
Украл у своего ребёнка детство.

АНГЕЛ

На полу яркий блик, будто кто-то разлил позолоту.
Кто-то рядом со мной мне доверчиво смотрит в глаза.
Громко скрипнула дверь. Так протяжно, но будто по нотам.
Рядом ангел. Я вижу его. Крылья как небеса.
Он не белый совсем, не искрящийся, как по приданью,
Он напомнил тебя, такой же, как ты, молодой.
Даже младше чуть-чуть, наивное это создание.
Он такой же, как мы, только сердце горит добротой.
Он сказал мне: «Привет!» Я ответила: «Здравствуй, мой милый.
Чем же я заслужила? За что же такая мне честь?»
Он сказал: «Ты так долго, так искренне, страстно любила,
А теперь ты одна. Я пришёл твоё горе унести
И развеять над полем, чтоб капли в тебе не осталось,
Чтоб печали твои унесли на спине облака».
Я расплакалась: «Нет! Я же с ним без печали рассталась.
Я любила его, и мне память о нём дорога».
Он плечами пожал. Всё не мог осознать, что такое.
Снова скрипнула дверь вновь протяжно, но как-то не так.
Кто же может понять это странное сердце людское?
Я закрыла окно. Это был всего лишь сквозняк.

Ты спросишь, зачем в этом мире дождь.
Ты любишь его, но он так тосклив.
Скажу, что на нас он с тобой похож,
Он тоже знает, что счастье – миф.

Анастасия КУЗНЕЦОВА

Извлекаю уроки,
Я у жизни учусь,
Ты не стой на пороге,
Ожидания грусть,

Не стучись в моё сердце,
Не тревожь, не зови,
Не открою я дверцы
Ни тебе, ни любви –

Той, которая в омут,
И до дна, с головой...
Хорошо мне знакома
Запредельная боль...

Ты не стой на пороге,
Ожидания грусть.
Извлекаю уроки,
Я у жизни учусь...

Я грозы никогда не боялась,
По душе мне стихии разгул,
Но сегодня к тебе я прижалась,
Когда молнии луч полыхнул.

Крепко обнял меня ты: «Трусиска,
Что бояться? Я рядом с тобой».
Улыбнулась: «Спасибо, любимый,
Мой защитник, мой храбрый герой».

И пока громыхали раскаты,
Ты объятъя свои не разжал,
Я грозы никогда не боялась,
Ты об этом, любимый, не знал.

В вишнёвом саду размышлений
Тебя повстречала вчера,
Букет подарила сомнений,
Кувшинчик тоски принесла.

Потом нашептала раздумья,
Мечтой провела по губам.
Ведь сам понимаешь – колдунья
К твоим прикоснулась рукам.

О чём говорили, не помню,
И важно ли это теперь,
Когда полосатые громы
Стучатся в закрытую дверь.

И цепь неразрывна рождений,
И вязь пониманья тонка.
Мечты порождают сомненья,
Но истины шпага остра.

Ирина КУЛЬКИНА

– Знаешь, любовь бывает как осень...
– Как это? Расскажи!
– Она, заблудившись меж елей и сосен,
Прижавшись к земле, дрожит.
Еле слышно дышит и тонко-тонко...
Тонко стонет. И тлеет, тлеет.
Повернётся, посмотрит взглядом ребёнка,
Ребёнка, который болеет.
Она слабеет, но толстым слоем
Её усталый окутал дым.
Она пахнет густою хвойной смолою,
Она пахнет чем-то родным.
Ещё любовь как зима бывает...
Длится и длится. Длится и длится.
И не уходит, и не хворает –
Неперелётная сизая птица.
Как старики, в одну точку глядя,
Одиноко сидит. За минутой минута.
И, распуская светлые пряди,
Прячет лицо, стесняясь как будто.
Знаешь, весна – любовь-самозванка!..
– Что ты?! Не может быть!
– Она, надевая наряд наизнанку,
Пытается суть прикрыть.
Двулика. Сыра, мокра, не готова –
Подросток – в его переходный период...
– Любовь переменчива. Но каждое слово
О ней: покорила тебя. И меня
покорила.

Дорога эта осень тем
Редким запахом новых тревог –
Минорным настроем тем –
Фантом я или пророк?
Соль земли – это я, и мне
Ляжет тонкой лентой на грудь

Синий отблеск воды. Во мгле
Добежит до меня её муть.
Резким хладом оближет стан,
Мимоходом скрыв силуэт.
Фантазирую лишь до ста,
Соль земли – это я. Привет.
Ляпнет дождик кляксой в стекло –
Силуэт растворится в воде.
Дорогой зимы унесло
Резкий запах тревог и надежд.

Это гамма осенних снов –
Доживёт ли до зимних седин?
А зима мне готовит кров –
Я в ней поселюсь. Один.

ПОД ВЕСЕННИМ ДОЖДЁМ

Под весенним дождём
Расплетаются косы,
Промокают ботинки,
Зеленеет трава.
Мимолётным теплом
Наполняются росы.
И слетают с былинки,
Превращаясь в слова.

ПИСЬМО

У меня, как обычно, все в норме,
И погода прекрасна в довесок,
Только в наигрубейшей форме
Я стою на своих интересах.
У меня, как всегда, все в порядке,
Но я здесь задержусь подольше,
Ведь теряю я здравую хватку
И скучаю значительно больше.
У меня, как всегда, все отлично.
Ты же знаешь. Ну, как же иначе?
Только стала я слишком циничной
И ночами все чаще плачу.
Мне здесь солнечно, да и лунно,
Крови нет, и все раны подсохли,
Только стала я шибко умной
И желаю, чтоб все вы сдохли.

Время сточит мои острые углы,
Безмятежно продлевая свою вечность,
И развяжет мои крепкие узлы,
Свой характер проявляя, – быстротечность.

Как всегда, плохое настроенье.
Наступает новая эпоха.
У меня сегодня день рожденья,
И поэтому я выгляжу так плохо.

Ольга МЕЩЕРЯКОВА

Опять пробуждаются реки,
И вновь пробуждается лес,
И небо сквозь сонные веки
Открыло свой звёздный завес.

Подснежник белеющим глазом
Тебе чуть заметно мигнул,
И светлым блестящим алмазом
Последний ледок утонул.

И с юга скворцы прилетели,
Унылая спит тишина,
А где-то, укрывшись в метели,
Печальная тает зима.

СОН

Я плыву на голубом дельфине,
Вижу море, Солнце, облака,
Воздух пьян дурманами жасмина,
Луговой травы и молока...

Я лежу на золотом побережье,
Распрощавшись с другом водяным.
И бегут волна с волною смежно,
Поднимаясь лезвием стальным...

Я ступаю жёстко и небрежно,
С диких трав сбивается роса.

Улыбаюсь нежно, безмятежно,
В небесах смеётся бирюза...

Хорошо мне в этом сонном царстве:
Солнце светит, не страшна гроза,
Мыслей нет о бедах, о лекарствах,
И мечта: не открывать глаза.

Я Землю миром назову,
Хрустальным, хрупким, звонким,
По Солнцу пальцем проведу,
Заплачу ливнем колким.

Я с полки кисточку возьму,
Смешаю краски лета
И проведу рукой дугу
Над всей моей планетой.

Ольга МУРЫГИНА

ВОПРОС – ОТВЕТ

ВОПРОС

Где ты, моё долгожданное...
Детство?
Думаете, не бывает?!
А если взрослость уже напрягает?
И ты живёшь только ради того,
Чтобы видеть одного,
Не родного, не твоего,
А чужого...

ОТВЕТ

И как бы я
Свою большую любовь
Долго и усердно ни прятала,
Но всё, что хотела тебе сказать,
Уже написала Ахматова.
И всё, что хотела тебе показать,
Уже нарисовано Рембрандтом.
А всё, что хотела тебе отдать,
Уже отдала она...
Оставив мне
Лишь эти строки
И мысль о том,
Что люди – не одиноки,
Кроме меня,
Опоздавшей на десять лет.

Вот такой ответ...

Я бы хотела
Побыть на твоём месте,
Почувствовать,
Как ты ненавидишь меня.

Видеть,
Как раздражает моя походка
И коробит
Стук приближающихся каблуков.
Узнать,
Как по коже пробегают мурашки,
Когда ты слышишь мой голос.
Понять,
Как навязчиво выглядят мои глаза,
Когда я с любовью гляжу на тебя.
Проникнуться всей нелюбовью
От тебя ко мне
Согласна,
Но с одним условием –
ТЫ ТОЖЕ БУДЕШЬ НА МОЁМ МЕСТЕ...

ЛЮБОВЬ

Любовь – тварь,
которую не выведешь,
как тараканов.
Попробуй её ударь –
бьёт наотмашь,
об стенку размажет,
раздавит.

Захочешь обманом
избавиться.
Попробуй,

может, получится.
Но знай,
что впереди без любви
ещё больше будешь
мучиться.

Не заметить –
нацепить на глаза повязку:
поводырь поведёт –
наткнёшься.
Заворожит тебя,
как в сказке,
не заметишь,
обратно вернёшься.

А положишься на неё,
будешь ласкать, как кошку.
Всё равно тварь-любовь
в конце концов
подставит подножку.

Все – счастливые,
Все – несчастные,
в итоге
получим одно:
тварь-любовь
наиграется, как с котятами,
и отправит нас всех под лёд,
на дно!

Екатерина НИКИФОРОВА

Я хотела бы быть озером,
Раствориться в ладонях земли.
Я хотела бы быть проседью
И украсить виски твои.

Я хотела бы быть слабостью
И исчезнуть в твоих губах.
Я хотела бы быть радостью
Да вот только не знаю, как...

Темный силуэт старого окна.
Электрический бог на стекле.
А из мокрого снега – живая луна,
И лучи на холодном окне.
Игра света и тени, безмолвия тишь,
Занавесок открытая дрожь.
Я закрыла себя, заперла на засов,
Ты ключи от него не найдёшь.
Жгут слова как огонь, хлещут резко и зло,
Неумелости боль не пройдёт,
Не понять, не простить. Ничего не ушло.
Только тот, кто любил, тот поймёт.

Валерия ПИЩУГИНА

Просто сидя на крыше,
Нервно жмурясь на солнце,
Понимаешь, что выше
Сердце долго не бьётся,

Понимаешь, что правда –
Просто пепел по ветру,
Рассыпается завтра
Мелом с бликами света.

Разбросав на подушке
Шелковистые косы,
Трещь спросонья веснушки –
Это бледные звёзды

Опустились да с неба,
И виной безысходность:
Завтра крошками хлеба
Осыпалось на звёзды.

Перекрестье пальцев нервное
Сеткой дырчатой на глазах,
У меня ведь уже не первая
За окном бушевала гроза,

У меня ведь уже не страшная
На душе разгулялась синь...
Ноготочками разукрашенными
Мою душу из сердца вынь,

Подержи её – успокоится
И затихнет в твоих руках...
Перемелется, пересолится
Боль на ране, надежды крах.

Как излучина – руки белые,
Изгибаются у лица,
Я измучена – это первые,
Сутки первые без конца.

БОЛЬНОЙ МИР

Я кидаю ножами в стену –
Может, выйдет с другой стороны;
Кто-то вскрыл в туалете вены, –
Все мы здесь безнадёжно больны.

Мы больны прокажённой ложью
И рекламой, и попсой...
А кому-то сейчас: «Ну и что же?»,
Был у раковины – босой.

Мы больны заражённой кровью,
Суицидом – все с малых лет,
Не больны лишь одним – любовью,
Потому что её для нас нет.

Потому что чужая дорога,
Перехлёстываясь с твоей...
Тот, который... Он верил в Бога,
И от этого тяжелей...

Потому что чужая радость,
Потому что чужая душа,
А внутри – фи, какая гадость! –
Покопайся в ней не спеша.

Ведь тебе только так приятно,
Ты не грязен, конечно ж, чист...
Тонким пальчиком аккуратно,
Оттопыря мизинец вниз...

Потому, без любви раздеваясь,
Понимаешь: пуста душа,
Но сейчас все равно. Извиваясь,
Рядом кто-то сказал: «Хороша».

НЕ ОБИЖАЙСЯ

Не обижайся на меня,
Ладно?
Я иногда могу быть престранной,
Я иногда летаю над крышами
На старой метле.

Не обижайся на меня,
Солнце.
Я иногда могу с тобой ссориться,
Я как сапожник ругаюсь матом
И лью в туфли клей.

Побереги свои хрупкие
Вены.
Знаешь, вчера я раскрасила стены,
Ты представляешь, все-все в доме стены
Кровью своей.

Мы никогда не увидимся,
Может.
Ты любишь меня? Ну, отлично. Я тоже.
Я буду во сне самой ласковой грёзой
Являться твоей.

Маргарита СУЛЕЙМАНОВА

Одиночество как кошка подступает,
Чёрная лоснится шерсть на ней,
Зубы скалит, в угол зажимает
И скребёт по сердцу всё больней.
Ты не можешь ни кричать, ни плакать:
Смотришь ей в глаза и ждёшь беды.
На лице от слёз сплошная слякоть –
Жижка туши и морской воды.
Но не надо забиваться в угол!
Улыбнись ей, руку протяни.
Мы напоминаем старых кукол,
Что заброшены, валяются в пыли,
Если просто ждём от жизни рая,
Просто по течению плывём.
Подними глаза! Та кошка, знаю,
Не выносит радостных знамён.

Я искала тебя во снах,
Я искала тебя в романах,
Наяву и в сплошных мечтах,
И в обычных мужских обманах.

Я так долго искала тебя,
Что, найдя тебя, растерялась,
И хоть сердце поёт, любя,
Не могу ощутить реальность.

Что я без тебя? Осколок неба.
Солнечные блики под ногами.
Что я без тебя? Всего лишь небыль.
Тихая. С потухшими глазами.

Что я для тебя? Цветок надежды,
Суши островок в огромном море.
Что я для тебя? Родной мой, нежный...
Солнца свет или сплошное горе?

Пепел – в глазах,
Пепел – в душе,
Пепел на скатерти белой.
Гаснет огонь.
Хватит уже,
Хватит быть сильной и смелой.

Влажны глаза,
Пальцы дрожат,
Тлеет в руке сигарета.
Снова одна.
Кто виноват?
Может, ушедшее лето?

Вновь на виду.
Взгляды мужчин.
Что им: души или тела?
...Сердце в аду.
Вывод один:
Жизнь – лишь рисунок мелом.

Струны гитары ласкаешь,
О жизни и смерти поёшь.
Бывает, о чём-то мечтаешь.
Так странно: живешь – не живёшь...

Во взгляде тоска и насмешка,
Улыбка ж согреет всегда.
Чужой. Ты чужой и успешный.
Романтик. Жаль, песни – вода.

В них ноты щемящей мотивы,
Но призрачны чувства, как дым.
Ведь мог меня сделать счастливой!
Но так и остался чужим.

Убогое убранство:
Сервизы, зеркала.
Сгущается пространство.
Жила и не жила...

Прокуренные лица,
Пропитый чёрный сброд.
Была в руке синица,
Теперь наоборот.

Дрожащими руками
Хватала пустоту,
Холодными тряпьями
Прикрывши наготу.

И снова ближе звёзды,
Пронзительнее крик.
Пусть сердце в теле мёрзнет,
Твой мозг уже привык.

Виктория ШИРОКОВА

Свободно солнце светило,
Свободно птица летела,
Свободно улыбка играла,
Свобода меня обнимала,
Свободе меня не хватало.

Я лечу одна навстречу ветру,
Смело рассекая облака.
Тянутся лесные километры
И бежит весёлая река.
Сколько мне лететь, ещё не знаю.
Тянутся минуты, как года.
Может быть, неделю пролетаю,
Может быть, в полете навсегда.
Облака, как гроздь винограда,
Разбросались на моём пути.
И лучу от солнца я так рада,
Что готова беды все снести.
Я лечу одна навстречу ветру,
Смело рассекая облака.
Тянутся лесные километры
И горит надеждою душа!

По самым высоким расценкам
Плачу за короткие взлёты.
Опять я приставлена к стенке
По самому крупному счёту.
Опять и прицельно и круто
Молвою меня поливают,
А буду жива иль не буду,
В глаза или в сердце – не знаю.
Но стихнут метельные взрывы,
Опять буду в небо стремиться.
И будут напрасны призывы
На грешную землю спуститься.

Никогда, никогда
Не вернуться назад.
Не забудется то,
Что не вспомнить никак.
Разбросаю руками
Надоевшие сны.
Я не вижу просвета
Ни с какой стороны.
Я на ощупь, по стенке
Пыгаюсь идти.
Мне бы лучик надежды
Поскорее найти!

И ты – не ты.
И ветер бьёт в глаза,
И где-то плачут, стонут поезда.
Как будто счастья на земле

В помине нет.
А впрочем, есть...
Но только страшно мне
Дышать росой,
Ходить по травам в дождь,
Быть белобрысой,
А потом – седой,
И там, где б ни была,
Искать ответ –
Ты обещал мне счастье
Или нет?

Земля! На твоих просторах
Весело и светло.
Но что же холодным мраком
Сердце моё свело.
Птица! Навстречу ветру
Ты распорола высь.
Руки мои закованы
Молвою: я брошена вниз!
Цветок! Ты бутон раскроешь,
Омытый летним дождём.
Я скоро умру от жажды
Под этот железный гром.
Я ухожу от жизни,
Мир может меня забыть.
Но я оставляю песню,
Которая будет жить.

Старшей сестре

Невозможно плыть по морю
И не чувствовать игривых,
И не чувствовать солёных
Острых капелек во рту.
Невозможно плыть по небу
И не чувствовать холодность,
И не чувствовать упругость
Нежных ласковых ветров.
Знаю я, что твой кораблик
Будет плыть под белым солнцем,
Обойдёт все рифы, мели,
Что встречаются другим.
Знаю я, что даже в небе
Не умчишься к облакам ты
И с попутными ветрами
Никуда не улетишь!
Я люблю тебя такую,
Моя дивная сестричка,
Оставайся самой-самой,
Моя старшая сестра!

Хорошо, когда рядом с тобой человек,
Что тобою любим и ответно влюблённый:
На деревьев листву, на мерцающий снег
Ты другими глазами глядишь удивлённо.

Ярче радость вдвоём, и беда – не беда,
По плечу трудный спор и серьёзный экзамен,
Быть красивым и умным не стоит труда,
И в любом поединке победа за вами.

Вам не страшен ни ливень, зло бьющий в лицо,
Ни мороз, прошивающий иглами кожу.
Всё, что жизнь иногда преподносит свинцом,
Тонет в солнечных водах, становится ложью.

Пусть для каждого светят влюбленных глаза.
Этот свет – продолжению жизни основа,
Пусть речушки и парки, сады и леса
Слышат шепот признания снова и снова.

ДИПЛОМАНТЫ КОНКУРСА
«МОЛОДЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ ТОЛЬЯТТИ – 2007»
В НОМИНАЦИИ «ПРОЗА»

ЕКАТЕРИНА АНДРИАНОВА, ВИТАЛИЙ ГИЗАТУЛЛИН,
НАТАЛЬЯ ИДРИСОВА, АЛЕКСАНДРА КАТЫКОВА, АНАСТАСИЯ ЛАСАЕВА,
ВАЛЕРИЯ МИХАЙЛИНА, ИГОРЬ ПЕТУХОВ, ДАРЬЯ ПОПОВА,
ЕКАТЕРИНА ТАЛАЛОВА, ЕВГЕНИЙ ЧУРКИН, КРИСТИНА ЯКИМЕНКО

Екатерина АНДРИАНОВА

КАЛЕЙДОСКОП

Вечность – это беспрестанность существования всего и вся в мире. И хотя одни люди чувствуют себя песчинками в пустыне вечности и тщетно пытаются найти смысл жизни, другие верят, что человеческая душа неоднократно возвращается на Землю, чтобы из жизни в жизнь пройти свой путь, стремясь к совершенству.

Я не знаю, было ли это сном, воспоминанием из прошлой жизни или просто бессмысленным видением, но возвращение к действительности было ошеломляющим.

Париж. 1941 год. За окном моросит дождь. Молодой французский офицер с грустными глазами, прежде чем уйти в последний бой, рассказывает мне какие-то невероятные истории...

Британия V века. Мир, полный преданий, легенд и магии. Девушка из племени кельтов и римский легионер. Завоеватели и завоеванные. Те, кому невозможно быть вместе, но те, кто рождены преодолевать преграды любыми способами. Те, кто предпочел гибель разлуке...

Французская провинция IX века. Времена военных походов на Иерусалим. Молодой крестоносец и его юная возлюбленная. Рыцарь и его дама сердца. Воплощение верности и благородства. Обреченные на разлуку, но готовые к ее испытанию длиною в целую земную жизнь. Те, кто предпочел боль памяти забвению...

Испания XV века. Повсюду пылают костры «охоты на ведьм». Инквизитор и его возлюбленная, осужденная за колдовство. Отказ подписать приговор и обвинение в ереси. Двое влюбленных, исчезающих в пламени огня, выбравшие смерть, но не предательство...

«И все это наши прежние воплощения...» – объясняет молодой офицер, имя которого память скрывает от меня. «И если сейчас мы еще вместе, то следующая наша встреча... – он делает паузу, словно боясь сказать то, что собирался, – в нашей следующей жизни... будет мимолетной... и последней... Следующее воплощение на Земле будет последним для меня».

Я чувствую, как дрожат губы, боль сдавливает грудь. Хочется плакать – я теряю кого-то очень дорогого и близкого. Офицер кладет руку мне на плечо и ласково, с невыразимой нежностью смотрит на меня. Я всматриваюсь в его суровое лицо и понимаю: он не сумасшедший, не фанатик, не чародей, он всего-навсего человек, который знает свою судьбу.

«Зачем ты так жесток? К чему мне знать все это сейчас?» – тихо спрашиваю я.

«У каждого свой урок, который нужно усвоить. Каждый раз, когда мы встречались, наше счастье было кратковременно. Мне думается, что мы с тобой должны научиться делать правильный выбор, чтобы найти дорогу и двигаться по ней дальше. Иначе урок будет повторяться снова и снова», – говорит он с мудростью человека, помнящего уроки прошлых воплощений.

«Это значит, я потеряю тебя навсегда?» – с болью в сердце задаю я вопрос, на который боюсь узнать ответ.

Первый раз на суровом лице появляется легкая, едва заметная улыбка: «Я не знаю, что нас ждет, но уверен, что связь родственных душ вечна. Думаю, ты сама удивишься, как совершенно чужой тебе человек может оставаться настолько близким и родным! Я не долго буду вместе с тобой, но рядом буду даже тогда, когда в твою жизнь на мое место придет другой человек...» – офицер проводит ладонью по моей горящей от смятения щеке и отворачивается, собираясь уйти и оставить меня наедине с моими мыслями и чувствами. Но прежде чем навсегда закрыть за собой дверь, он дает ответ на не прозвучавший вопрос: «Обрати внимание на человека, который принесет тебе печальное известие... о том, что я ушел...»

Какое-то время его слова остаются для меня загадкой, но вот картины снова начинают сменять друг друга с возрастающей скоростью...

Через три месяца юная супруга офицера получает письмо о смерти мужа. Печальное известие принес дальний родственник погибшего, служивший под его началом.

«Он погиб героем. Жаль, что мы встретились при таких трагических обстоятельствах. В другой раз все будет по-другому...» – посетитель кланяется мне, целует руку и уходит. Но эти три предложения для меня словно весточка из другого мира, словно указатель на перекрестке множества дорог...

Калейдоскоп видений останавливается, и я просыпаюсь. Голова идет кругом от обилия впечатлений, точно я совершила путеше-

ствие во времени. Но все, что привиделось, ясно стоит перед глазами и ждет своего осмысления...

А ведь все, что мне поведал французский офицер, в моей жизни случилось. До сих пор почти каждый день я встречаю суровый взгляд его карих глаз, взгляд человека, который знает свою судьбу, взгляд человека, расставание с которым меня многому научило. И до сих пор я удивляюсь, как может теперь уже чужой мне человек вызывать столько нежности и благодарности! А тот, кто пришел на его место... он тоже рядом со мной! Так искренне и самозабвенно отдавать тепло своего сердца может только человек, который искренне желает этого, который долго и терпеливо ждал своего часа... может, и не одну земную жизнь!

Виталий ГИЗАТУЛЛИН**СИНИЕ ДЕНЬГИ**

Я сегодня купил синие деньги. Это было очень просто, нужно только отдать все, что ты имеешь, и взамен получить синие деньги. На них нельзя купить ни дачу, ни квартиру, ни автомобиль, даже билет на трамвай в один конец не купишь.

На них не купишь уважение и место в обществе. Гордость, которая так легко продается, тоже не купить. Я опустил синие бумажки в кассу и получил свободу. Купил свободу и очень доволен.

Мой брат сказал бы мне, что я полный дурак, раз отказался от того, что нажил за свою жизнь. Но я отказался добровольно, и пусть он попробует меня в чем-то упрекнуть!

Конечно, можно со мной поспорить, но у меня есть некоторое оправдание: я ведь умер. Да, именно так! Вчера, когда я вышел из офиса, на меня налетел грузовик. Но это все мелочи...

Сейчас мне хорошо. Лежу на ярко-зеленой высокой траве и смотрю на солнце и облака. Вместе они создают великолепную картину, которую можно разглядывать бесконечно и восхищаться. На что мне квартира и дача? Эти синие бумажки намного ценнее – пусть говорят, что деньги не могут приносить счастья. Я-то счастлив!..

Солнце вышло из-за облака и ослепило меня своим светом. Я приподнялся и увидел, что на полюбившихся уже мне качелях сидит маленький человечек. Он был настолько крохотный, что целиком помещался на маленьком сиденье. Тихонечко качался и тоже смотрел в небо.

– Хорошо сегодня, не правда ли? – сказал я. Но он не ответил – даже не посмотрел в мою сторону. Я не обиделся и снова лег на траву. Солнце светило очень ярко. Я закрыл глаза – оно стало жечь мне ноги.

– Вам хорошо, говорите? – маленький человечек ловко спрыгнул с качелей и направился в мою сторону.

– Да, мне хорошо! – я приподнялся и снова лег.

– За деньги всего не купишь! Ваше счастье – вымысел. Самообман. У вас есть семья. Любящая жена, с которой вы познакомились на остановке и которая год назад сильно заболела – вы и не думали, что она вылечится. И это случилось – не так ли?.. – Свет

упал на его лицо, и оно стало казаться зловещим. — Вам остается только одно... — Он протянул руку. Я уцепился за нее и поднялся... Сразу же из меня вылетели все трубки. Рядом со мной что-то запищало и прибежала медсестра. Она бросилась ко мне, закричала, обернувшись:

— Владимир Федорович, он очнулся!

...Больничная палата засмеялась...

ДЕТИ В ОБЛАКАХ

— Ты думаешь, все это просто? Раз ты счастлива, раз у тебя есть повод для радости, значит все у нас хорошо? Нет, ты ошибаешься — все хорошо у тебя. И только. Это событие может быть радостным, ведь ты этого ждешь, у тебя нет никаких обязательств, ты свободна — нет проблем, дорогая моя... Но ты бы призадумалась хоть раз — насколько для меня это ужасно! Ты подумала обо мне? Знаешь прекрасно: у меня жена, дети, авторитет, в конце концов... Если кто узнает?.. Ты представляешь — каково мне будет?

Игорь сел на кресло и закрыл лицо руками. А Инна, испуганно дрожа, села возле него, руки тянулись к нему, но она боялась...

— Игорь, мой родной... это твой ребенок...

— Хватит! — он вскочил. — Еще раз скажешь про этого ребенка... Еще раз услышу... Даже не знаю! Не хочу ни-че-го слышать о нем!..

— Ты подумай хорошенько. Не отказывайся сразу, не будь, не будь таким жестоким... Пожалуйста, умоляю тебя, подумай... Ведь я мечтала о нем... Никто ничего не узнает... Ведь я о нем Мечтала!..

— Инна, послушай, я понимаю, тебе тяжело, но выход один... Или так, у тебя есть выбор: или ребенок, или я. Выбирай, моя дорогая, я люблю тебя, ты знаешь, но появления твоего сына я, прости, не переживу...

...Она сидела на полу, рядом с кроватью, держа за руку спящего чужого ребенка. Неосмысленным взглядом осматривала комнату — вряд ли замечая треснутую вазу на столе, покосившуюся деревянную тумбочку с толстым слоем пыли на ручках, коричневые обои с надписями на латинице...

Она смотрела взгляд на окне. Большое, раскрытое, оно внимательно не двигалось вечерним светом. В нем зависали красные облака и словно не двигались, тяжелые, а далекий луч мгновением блеснул рядом... Инна, закрыв лицо ладонями, отчаянно прошептала: — Я, похоже, забыла, зачем жила... — Она поднялась с дрожащими руками и с угнетающими мыслями... Ходила по комнате, повторяя

фразу, наткаясь на мебель... Подошла к окну, опоминаясь... Цепко руками впилась в подоконник, жадно смотрела в небо... Там по облакам бегали дети. Сначала их было немного, потом умножились: десятки, сотни... Они резвились, перепрыгивали с облака на облако, делали воздушные снежки, скакали как на багутах и звонко кричали...

Среди этой толпы она искала глазами своего ребенка... Вот вроде бы рука его... Взгляд... Нет – не он... – Где же ты?.. – И наконец увидела: мальчик сидел на краешке облака, свесив ножки, и махал ей, улыбаясь... Она помахала в ответ, и тогда мальчик прыгнул вниз...

КАПРИЗНОЕ ОБЛАКО

Сегодня был вроде как ответственный день, и я около полутора часов приводил себя в относительный порядок.

Термометр показывал какую-то невозможную температуру – я таких цифр-то никогда не видел. Присмотревшись через замерзшие стекла, я заметил одиноко идущего, хотя нет, скорее одиноко бегущего мужчину. Закрыв руками нос, натянув на рот меховой воротник, он мчался по безлюдной улице в направлении подъезда. Выбрав себе цель, он совершенно не обращал внимания на преграды. Он то и дело скользил по льду, отчаянно размахивая руками. Налетал на кусты, рвался через скользкие бордюры, но удивительно – ни разу не упал. Бежал, позабыв обо всем на свете, даже о замерзшем носе, стремясь в тепло. Он преодолел последний кусочек ледяного наста, ухватился за ручку двери, другой рукой поковбойски вынул из кармана ключ и приложил к фишке домофона. Открыл дверь... но не тут-то было. Какая-то старушка по привычке, видимо, решила выйти посидеть на лавочке, толкнула в этот момент ее вместе с замерзающим мужиком. Который тут же плюхнулся на скользкие ступени и покатился вниз...

Я посмотрел на часы – боже мой!.. Однако укутался в дубленку и вышел, словно полярник, во двор. Подхваченный ветром, понесся по оледенелой дороге... Подходя к торговому центру, услышал топот – обернулся. На меня мчался на задних лапах желто-синий бегемот. Улыбался бумажной мордой, расставив руки, словно собираясь заключить в объятия. Испугавшись, я помчался по лестнице в здание торгового центра...

Это был рекламный бегемот. Подростки за 60 р. в час в ужасный холод на улице таким образом привлекали покупателей.

Здесь было жарко как в пустыне – я снял шапку. Скользкие полы. Повсюду гомонили дети – просили родителей и плакали... На эскалаторе на меня налетел подросток с плюшевым львом – за ним неслись обалделые охранники с резиновыми дубинками, дождавшись наконец исторического ограбления. Догнали...

Сегодня первый день моей работы, а на меня уже налетали и бегемот, и грабитель. Покупателей много, хотя и холод – скоро Рождество, пора подарков.

Работа моя – непыльная. Заучив названия и характеристики конструкторов и кукол известной фирмы, я осведомлял покупателей о проходящей акции.

Я и моя коллега-девушка, напялив на себя футболки, разошлись по разным углам. В мою обязанность входило приставать к покупателям, охавать их выбор и восхвалять продукцию фирмы. Мне нравилось мое дело. Никакие вкрадчивые мои доводы не действовали, кроме как: «подарок за покупку». Тогда глаза их загорались... Работалось мне весело – работал бы хоть сутки, но положено было шесть часов. По прошествии которых мы падали на коробки, расслабляя мышцы рта.

– Я так много никогда не говорила, – устало молвит моя коллега, светлая девочка с редким именем Яна. На кастинге видел ее мельком, сталкивался во время работы... Ее ошарашенные глаза искали потенциального клиента...

– Ты идешь? – спросила, оглянувшись, улыбнулась, разглядывая мое лицо.

– Да.

Укутавшись, мы вышли из торгового центра. Яна засмеялась и побежала вперед – к бегемоту. Он стоял посередине площадки и грустно ждал конца смены. С силой пнула бедного бегемота в район синего хвоста. Я остолбенел. Бегемот медленно повернулся. – Максимка, привет! – заорала Яна. Бегемот ответил на такую наглость: – Вам Максим нужен? Он работает завтра.

Всю дорогу до дома Яна молчала. Вдруг начинала хихикать. Потом серьезнела. На мои вопросы отвечала односложно и нехотя. И вроде бы забыла о холоде. Тогда как я прыгал вокруг нее, пританцовывал. Потом она сказала: – Мне холодно. Давай погреемся в подъезде, – и свернула к дому.

Сидела на подоконнике, грея ноги о горячую трубу, смотрела во двор, на холод, царапала морозные узоры ногтем... Я чувствовал ее какую-то печаль и обиду. Потом она смотрела в небо.

– Они всегда приходят... – сказала тихо сама себе.

– Кто?

– Тучи... Когда мне плохо, они тут как тут...

Небо, еще светлое и мерцающее, светящее в глаза, над нами оказалось серым и унылым – с большой дырявой тучей. Дома потускнели, снег не казался ярким... Все медленно готовилось к вечеру...

Я тоже смотрел в окно на плавный снег, проникаясь настроением Яны.

Туча – это капризное облако. Оно пролетело тысячу километров. Как человек, вбирающий темные мысли, так и белое облако чернело и тяжелело... Падающим снегом она освобождалась от своего темного... Я отвлекся и посмотрел Яне в лицо. Не знаю, почему не спросил тогда эти голубые и грустные глаза, чем они расстроены.

Прощаясь, она внимательно посмотрела мне в лицо. Потом повернулась и вошла в свой подъезд.

...На следующее утро градусник показывал, что можно обойтись и без теплых вещей. Радостный, умывшись, причесавшись, я вышел из дома.

Добрался до своего торгового центра и переоделся. Показалось странным – Яна не приходила. Ее футболка бесполезно лежала на месте. Набрал номер супервайзера. – Работай сегодня один, – услышал ответ. Набрал повторно. – Ну что тут непонятного? Я же сказал – работай один!

Не помню, что со мной случилось: я снова набирал номер. Вокруг – полки и игрушки замерцали и рапластались на моих глазах – видел только какие-то зеленовато-красные оттенки... Вчера вечером Яна, раскрыв окно, выпрыгнула с девятого этажа...

Наталья ИДРИСОВА

БУТЫЛКА ИФРИТА

(Пародия-подражание современным отечественным романам в жанре «восточное» фэнтези)

Солнце палило немилосердно. Легкий ветерок гонял песчинки, норовя попасть ими в глаза людей и животных. Караван торговцев Брюсселы шел в Приспен, столицу Золотых Песков. С ними увязались еще двое: Безродный Тристам и его рабыня. Кажется, Безродный звал её Мейхани, или что-то в этом роде.

Хаджи Булат, хозяин каравана, взял бродяг с собой для защиты, ибо Тристам неплохо владел боевым искусством, а рабыня готовила, шила и убирала. Драться Мейхани не умела совершенно, но подобно Шахерезаде знала множество разных сказок и баек. И торговцы, и их рабы любили слушать её рассказы. Порой сам Хаджи Булат присаживался у костра и ловил каждое слово девушки. К слову сказать, Мейхани была очень красива во всех отношениях, имея золотистую кожу южанки, чёрные шелковые волосы северянки, изящную грацию женщин Запада и чарующий голос вкупе со скромностью ханум Востока.

Безродный же Тристам прелести своей рабыни ни в уну не ставил, но, тем не менее, всюду таскал за собой, постоянно напоминая, что она всего лишь вещь и что «клянусь великим Тигрисом, продам тебя первому встречному». Сам Тристам был очень смелым и сильным молодым человеком. Он был задумчив, в отличие от Мейхани, и, поговаривают, даже сочинял стихи. Что касается его внешности, он был скорее красив, чем уродлив. И лишь отсутствие дебенов в его кошельке делало его менее привлекательным для невест этого края.

Когда-то Тристам был сказочно богат, но его отец умудрился обидеть султана Лучше-не-Груби и благополучно оставил сына и дочь без клочка земли и единой уны, да и сам вскоре лишился глаз, а позже жизни. Его безутешная вдова успешно сбагрила дочку какому-то купцу, а сына помолвила с дочерью зажиточного красильщика. Но, увы! Её мечтам не суждено было сбыться! По городу пролетела Черная Смерть, унесшая с собой сотни душ, в том числе вдовицу и дочку красильщика.

Знаменитый когда-то род Тристама угас, и само имя его было забыто... Впрочем, Безродный не очень-то печалился по этому поводу, надеясь на совершение подвигов и отхватить себе принцессу.

Несравненная и донельзя изнеженная Жемчужина Пустынь, дочь султана Лучше-не-Груби, принцесса Золотых Песков была глубоко и безнадежно влюблена в безымянного привратника, ко-его каждое утро сощерзала из окна своей опочивальни, и слыхом не слыхивала о каком-то там Безродном Тристаме. Все её печальные вздохи и взгляды предназначались тому самому бездушному привратнику, случайно укравшему исстрадавшееся сердечко нежной Жемчужины.

Но Тристам-то об этом не знал! И с восторженной радостью мчался с караваном в Приспен навстречу своей капризной Судьбе. С меньшей радостью туда ехала Мейхани, ибо была наслышана о водившихся там ифритах. И совсем безрадостно скакал в столицу юный Хори, сын хозяина каравана, ибо с каждой пройденной энтой он сознавал, что скоро расстанется с красавицей Мейхани, и от этого его сердце разрывалось на части.

И вот однажды ночью, когда до города оставалось меньше десяти энт, юноша решил на отчаянный шаг. Наутро он отправился к отцу...

– Сын мой, войди! – прогремел Хаджи Булат. – Чего ты мнешься у порога, как еврей-ростовщик? Хотя нет, они наглы до ужаса, а ты...

– О-отец... я... я... – ну никак он не мог этого сказать сейчас! «Ну же, Хори, давай! – мысленно крикнул юноша сам себе. – Иначе Мейхани будет недосыгаема, как утренняя звезда!»

– Верблюды готовы? – подсказал отец.

– Да, – Хори вздохнул, – но я не об этом... я... я...

– Завтрак готов? – любопытство уважаемого Хаджи нарастало.

– Да, – Хори кивнул, – но я не об этом... я... я...

– Тристам сдох? – с надеждой спросил Булат.

– Нет! – Хори даже отшатнулся, – но я не...

– А что тогда?! – взревел торговец, чье любопытство перетекло в раздражение.

«Нет, теперь лучше не говорить», – обреченно сообразил парень.

– Я хотел сказать, что нужно поторопиться, – ну и глупость он сморозил! Чтоб его ифриты побрали!

Хаджи Булат судорожно сжимал-разжимал кулаки.

– Хорошо, – наконец кивнул он. – Позови сюда Мейхани с завтраком...

Это был последний шанс!

– Кстати, отец, – Хори взял тон, словно болтает сущие пустяки, – я решил жениться на ней.

– На ком? – не сразу понял чернобородый торговец.

– Ну... На Мейхани, разумеется! Правда, приданого за ней нет, но это пустяки! Главное, она меня любит, она здорова и красива, а

то, что рабыня... Ты ведь её выкупишь, да? И закатим свадебку у дедушки Насреддина...

Хаджи Булат выпучил глаза и разинул рот, изображая земляную лягушку.

– Ну, я пошел! – беспечно крикнул Хори, откидывая полог шатра. Разъяренный вопль отца застал его на другом конце лагеря...

Солнце палило немилосердно. Тем не менее над караваном носилась радость, порой приобретая видимые формы, ибо торговцы достигли своей цели и уже въезжали в каменные ворота Приспена. А сразу за ними Хаджи Булат повел верблюдов в караван-сарай, а Тристам потащил свою рабыню в ближайшую чайхану...

Надежды несчастного Хори не оправдались! Мало того что отец ему взбучку задал и наказал так, что никому не расскажешь, а то от стыда сгоришь, так еще и отправил одного (!) впереди каравана, чтобы юноша не видел Мейхани. Это было смерти подобно! Но, как известно, чем жестче наказание, тем страшнее становится преступление, и подгоняемый несчастьем и одиночеством, опаляемый немилосердными лучами солнца, орошаемый не очень хорошим вином из перегревшегося бурдюка, юноша выносил очень злостный план!

А прелестная Мейхани, разумеется, не догадывалась о любви сына хозяина каравана. Он казался ей очень замкнутым и скромным, ибо всякий раз, когда она пыталась заговорить с ним или просто проходила рядом, он замолкал и кидал на неё робкие взгляды.

Но хорошенькие рабыни не могут жить без любви! А потому и Мейхани решила влюбиться. Предметом её обожания (по всем законам женской логики) стал её угрюмый хозяин. Быть рабыней для неё было не в тягость, а в удовольствие. Посудите сами, что для молоденькой женщины может быть приятнее, чем ухаживать за любимым? Поэтому она исполняла любой его каприз, при этом не забывая про себя, ибо надеялась, что когда-нибудь Тристам подпадет под её чары.

Вот и на этот раз девушка, приготовив ужин и сбрызнув себя духами, одолженными у очень приятной хозяйки чайханы, отправилась к хозяину.

Тристам сидел в плетеном кресле, перебирая восковые дощечки, на которых были нацарапаны самые свежие сплетни столицы за последние три дня. Он, даже не взглянув на рабыню, тихо произнес:

– Поставь поднос на стол и можешь быть свободна до вечера. Только не выходи из чайханы! И не флиртуй со служками! И не болтай с этой сплетницей-хозяйкой!

Мейхани хлопнула длинными ресницами и опустила на пол у ног своего господина.

– Ты чего? – он наконец-то посмотрел на неё!

– Господин сказал, что я вольна делать что угодно, – сладким голосом пропела девушка, – а я хочу быть рядом с вами!

– Нечего тебе тут делать! – Тристам нахмурился. – Пошла прочь!

– Да, господин... – прошептала Мейхани, низко наклонив голову, чтобы хозяин не заметил, как печально блестят её глаза. Тристам не выносил женских слез. Девушка спряталась в холодный погребок и дала волю слезам.

– Вот замерзну и умру! – отчаянно шептала она. – Совсем! Что ты тогда скажешь? А я... я приду к тебе ночью... бесплотным духом... и скажу! Скажу: «Я вас любила, о господин!» И теперь люблю-у-у-у!..

Но даже тут ей помешали! Внезапно в погребок за вином спустилась хозяйка и, увидев Мейхани, всплеснула руками:

– Деточка моя! Что ж ты... Что ж ты тут?.. А тебя наверху молодой господин кличет...

Этих слов доброй женщины было достаточно, чтобы рабыня стерла слёзки, улыбнулась и помчалась к хозяину. На лестнице её догнал окрик:

– Куда ты, дурёха? Он у ворот ждет!

Мейхани развернулась на сто восемьдесят градусов и побежала к воротам. Тристама там не было... Но стоял молодой человек, чье лицо показалось ей знакомым. При виде девушки он расцвел и робко посмотрел на неё. Теперь она его вспомнила!

– Здравствуй, Мейхани, – медленно произнес Хори (а это он и был). – А я всё ищу тебя...

– Многие лета, о молодой господин! – рабыня постаралась скрыть разочарование, но от пронизательного юноши ничто не укрылось! – Чем я могу быть вам полезна?

– Послушай, Мейхани, ты славная девушка... У тебя множество поклонников, – он покраснел и опустил глаза. – И есть такие законы... что, ну... В общем, ты не обязана быть рабыней у безродного! Я могу помочь тебе!

– Ах, молодой господин! – Мейхани была удивлена. – Свобода – это прекрасно, но что я с ней буду делать? Пока у меня есть хозяин, у меня есть и пища, и кров, и защита...

«И любовь!» – мысленно закончила она.

«Я могу подарить тебе любовь! Это много больше, чем всё остальное!» – мысленно крикнул юноша, а вслух произнес:

– Ты, конечно, права! Но разве тебе хочется исполнять приказы безродного? Хочется отказываться от своих желаний?

– Мои желания совпадают с желаниями господина! – отрезала девушка. – Простите, о молодой господин, но я должна...

– Вот именно! – грозно подтвердил голос Тристама за её спиной. – Должна быть ТАМ, вместо того чтобы морочить голову этому юноше ЗДЕСЬ!

Рабыня повернулась к хозяину и благодарно посмотрела на него. А бедный Хори покраснел, побледнел, попытался что-то сказать, заикнулся, неловко отвесил полупоклон и смылся, проклиная Тристама и собственную глупость.

– Мейхани, иди в дом! И не смей никуда выходить! – бросил Тристам рабыне. – У меня дела в городе, вернусь поздно. Не жди меня, ложись спать. Одна!

Он отодвинул её в сторону и отправился в конюшни, словно не замечая пристального взгляда девушки, буравившего его спину.

Безродный Тристам направил свою лошадку к ростовщику, затем к портному и, наконец, во дворец, где оставил коня под присмотром мальчика-конюха и на своих двоих поднялся в приемные покои Милосерднейшего и Справедливейшего султана Лучше-не-Груби. Великий и Ужасный восседал в центре огромной круглой залы на разноцветных подушках, набитых перьями страусов. У его ног примостились полубнаженные красавицы-рабыни, а за спиной – вооруженные до зубов янычары. Визири, мирзы, эмиры и муфтии в пестрых одеждах сидели важные, словно на курултае. В целом, эта картинка впечатляла!

– Назови своё имя, о припадающий к стопам Милосердного! – проищал чей-то гнусавый голос. Наверно, визиря Его Султаншества...

Безродный встал на одно колено и торжественно произнес:

– Я – Тристам из рода, забытого ныне! Придет время, и я открою своё полное имя, а пока...

– Стоп, стоп, стоп! – замотал головой султан. Это был маленький человечек с длинной белой бородой и круглым животиком. В общем, классический такой, заживевший ханчик. – Я чё-то не понял... В молчанку, что ли, играть будем?!

– А... Ум... Нет! – слегка сконфузился юноша. – Видите ли, Мудрейший, я охвачен желанием ввести в свою семью несравненную Жемчужину Пустынь и...

– Чё ты сказал? – уши Лучше-не-Груби оскорбленно затрепетали. – Мою дочь?

Султан недоверчиво покачал головой и хлопнул в ладоши. Как-то громко хлопнул...

– О Справедливейший! – надрывался меж тем Безродный. – Я слышал о том, что на Золотые Пески идет великая беда...

– Хм... – человечек погладил бороду и поковырялся в ухе. – А чё это я ничё не слышал? Эй, лекарь!..

– ...Готов служить Великим до последней капли крови! – Тристам закончил излияния и наконец-то вздохнул по-человечески.

Услужливый и сухой как палка старичок крутился возле султана, пытаясь что-то запихать ему в уши. Мудрейший отпихивал его ногами и пыхтел, как паровоз. Про гостя все успешно позабыли. Начальствующие аксакалы тихо шуршали на свои темы, поглядыва-

вая на томных одалисок, заигрывающих с неприступными янычарами.

Тристам недоуменно огляделся, ища хоть одного разумного человека. В дверях показался местный придворный шут, он весело подмигнул юноше и поманил за собой, дескать, шел бы ты уже отсюда... Безродный встал с колен, но по-тихому смыться не успел...

– Эй, ты! – султан все-таки избавился от лекаря. – Чё ты сказать-то хотел?

– Засвидетельствовать свое почтение, – пробурчал Тристам.

– Эй, стража! Посадите его в зиндан! – Лучше-не-Груби выбрался из подушек и игриво пощекотал рабынь. – И вообще! Когда там ужин уже?

– Справедливейший! – опешил юноша, к которому, злобно ухмыляясь, подошли янычары с ятаганами наголо. – Чем я заслужил такое немилосердное обращение?

– Не! Ну ты меня утомил! – раздраженно прикрикнул султан. – А ну вон из дворца! И не попадайся на глаза...

К чайхане «Пьяный ракшас» Безродный Тристам подъезжал со смешанным чувством досады, раздражения и воинственного возбуждения. Он ехал, низко склонив голову и о чём-то глубоко задумавшись.

Не помня себя, он очутился в комнате.

– Мейхани! Вина!

Но ни вино, ни болтливая рабыня не явились. Тристам недобро нахмурился и спустился к хозяйке. Та рассказывала очередную байку какой-то девице в ярком наряде танцовщицы.

– Уважаемая ханум! – обратился к женщине юноша, не обращая внимания на восхищенный и заинтересованный взгляд девицы. – Вы, случайно, не видели мою рабыню?

– А! Господин Тристам! – медово улыбнулась хозяйка. – А не желаете ли вина? Ему столько же, сколько и мне... – Она добродушно рассмеялась, но тут же оправилась, поймав строгий взгляд Безродного. – Так в комнате... И ни-ку-да не выходила! Ни-ку-да!..

– Уважаемая ханум, боюсь, вы ошибаетесь, ибо Мейхани там нет.

– Милостивая Данида! Может, за хлебом вышла? Вы же знаете её...

Тристам пробормотал что-то вежливое и вышел из чайханы. Ну, Мейхани, попадись только!

Юноша до позднего вечера бродил по городу, не столько в поисках рабыни, сколько ища выход из создавшегося положения. Ну не хочет этот противный султанчик обзавестись великолепным воином, который стоит всех его генералов! Придется совершать подвиги в гордом одиночестве!

За очередным поворотом Безродный нос к носу столкнулся с Хаджи Булатом в сопровождении трёх воинов султана. Купец был явно не в себе, да и выглядел не лучше. Какой-то грязный, невымытый, с нечесаной бородой, безумно блестящими глазами.

– А-а-а! – воскликнул он, увидев Тристама. – Султан обвиняет меня в Бутылке Иффрита! Но Данида меня поглотит, никто из моих её не привозил! Это ты-ы-ы!..

Уважаемый аксакал попытался схватить Безродного, промахнулся и клюнул носом пыль улицы. Кряхтя, он поднялся на колени и принял жалостливый вид ребенка, у которого в очередной раз отняли конфетку. Тристам ухитрился поднять его на ноги:

– О благородный Хаджи Булат! С радостью подставлю вам своё плечо в такой беде! Ибо ветер пахнет подвигами...

Справлявший свои нужды за забором ослик стыдливо шагнул из-за прикрытия и потрусил в сторону овощной лавки...

В пышно разукрашенной зале собрался военный совет, чего уже давненько не случалось. Мудрейший и Справедливейший султан Золотых Песков восседал в центре на разноцветных подушках, набитых перьями страусов. Рабынь-сладогострастниц не было. Их место занимала еще одна боеготовная парочка янычаров.

Лучше-не-Груби был зол. Еще бы! Оторвать в такой момент! Когда он уже... почти... И на тебе! Военный совет! Из-за глупой девчонки! Да наверняка она где-нибудь со смазливим воином из султанского спецотряда... ведет светские беседы! И из-за такой глупости сорвался рекорд по количеству съеденных орешков! А ведь счет шел на десять тысяч... Вот теперь сиди выслушивай этих идиотов!

Перед султаном ораторствовал тот самый юнец, что приходил свататься к Жемчужине. Честно говоря, папаша был бы рад избавиться от дочурки даже без выкупа (!), но приличия, строго поджав губки, немилосердно указывали на букву закона.

– Давай короче! – Лучше-не-Груби нагло перебил рассказчика, коего со вниманием, а кое-кто даже серьёзно, слушали визири и прочие царедворцы. – Ты возвращаешь принцессу, я исполняю любое твоё желание! Тебе там всякие лавры перепадут, а моё родное Зл... родная девочка, кхм, будет под боком.

– Слушаю и... – юноша склонился в изящном поклоне.

– Иди уже к чёр... к той черте, что отделяет тебя от подвига!

Ох уже эти герои! Вечно с ними приходится вежливым чистоплюем прикидываться!..

Жемчужина Пустынь проснулась около обеда. Сладко зевнув и потянувшись до хруста в суставах, девушка открыла глазки... и пронзительно завизжала!

Принцесса Золотых Песков очутилась в своей кровати под пышным балдахинном. Но не в своей опочивальне. Кодекс поведения принцесс гласил, что в подобных случаях настоящая принцесса должна вопить, пока не найдется придур... пардон! Герой, который вызволит её, ну а дальше по сценарию!

На помощь, однако, никто не торопился, и Жемчужина приумолкла, заинтересованно оглядывая круглую комнату, увешанную и устланную гобеленами и коврами. И тут и там стояли, валялись, пылились нефритовые и слоновой кости статуэтки, украшения из жемчуга и драгоценных камней, россыпи золота и прочей роскошной ерунды. В центре комнаты стоял столик из горного прозрачного хрусталя на трех ножках, на нем – в золотой вазе, инкрустированной рубинами и сапфирами, красовались невиданные цветы... Жемчужина выползла из подушек и выглянула в узкое оконце.

– Ни фиги себе! – выдохнула девушка при виде открывшейся ей панорамы. Высоченный замок из черного с серебром камня с золотой крышей окружали великолепные сады, чей восхитительный аромат доносился до принцессы. Среди цветов и деревьев вольно разгуливали лани, тигры, кони, львы, лисицы, причем никто никого не пытался слопать. В пруду, прямо под окном, плавали лебеди и фламинго, а также другие птицы, коих принцесса видела в первый раз. Но среди всей этой живности не было ни стражи, ни слуг.

Принцесса подошла к столику и вдохнула дивный аромат цветов. Почему-то от этого запаха проснулся аппетит. А покушать она любила! Девушка оглянулась в поиске чего-нибудь съедобного, но кроме пыльных безделушек в комнате ничего не нашлось.

– Мать-перемать! – не на шутку расстроившись, процедила Жемчужина. – Самое главное забыли!

Каждая настоящая принцесса ощущает прилив смелости, почувствовав голод. А так как Жемчужина была неробкого десятка, то она, не задумываясь, ухватила за золотую ручку декорированной двери...

Если у рабыни Тристама Безродного и были плохие привычки, то худшей из них была следующая: Мейхани любила поспать! Впрочем, она могла позволить себе эту небольшую прихоть...

Из нежных объятий духов сна её вырвал женский визг. Окончательно проснувшись, девушка обнаружила себя в незнакоме, но весьма приятном месте. Комната своим убранством утирала нос дворцу самого Лучше-не-Груби. Изумленная Мейхани от души ущипнула себя за руку, охнула и принялась рассматривать безделушки, щедро рассыпанные чьей-то рукой (господина, конечно! Все-таки он её любит!). И тут...

Дверь распахнулась, жалобно всхлипнув. На худенькую рабыню взирала пышная блондиночка с ногами от ушей и глазами с султанские дебены.

- Ага, – многозначительно произнесла она.
- А-а-а... Хм... О-о-о! – выдала Мейхани, осматривая гостью.
- Ну и? – блондинка сдвинула брови «домиком».
- Чего? – не поняла брюнетка.
- М-да... Есть чего пожевать?
- В смысле?..
- Ну и кто теперь блондинка? – философски вздохнув.
- А-а-а, в этом смысле!.. – опустил глазки.
- ?!. – смотря выжидающе и наверняка с намеком.
- Нет, но... Будем искать!
- Ясно! – как будто груз скинула с плеч. – Колись, подружка!

Как я здесь очутилась?

– Ум... А я-то откуда знаю? – Мейхани обиженно сложила ручки на груди. – Я сама засыпала в комнате господина, а проснулась и... Вот! – она обличающее ткнула пальцем в нефритового слоника.

– Ты что? Рабыня?! – округлила глаза Жемчужина Пустынь. – А кто твой господин? Молодой? А хорошенький?

– Эй, эй, эй! – Мейхани замахала руками. – Мой господин – не твой! Так что нечего тут...

Но блондинка уже не слушала ее. Прислонившись к косяку двери, она прикрыла глаза:

– Ну ни фига себе! Наконец-то какой-то красавчик сподобился меня похитить! А-ах...

– Тоже мне... соперница! – Мейхани фыркнула. – Да кто ты такая, чтобы из-за тебя рисковать собственным позвоночником?!

– Почему позвоночником? – не поняла принцесса. Рабыня коварно усмехнулась и стрельнула глазками на пышные бедра оппонентки. Жемчужина побурела. – Ты... да я... между прочим...

– И вообще, – продолжила наступление Мейхани, – мой господин не позволяет себе таких глупых выходов...

– Да я принцесса Золотых Песков! Всего Востока!!! – прорвало блондиночку. – Я Жемчужина Пустынь, дочь и наследница великого султана Лучшее-не-Груби!!! Я прикажу с тебя шкуру спустить!..

– Упс... – рабыня побледнела и упала на колени. – Г-госпожа?..

– Вообще офигеть! Не, ну ты такое себе представляешь?

Девушки сидели на ярком пушистом ковре среди мягких подушек. На низком эбеновом столике возле них остывали опустошенные тарелки.

Расставив все точки над *i* в комнате Мейхани, они, дуясь друг на друга, разошлись в разные стороны. Но коридор загадочной башни рассудил иначе, вновь столкнув их в роскошной зале-трапезнице. Ну а за пудом фиников девчонки сдружились!

– Нет, мой господин не такой! – рабыня задумчиво обхватила колени руками. – Он благородный очень и все старается вернуть доброе имя своему роду. А для этого ему нужно жениться на тебе! Он обязательно придет, чтобы спасти тебя...

– Тебя он тоже спасет... Не переживай.

– Нет, я не нужна ему больше, – Мейхани встряхнула головой, рассыпав черные косы по плечам. – А я так люблю его!

– Да ладно! Брось выдумывать... Ну хочешь, я попрошу папочку приказать ему жениться на тебе? Да как не фиг на фиг!

Мейхани только покачала головой. Жемчужина обняла подружку и горячо прошептала:

– Раз уж ты так любишь его, я помогу тебе! Надо только...

– Да озарит солнце ваш вечный путь! – раздалось вдруг из ниоткуда.

Девчонки встrepенулись, испуганно оглядывая залу. Прямо из ничего в центре комнаты за клубилось серое облако, постепенно принимающее человеческий облик. Серокожий исполин изобразил поклон:

– Желаю всех благ для самых прекрасных женщин Золотых Песков!

– Ну ни фига себе... – прошептала Жемчужина, прячась за хрупкую Мейхани.

– Э-э-э... Господин... – робко произнесла рабыня.

– Кто господин? Где? – завертелся на месте ифрит и, убедившись, что посторонних мужчин нет, вновь склонился перед девушками. – Я покорный слуга изумительнейших пери нашей земли! В этом благодатном месте будут счастливо и беззаботно протекать ваши дни! Время здесь течет медленнее, и ваша красота, о сладчайший шербет моих очей, еще долго не увянет. А потому возрадуйтесь, блаженные девы! Ни один мужчина не осквернит вас своим присутствием, но все прочие ваши желания будут тотчас исполнены...

– Не-е-ет! – с горестным всхлипом принцесса опустилась на ковер. – Я еще слишком молода, чтобы быть замурованной в пыльном склепе! Я любви хочу...

– Скажите, почтеннейший! – сжимая кулачки, потребовала Мейхани. – По каким таким законам нас отняли у любимого господина и заперли здесь? Я хочу, чтобы нас немедленно вернули назад!

– О благороднейшая! – ифрит был до крайности удивлен. – Но разве тебе не нужны драгоценности, наряды и золото? Здесь собрано богатство всего света. Многие девы и жены были бы счаст-

ливы оказаться здесь... Вы будете жить беззаботней самого богатого из султанов!

– Нам ничего этого не нужно! – Мейхани не на шутку рассердилась.

– Разве что пару сувениров, – поправила подругу практичная Жемчужина, – и мы отчалим...

Тут пришел черед сердиться ифриту. Он стукнул себя кулаком в мощную грудь, выдохнул колечки дыма из ноздрей и прогрохотал:

– О, глупейшие из женщин! Вы все равно останетесь здесь, пока Великий Тигрис не призовет вас! Мудрейшие из мужей становятся рабами женской красоты. И вы уже заманили в свои жадные сети благороднейшего юношу, но я спасу его от сосудов греха, коими вы являетесь! И он не станет тем, кто я сейчас...

С этими словами грозный демон рассеялся серым дымом. Красавицы остались одни.

– Хм... – задумчиво протянула Жемчужина. – Али или Афанди?

– Ты это о чем? – покосилась на нее Мейхани.

– Он сказал, благороднейший юноша, – поражаясь недогадливости подруги, пояснила принцесса. – Так кто меня похитил? Афанди или Али?..

Бутылка ифрита была одним из опаснейших артефактов Востока. Опасность заключалась в том, что результат ее использования не мог предугадать ни один, даже самый опытный, прорицатель. Вырвавшийся на долгожданную свободу ифрит порой такое мог учудить, что все правдоподобные как один падали на колени и молили Великого Тигриса и Милостивую Даниду о прощении многочисленных грехов. И уж конечно, ни один житель Золотых Песков не хотел бы стать господином этого всемогущего слуги, исполняющего повеления шиворот-навыворот.

Когда-то давно, еще до правления Лучше-не-Груби, ифрит навортил в Золотых Песках страшных дел. К счастью, его успели загнать обратно в бутылку, вместе с которой могучий демон был отправлен на дно далекого океана. Но на этом история не закончилась...

Бедняжке ифриту еще много чего выпало на долю, прежде чем взошедший на престол султан Лучше-не-Груби прослышал о такой занимательной игрушке и приказал доставить ее ко двору. И именно купцу Хаджи Булату выпала такая великая и завидная честь: привезти Бутылку Ифрита во дворец султана! Правда, до места назначения артефакт так и не дошел, бесследно исчезнув в последний момент... Чернобородый торговец, не расстававшийся с Бутылкой ни днем ни ночью, так и не понял, кто и когда успел «приделать ей ноги».

Все это Тристам Безродный услышал из уст самого многоуважаемого Хаджи. В тот же час активный юноша развил кипучую деятельность по всему караван-сараю, где до сих пор томилась в

ожидании отъезда на родину верблюды, их погонщики, купцы и наемники. Не будем раскрывать всех секретов мастерства «тайного сыска», но уже к вечеру Тристам объявил горемычному Хаджи Булату:

– Я знаю, кто похитил артефакт! Но мне не вполне ясна цель... Да и сама логика такого поведения тоже...

Обрадованный купец склонил голову, дабы узнать имя нечестивца, но услышав его, никак не хотел поверить собственным ушам...

– Не-е-ет! – взревел чернобородый торговец и грохнул кулаком по столу так, что казан с пловом взлетел чуть ли не до потолка. – Мой сын, во имя Тигриса! Он правовеерный и покладистый юноша, не какой-нибудь презренный гяур! Ему и в голову не придет перечить воле отца!

– Уважаемый! – Тристам только руками развел. – С прискорбием констатирую сей факт, печальный для вас, но другого объяснения у меня нет. Пожалуй, нам нужно допросить вашего отпрыска...

Именно в эти минуты мудрое Провидение послало юного Хори в чайхану «Пьяный ракшас», ибо иного пути, кроме как явиться с повинной, у начинающего нарушителя шариата не оставалось. Итак, не успел Безродный озвучить свои мысли, как дверь в комнату распахнулась, явив изумленным очам... вышеозначенного преступника собственной персоной.

Хори даже не заметил своего отца и с порога обратился к Тристаму:

– Господин... я... я слышал, вы расследуете дело о похищении принцессы.

Безродный кивнул, с неподдельным интересом слушая юношу.

– Это все моя вина! – сокрушенно прошептал кающийся. – Но я не хотел причинить кому-либо зло... Я только... А он теперь не слушает меня и поступает по-своему!

Молчавший доселе Хаджи Булат встал из-за стола и, подойдя к Хори, хлопнул его по плечу:

– Сын, ты должен многое мне объяснить! А я должен принять решение, что станет с тобой дальше...

Когда все наконец уселись и разогрелись ароматным вином со специями, повелся настоящий мужской разговор, суровый, как жизнь в Золотых Песках...

История неудачливого юноши оказалась проста, но со своей «изюминкой». Когда отец запретил Хори даже думать о женитьбе на Мейхани, юноша решил ее выкрасть по всем правилам адата. Но попытка провалилась, не столько из-за несвоевременного появления Тристама, сколько из-за личного нежелания потенциальной невесты похищаться. Несчастный Хори совсем уж было пал духом, но тут (право, не знаем, было ли это благоволение Великого Тигри-

са или же происки лукавого шайтана!) совершенно случайно ему под руку попала Бутылка, в коей вместо выпивки томился от безделья настоящий ифрит! За освобождение грозный демон потребовал огласить самое сокровенное желание своего господина, а услышав повесть, печальнее которой нет на свете, ухмыльнулся и рассеялся серым дымом...

На следующий день ифрит явился снова, заявив, что похищение прошло успешно и что господину больше не о чем волноваться, ибо эта девушка больше никогда его не побеспокоит. И сколько Хори ни объяснял своенравному демону, что ему-то, господину, нужно, чтобы все было наоборот, тот только презрительно фыркал и говорил, что спас господину жизнь.

С тех пор юноша каждый день бьется (на словах, конечно!) с ифритом за аудиенцию с возлюбленной, но пока все без толку. Единственное, что удалось разузнать, так это где содержатся пленницы, а именно в заброшенном замке посреди пустыни.

В итоге, сняв с повестки дня вопрос «Кто виноват?», мужчины учредили следующий: «Что делать?» Вариантов было много. Обсуждение проходило шумно, порой с привлечением собственных кулаков в качестве главных аргументов. Но, к счастью, герои пришли к единому мнению, прежде чем кто-нибудь серьезно пострадал...

Через несколько дней разношерстная троица стояла у стен замка, в котором скучали две прелестницы Золотых Песков. Издевательски поблескивали на жарком солнце золотые крыши башен, сонные животные отдыхали в благодатной тени фруктовых деревьев... И ни намек на охраняемость территории!

– Как будем брать? – воинственно спросил бойкий купец. В плане предстоящей операции уважаемый Хаджи Булат выполнял мизерную роль зрителя и «мальчика на подхвате», но, словно ребенок, он радовался самому участию в этом мероприятии и даже помолодел на двадцать лет. Впрочем, хитрый торговец был себе на уме, никто и не подозревал, что там, собственно, у него...

– А не надо его брать, – пожал плечами Хори. – Ифрит и не догадывается, что я могу привести сюда гостей.

– Все это слишком просто... – недоверчиво сощурился Тристам. – В чем подвох?

– Это будет сюрпризом, – юный Хори первым шагнул в приветственно распахнутые ворота. – Не бойтесь, это не опасно для жизни.

– А как же ифрит? – Безродный медлил, ему было не по себе.

– Он не явится, пока его не позовут, – ответил Хори, обернувшись к своим спутникам. – Идемте! Время не ждет...

Троица прошла тенистым садом к замку и поднялась по винтовой лестницей в пышно разубранную парадную залу. Торговец озирался кругом, глаза его отливали неестественной желтизной де-

бенов. Тристам держался настороже, ожидая опасностей, достойных искусного воина. Хори выглядел печальным и подавленным, он тихо опустился на мягкий ковер и неожиданно-громко в царящей тишине хлопнул в ладоши.

И тут же ему отозвался стук каблукочков, приближающийся по каменному коридору. Тристам обернулся к двери, желая наконец лицезреть ту, о которой так долго мечтал. Каблукочки прозвучали рядом с ним и остановились...

– Что за колдовство? – изумленно спросил Безродный и протер глаза, которые не видели обладательницу гроыхавших каблукочков.

– Сюрприз! – нарочито счастливым тоном произнес Хори. – Обитательницы замка невидимы для гостей!

– Мой господин! – воскликнул радостный голос невидимой Мейхани. – Это чары ифрита...

– Это мужской шовинизм! – поправил ее голосок принцессы Золотых Песков. – Не! Ну нормальный джинн такое себе позволяет? Ну никогда, блин!

Невидимое тело плюхнулось на мягкую подушку, подмяв ее под себя.

– Ну вы нас спасти пришли или зачем? Мы с Мейхани уже изрядно устали от этого всего! Мей, подтверди!

– Господин, – озабоченно прошелестел голосок рабыни, – я не вижу выхода... Только ифрит может снять с нас заклинание, а он этого не хочет. Он почему-то зол на всех женщин мира! Мне кажется, он что-то скрывает... Если мы узнаем его тайну, мы сможем помочь ему и, быть может, он освободит нас... и освободится сам...

– Разговорить его слишком сложно, – покачал головой Хори, – я столько раз пытался... Он легко уходит от разговора, рассеиваясь серым дымом...

– Заткнуть все щели на фиг, и куда ваш ифрит не денется! – предложила Жемчужина. – Только заведите для начала тему поинтереснее, а мы с Мей пошустрим и законопатим все окна и двери.

– Я сам поговорю с ним! – заявил смелый Тристам. – Главное, понять логику преступления... Хори, будь любезен, позови ифрита!

Юный Хори, вздохнув, уселся в позу лотоса и закрыл глаза.

– Мой господин! – испуганно вскрикнула Мейхани. – Не надо...

– Да озарит солнце ваш вечный путь! – раздалось вдруг из ниоткуда, и прямо из ничего в центре комнаты за клубилось серое облако, постепенно принимающее человеческий облик.

– Ты звал меня, о господин? – серокожий исполин изобразил поклон, а уж потом заметил остальных персонажей...

– Кто сей юноша с мудрым взглядом аксакала?! – проревел ифрит. – О горе мне, несчастнейшему из живущих в этом брэнном

мире, если мой хозяин и друг, свет очей моих, затевает хитроумные ловушки против своего же покорного слуги и бескорыстного спасителя грешной души! Ужели вы явились вскрыть печати, наложенные мною, и выпустить гибельную красоту этих демонов в без того умирающий мир?!

— Не дуйся, пупсик! — насмешливо заметила принцесса. — Красота спасет мир, слышал?

— Нет! — с пылом воскликнул демон. — Красота суть печать шайтана, ибо ничего, кроме вреда и грехопадения, она не приносит...

— Вы хотите поговорить об этом? — вставил Тристам известную фразочку, не подозревая, какой эффект она вызовет!

— О! Я могу поведать историю, от которой кровь стынет в жилах, и даже камень в пустыне истекает слезами. Воистину, каждый услышавший поймет тогда, почему столь несравненные перы должны томиться в заключении до самой смерти! Давным-давно, в те незапамятные времена, когда в мире не было зла и процветала Золотая Культура, жила-была девушка, подобная небесным гуриям. В окружении своих подруг она шла по городу и была среди них луной меж звездами, она гуляла по саду и цвела прекраснейшей розой среди прочих прелестных цветов. О, ее красота!.. Она была настолько совершенна, что язык не в силах описать все ее достоинства, ибо они бесчисленны и нет таких слов...

— Ближе к делу! — попросил Тристам и, охнув, сложился пополам от резкой боли в боках, это девчонки саданули его локтями с двух сторон...

— С этой девушкой по соседству жил скромный каменщик, он не мог похвастать ни красотой, ни богатством, но Мириам, шербет моей души, — ифрит издал печальный вздох, — любила его за острый ум и находчивость. И они поклялись великой клятвой в вечной любви и нерушимом союзе до конца дней их! И надо же было такому случиться, что шайтан, противно воле Великого Тигриси, избрал ее своей невестой и Черной Госпожой!.. Подобно тому, как зрелый ароматный персик изгрызается изнутри червем, так и злые духи извратили нежную и ранимую душу моей Мириам. Ей поклонялся весь свет — и она возгордилась; все воспевали ее добродетель — и она стала недостатком; все любили ее — она же всех презирала... И чем пышнее расцветала ее красота и слава, тем чернее становилась ее душа! И однажды она пропала. Она ушла, чтобы обучиться темной волшебнице и покорить мир воле нечистого шайтана... Но я не мог просто так смотреть на все это! Я отправился вслед за ней, надеясь, что священный свет нашей любви очистит ее оскверненную душу! Много горестей и лишений выпало на мою долю, прежде чем я отыскал госпожу моего сердца. Но я опоздал! О недостойный сын шакала! Я опоздал, и моя нежная гурия Мириам превратилась в злобную фурию!.. И когда я предстал пред ее очами, она осквернила словами меня и нашу чистую любовь и изгнала меня от себя навеки... Что мне, несчастнейшему, оставалось?! Я молил Милостивую Дани-

ду о помощи, и она ответила мне, послав Бутылку Ифрита, в коей обретался могущественнейший демон, поставленный на службу света. Я загадал ему сокровеннейшее желание вернуть моей Мириам ее чистую душу... Но...

Далее бедный ифрит, начавший всхлипывать еще в начале сей грустной повести, продолжить не смог и разрыдался, осев на ковер. Девушки бросились его утешать, Тристам откупорил бутылочку ароматного вина, а Хори что-то быстро чертил на кусочке пергамента.

– Уважаемый... – говорила Мейхани, по-матерински глядя ифрита по серому плечу. – Простите, не знаю вашего имени...

– Ахмед!.. – грозный демон разрыдался еще громче, утирая слезы платком Жемчужины.

– Уважаемый Ахмед! Успокойтесь, ибо все это в прошлом. Отпустите этих призраков, они только травят Вас...

– А... А как?

– Что тамстряслось с вашей Мириам? – участливо спросила принцесса. – И как Вы докатились до такого состояния?

Ифрит издал душераздирающий стон и продолжил свой печальный рассказ:

– Демон силою Великого Тигра вырвал мою голубку из лап ненасытного шайтана! Но как засохший цветок не вернуть к жизни, так нельзя было вернуть прежнюю кроткую Мириам. Моя возлюбленная возненавидела меня так же сильно, как когда-то любила. Обманом она заманила меня в хитро расставленную ловушку... и я стал таким... каким вы меня видите... И до конца... до конца своих бесчисленных дней я буду хранить память о нашей любви! О, это предательство нельзя позабыть! Все прекраснейшие пери рано или поздно становятся одалисками лукавого шайтана, а потому я сражаюсь с красотой за власть и свободу нашего мира!

Во всем замке воцарилась тишина, прерываемая только частыми всхлипами несчастного Ахмеда.

– Теперь вы понимаете, – произнес он, – почему столь прекрасные девы должны оставаться здесь ради своего же блага...

– Но это не решение всех проблем! – вдруг пламенно воскликнул Хори. – Шайтан любого может направить на кривой путь...

– Но соблазнить женщину легче всего, – возразил ифрит, – ибо женщина от рождения сосуд греха!

– Тогда красота тут ни при чем, – заметила принцесса, – внешняя красота не всегда признак внутренней добродетели, и наоборот.

– К тому же очень важно, в каком окружении воспитывается человек, – добавила Мейхани. – Похвалу нужно заслужить делом, а лживой лестью лишь убивают добродетель...

– А как же наша любовь? – спросил Ахмед. – Если любовь – великая сила, почему она не помогла нам?

– Любовь, – тихо произнес юный Хори, – это узы, связывающие двоих. Насколько они крепки, настолько и хрупки. И если в сердечные дела вводится третий человек, то узы рвутся... Любовь – это дело двоих, и только им нужно решать свои беды, не вмешивая ни Бога, ни черта... Я тоже полюбил девушку, равной которой нет на всем свете. Но в своем эгоизме я не видел, что ей не по пути со мной, и силой увлек ее за собой. Но это принесло лишь горести. Теперь я осознаю свою ошибку, и пускай она сама решит, куда ей идти. Вот, послушайте...

Хори взял лютню и, пробежав пальцами по струнам, красивым печальным голосом пропел следующие стихи:

*Я воспеваю красоту прекраснейшей из дев,
Подобной розе, что цветет в чужих садах!
А солнце, поутру пышный наряд надев,
Изобличает слезы, что блестят в ее очах...
Но брат мой, Ветер, эту тайну мне открыл,
И потерял я свой покой и радостный порыв,
И помыслы мои всей мощью черных крыл
Летят, о луноликая, на твой немой призыв...*

И не успел он допеть до конца, как ифрит трижды громко хлопнул в ладоши. И юноши увидели рядом с ним двух прелестниц божественной красоты в пышных одеждах. Хори глаз не мог отвести от эффектной блондинки, а Тристам смотрел на Мейхани и не узнавал в черноволосяй красавице свою рабыню.

– Так, так, так! – раздался вдруг противный голосок. – Ну че, попались, голубки?

В дверях залы сидел на роскошных носилках султан Лучше-не-Груби собственной персоной. Его окружала толпа невольников и янычаров с ятаганами наголо. Из-за спины султана радостно ухмылялся Хаджи Булат...

– ...Отец, – изумленно спросил Хори, – что все это означает?!

– Что замок мой, – жадно выкрикнул султан вместо Хаджи, нелепо размахивая в воздухе толстыми ручками, – и ифрит мой! И девчонки! И... и... и все тут мое, мое, только мое!..

– Папа! – раздраженно крикнула принцесса. – Ну вот всегда ты не вовремя! Поэтому я еще не замужем...

– Эй, стража! – не обращая на дочь никакого внимания, завертелся Лучше-не-Груби. – А ну-ка схватить этих двух! Да свяжите покрепче! Я еще подумаю, как поинтересней их казнить... Я ведь знал, что тут дело нечисто... Я умный! Хи-хи-хи!.. А тебя, – он ткнул пальцем в уже связанного Тристама, – узнал мой главный визирь. Ты сын того пройдохи с Запада, которого я ослепил! Это была славная шутка! Хи-хи-хи!..

Услышав это чересчур смелое заявление, Тристам замер на мгновение, с яростью глядя на толстяка-султана, а потом, растолкав янычаров, прыгнул на него. Но в полете его перехватили

палки невольников... Хори со связанными руками бросился на помощь другу. Жемчужина, видя, как на Хори опускаются палки, тоже бросилась в драку. Все это превратилось в безобразную свалку, в которой смешалось все: люди, нефритовые кони, невольники...

– Сделай же что-нибудь, о господин! – Мейхани пыталась привести в нормальное состояние ошалелого ифрита. Ахмед не реагировал, уставясь пустым взглядом в одну точку.

«Это конец!» – подумалось девушке, с отчаянием наблюдавшей за творившимся беспорядком. Но Зло само себя наказало...

– А ну, заткнулись все на фиг! – заверещал Лучше-не-Груби, потешно подпрыгивая на чудом оставшихся в живых подушках и размахивая Бутылкой Ифрита (и где он ее только нашел?!). – Я хочу... Я хочу еще больше богатства! И золота! И... и славы! Я хочу больше власти! Я хочу быть самым могущественным в мире!

– Как ифрит! – подсказала за его спиной смышленная Мейхани.

– Да! – обрадованный такой занятой перспективой, выкрикнул жадный и глупый султан. – Не, ну на фиг! Не, я сам хочу быть ифритом!!!

– Слушаю и повинуюсь! – злорадно усмехнувшись, подскочил Ахмед. – Я свободен!..

От толстого коротышки с артефактом в руках польхнул яркий свет, ударная волна раскидала воюющих по углам, и наступила тьма...

Солнце палило немилосердно. Легкий ветерок гонял песчинки, норовя попасть ими в глаза людей и животных. Караван торговцев Брюсселы уходил из Приспена. Почтенный Хаджи Булат поднял свой упавший было авторитет всего одной фразой: «Иначе бы не свершилось того, что свершилось!» И теперь чернобородый торговец во главе каравана увозил Бутылку Ифрита (а в ней Лучше-не-Груби!) на Запад, к Великим Водам.

Еще раньше из столицы Золотых Песков уехали Хори с Жемчужиной, отныне по собственному желанию не принцессой, а законной супругой молодого путешественника. К слову сказать, девушка стала исправляться и не произносить шайтаноподобных слов типа «Прикинь, ну, на фиг!».

Престол Востока остался на попечении мудрого Тристама и скромной Мейхани. Таких заботливых правителей народ Золотых Песков еще не знал. И жили все они долго и счастливо, ибо каждый достиг своих целей и получил по заслугам!

А Ахмед, освободившись от рабства Бутылки, попал в рай и, конечно, встретил там свою нежную и прекрасную гурию Мириам...

Александра КАТЫКОВА

ДОЖДЬ НАД НАШЕЙ ОСТАНОВКОЙ

Я постоял на пороге, натянул потрёпанную серую кепку, по привычке прихватил с собой старую мыльницу «Никон» и вышел из квартиры. С гораздо большим удовольствием я остался бы дома – посмотрел какое-нибудь кино по телевизору. Сегодня обещали показать одну интересную комедию, не помню про что. В газете писали, да я уже забыл. Ладно, может, еще и успею. Вот найду Макса – и сразу домой. Десять минут у меня есть. Другое дело, что мне вряд ли хватит этих десяти минут – если Макс не слышит меня с балкона, значит он где-то далеко. Ну ничего, найду. Не впервой.

Я запер дверь на ключ и вызвал кабинку лифта. Она тут же распахнулась – видимо, кто-то из соседей на лестничной площадке только что пришёл домой. Я шагнул в лифт и тут же отпрыгнул на шаг в сторону. Какая-то скотина снова плюнула прямо посередине кабинки. Я выругался и нажал кнопку первого этажа.

Внизу, только я собрался выйти из лифта, на меня налетел парень лет семнадцати-восемнадцати. Я посторонился и угодил тупфлёй в плевок.

– Извиняюсь, – хмуро сказал парень.

– Да ничего, – прошипел я и протиснулся между ним и стенкой.

На улице было довольно прохладно. Да ещё – вот облом! – собирался нешуточный дождик. Небо затянулось чёрными и серыми тучами, готовыми в любой момент обрушиться на меня и еще нескольких идиотов, которым не сидится дома, холодный поток. Я знал, что сам виноват – надо было посмотреть в окно, прежде чем выходить. И хорошо бы было взять зонтик. Ну ладно, на худой конец, у меня есть кепка. Самого меня от дождя она, конечно, не спасет, но хоть волосы останутся сухими.

Я поправил козырёк, застегнул жилет и, взглянув еще раз с тоской на потемневшее небо, пошел в арку, за дом. Очень может быть, что дождь меня и не застанет. Сейчас быстренько найду Макса, и мы вместе пойдём домой.

– Макс! Иди ко мне, Макс! – позвал я.

Макса я подобрал на улице примерно два года назад. Точнее, он сам увязался за мной. Я шёл из школы домой, когда за мной увязался тощий пес с торчащими рёбрами. Он был такой грязный, голодный и измученный, что я пожалел его тогда и взял к себе. Мама тогда сказала: «Неси обратно», а я не стал. Не смог. Мы с ним стали вроде как друзья. А я не мог отнести друга на свалку.

Через неделю мама свыклась с тем, что каждый день начинается с цоканья коготков по паркету, весёлого лая и моих бурчаний под нос – я не привык вставать в семь утра и тащиться на прогулку. А потом оказалось – это и не нужно. Макс отлично справлялся и без меня. Достаточно было отпустить его гулять часиков этак в семь-восемь, и можно было заваливаться спать дальше.

Так я, если честно, и делал. Я не боялся за Макса. Дорогу домой он хорошо знает, от хулиганов в любой момент даст деру, а кусаться ни за что не полезет – он совершенно добродушный, несмотря на свой устрашающий вид. Единственное неудобство было в том, что Макс оказался вольной птицей и часто возвращался домой поздно вечером, а порой я даже отчаивался его дожидаться и уходил на поиски. Вот как сейчас.

– Макс! Где тебя черти носят, Макс! Ко мне!

Без толку. Макс бегаёт где-то безнадежно далеко. Я быстрым шагом обошёл вокруг дома, покричал, взывая к совести любимого домашнего животного, но ответа не услышал. Тогда я пошёл к гаражам – там часто сидят собаки, иногда я видел там и Макса вместе с ними.

Я осмотрелся. Собак не было. Был только какой-то пьяный бомж: он сладко спал, свернувшись калачиком. Я покачал головой, раскрыл объектив, отошел на шаг назад и щёлкнул ничего не подозревающего дядьку во всей красе. Правда, фотография может и не получиться – всё-таки уже очень темно для съёмки, а ночного режима в моей мыльнице, разумеется, нет. На вспышку уповать нечего – она у меня слабенькая. Так. Осталось еще два кадра.

Человек заворочался, прокряхтел что-то непонятное, шмыгнул носом и повернулся на другой бок. Жалкое зрелище. Я отошел. Ну и где мне искать Макса? Вот шалопутное животное! С какой стати я должен его разыскивать? Вот сейчас возьму и пойду домой! Покурю, посмотрю кино и лягу спать. А Макс прибежит утром. Вот захочет есть и прибежит как миленький!

Нет, не могу. Почему-то я за него волнуюсь. И чем дальше, тем больше. Не смогу я сейчас пойти домой. Ну ладно, собака, вот возьму и не буду с тобой разговаривать, когда найду. Мой гнев будет страшен!

Я вышел на дорогу и двинулся прямо. Если Макс где-то поблизости, он меня учует.

Стало еще прохладней. Я приподнял воротник, загордившись от поднявшегося ветра, и посмотрел на тяжёлые облака. Было довольно темно, но тучи я мог разобрать очень хорошо. Они – такие независимые, твердые и непоколебимые – как будто смеялись надо мной – маленьким и беззащитным перед природой. В сравнении с надвигающейся грозой я был просто ничтожеством. И мне, похоже, предстояло в этом убедиться. Во всяком случае, тучи мне ясно об этом говорили. Я и не пытался спорить.

Они тут же решили подтвердить, что они именно тучи, а не что-либо другое. Первая капля упала мне на плечо, вторая – на старенький «Никон». Я смотрел на расплзающийся мокрый след, грустно предвкушая назревающую катастрофу. Все надежды на то, чтобы вернуться домой сухим, я похоронил.

Капли расплывались на сухом и грязном асфальте, барабанили крупной дробью по карнизам и стеклянным окнам, падали мне на козырёк кепки и рукава. Все сильнее и сильнее. Я спрятал камеру в карман и быстро зашагал вперед, думая, во что сейчас превратятся мои брюки сзади.

– Макс! Макс! Ну иди ко мне!

Тщетно. Чёрт возьми, а дождь-то обещает быть жутким! Буквально за секунду он превратился в мощный грозовой ливень. Капли стали сначала струями, а потом – уж куда лучше – настоящим потоком. Холодным потоком, заползающим прямо за шиворот и заставляющим содрогнуться. Ну, Макс, поймаю – уши надеру!

Где-то пророкотал гром, а потом ударила молния. Вот это была молния! Всем молниям молния. Она растянулась, наверное, на все небо. И все кругом осветлело, будто днём. Я вздрогнул. Не то чтобы я боялся молнии... Но было неуютно. Так, если я не найду сейчас Макса, точно развернусь и пойду домой. Виданное ли дело – шляться по городу в такую зверскую погоду!

Но не могу же я его оставить под таким дождём?

– Макс! – крикнул я в отчаянии. Я уже и не надеялся его дожидаться. Крикнул просто так, наудачу. Но тут же что-то огромное понеслось мне навстречу. Огромное, лохматое и счастливое!

– Макс... Ну что же ты домой не идёшь, а, морда? – я потрепал его по мокрым насквозь голове и ушам. Хоть выжимай. Да и я, наверное, такой же. Пока мы дойдём до дома, я точно заработаю пневмонию, дифтерию и еще какую-нибудь малопривлекательную болезнь. Хорошо бы укрыться где-нибудь на время дождя. Очень маловероятно, что он будет затяжным. Очень уж сильный. Такие грозы обычно заканчиваются быстро.

Мне повезло – я, осмотревшись вокруг, заметил автобусную остановку. О железную крышу разбивались огромные, с кулак, наверное, капли. Но под крышей-то, скорей всего, сухо. Если только она не щербатая. Я побежал под навес, взяв Макса за ошейник. Он неловко засеменил за мной.

На скамейке под навесом сидел мальчик. Разглядеть его как следует я не мог. На вид ему было лет семь-восемь, но могло бы быть и больше, я не понял точно. Я приземлился рядом.

– Вот это дождь, верно? – пробормотал я. Надо же было что-то сказать. Мальчик кивнул и отодвинулся.

– Сиди, ты мне не мешаешь, – сказал я ему. Мальчик застенчиво ответил, махнув головой на Макса, старающегося лизнуть парнишку в ногу:

- Да я вот от него...
- Он добрый, не укусит. Не бойся...
- А я и не боюсь, – на полном серьезе заявил мне этот храбрый пацанёнок. – Просто у меня сандалеты грязные, я его запачкаю.
- Да и он, в общем-то, не стерильный...
- Какой? – не понял мальчик.
- Не стерильный... Короче, тоже грязный.
- А! – кивнул мальчишка. – Понял. Как бинт, да?
- Да, – сказал я.

Мы замолчали. Я посмотрел на часы. Ничего не видно. Я нажал кнопку подсветки. Ого! Уже без десяти одиннадцать. Кино я посмотреть точно не успею. Можно даже не торопиться... А интересно, что этот шкет делает на улице так поздно?

Я украдкой стал рассматривать его. Украдкой – чтобы вдруг не смутить. Мне показалось, что это очень легко сделать – слишком уж он застенчивый. Он был маленький, худой и сгорбленный. Лица его я не видел, но разглядел, что у него тёмные, как у меня, волосы, короткими мокрыми прядями торчащими в разные стороны, и смешные оттопыренные уши – про такие говорят: перпендикулярно голове. За плечами у него висел здоровенный, больше него самого, рюкзак. Одет он был совершенно не по погоде – в лёгкую полосатую футболочку с короткими рукавами и такие же куцые штаны. Цвета ни того ни другого я разобрать как следует не мог. На ногах на тонких ремешках висели бурые от луж и грязи сандалии.

Когда снова сверкнула молния и пророкотал гром, мальчишка не дрогнул. Я думал, он испугается. Когда я был такой, как он, я жутко боялся грозы. Но ему, похоже, в отличие от меня, было всё равно – есть молния или ее нет, идет ливень или же его нет.

А я смог чуть-чуть разглядеть его лицо. Оно было по-мальчишески круглое и ребяческое. Но в то же время я ясно увидел в этих по-детски наивных чертах обиду и решимость, которые мальчишка не в силах был скрыть. Вот только что для себя решил этот мальчуган, для меня оставалось загадкой. Было ясно одно – что он попал в нешуточную беду. Но не могу же я просто взять и спросить его об этом.

Я всматривался и, пытаюсь понять его настроение, перестал отводить глаза. Когда молния ударила еще раз, наши взгляды встретились: парнишка тоже изучал меня, но с яркой вспышкой тут же стеснительно отвернулся. Я засмеялся, он, кажется, тоже улыбнулся. Хотя нет, мне это только показалось. Мальчик снял с себя две широкие лямки и поставил сумку рядом.

– Как тебя зовут? – спросил я. Эта нерешительная тишина мне не нравилась. Мальчик задумался и сказал:

– Сергей...

Как зовут меня, мальчик не спросил. Может, стеснялся, а может, не хотел. Вполне возможно, что он вообще не хотел ни с кем разговаривать. Но мне было дико скучно и хотелось с ним поговорить.

– А меня Руслан. Или, если хочешь, Русик.

На самом деле в школе меня все называли Русским. Даже надоело – каждый день только и слышу: «Русский, Русский!» Как будто я какой иностранец, честное слово. Меня однажды так даже математичка назвала. Вызвала к доске, а я ничего не решил, а она да как ляпнет: «Русский – два!» Вот это был прикол. Но не хватало еще, чтобы и этот пацан называл меня так.

А он никак не отозвался. Ничего не сказал, даже не кивнул. Ему было все равно: Руслан я или Вася, а может, Толик. Похоже, у него было плохое настроение.

– Ты чего такой... похоронный? А, Сергей?

Мальчик посмотрел на меня. Мне показалось – с жалостью. Как в кино – «дядя, ты дурак?» Точно так, не иначе. Но все-таки ответил:

– Вообще не похоронный.

Этот лаконичный ответ вполне можно было расценить как просьбу отправиться далеко-далеко. Так мрачно он прозвучал. Но я не уловил этих ноток.

– А сколько тебе лет? – снова спросил я. Мальчишка оказался неразговорчивым. Он покачал свешенными ногами и сказал:

– Восемь.

Но, похоже, он решил, что этого недостаточно, и поспешно добавил:

– С половиной.

– Совсем взрослый гражданин, – не сдержал я улыбки. Но Сергей оказался куда серьезнее, чем я думал.

– И ничего смешного. Уже в третьем классе, – хмуро сказал он.

– Я нимало не смеюсь, – заверил я его. Я в самом деле не хотел смеяться. В конце концов, мне когда-то тоже было восемь... с половиной.

Я ждал, что Сергей спросит, сколько мне лет. Но его, похоже, это ничуть не интересовало. Равно как и мое имя.

– А мне пятнадцать, – сказал я. – С половиной.

И засмеялся. Мальчик косо посмотрел на меня. Похоже, он обиделся. По его недвусмысленному взгляду я догадался, что я для него совсем старик. Еще бы – я старше почти в два раза.

Похоже, я ему надоел своими расспросами. Я сам себе удивлялся – я никогда не начинал беседу первым. И тем более никогда не был назойливым и никому не надоедал. И все же я решил спросить его снова:

– Тебе не холодно?

Сергей поднял глаза и внимательно посмотрел на меня. А я – на него.

– Нет.

На нет и суда нет. Ну почему он такой невесёлый? Я не решился спросить, а сам мальчишка, конечно, тоже не скажет. Макс все-таки лизнул сандалету Сергея и довольно распластался у его ног, повисших в воздухе.

Мы долго молчали. Мне нечего было сказать, а мальчик, похоже, не получал от нашей беседы никакого удовольствия. Поэтому я предпочел заткнуться. У меня всё равно было занятие – я наблюдал за проносящимися мимо автомобилями. Они проезжали, разбрызгивая вокруг себя целый фейерверк. Чем быстрее они ехали, тем этот фейерверк брызг был круче. Иногда они долетали почти что до меня. Макс брезгливо поджимал лапы.

Я задремал. Мне не хотелось спать, но скучно было до ужаса. Скорее бы дождь кончился уже...

– А как его зовут? – услышал я сквозь дрему. Я удивленно посмотрел на Сергея. Первый раз он обратился ко мне сам.

– Собаку? Макс...

Мальчик почесал локоть и нерешительно спросил:

– А можно его погладить?

– Сколько угодно. Если только этот господин позволит. Он не очень любит чужих, хоть и добрый.

– Позволит... Меня собаки все любят.

И, нагнувшись, мальчик неловко потрепал мокрого Макса по рыжей голове. Ему и в самом деле понравилось. А я здорово удивился – никому, кроме нескольких моих хороших знакомых, не давал он себя погладить. Уходил. Я думал, так будет и в этот раз.

Я обрадовался – значит, рухнула эта невидимая прозрачная стенка между этим безрадостным мальчишкой и мной. Раз он сам заговорил со мной, первый, это что-нибудь да значит.

– Тебя дома не потеряют? – с максимальным равнодушием (притворным, конечно, на самом деле я здорово волновался за этого паренька) поинтересовался я. Мальчик не ответил. Мне показалось, он снова нахмурился. Ну вот, Русский, всё как всегда. Ты опять всё испортил. Стенка, только что лопнувшая, волшебным образом склеилась, не оставив ни одной трещинки.

– А какое вам дело, потеряют меня или нет... – буркнул он. Очень тихо. Наверное, надеялся, что я не услышу, но я услышал.

– Как – какое? Ты сидишь... так поздно... здесь один. Твои родители, наверное, волнуются...

– Мама на работе на дежурстве.

– А папа?

Мальчик молчал. Я обругал себя за глупость. Ну зачем я спросил? А вдруг у него нет отца? Я смутился и пробормотал:

– Ты извини... если что. Что я такой любопытный... Хочешь, я уйду?

Сергей с интересом посмотрел на меня.

– Куда же вы пойдёте? Такой дождь.

– Я с удовольствием посижу здесь, если я тебя не стесняю... Только мне кажется, я тебя уже задолбал... Ты, наверное, думаешь про меня: «Вот липучка», да?

Мальчик покачал головой.

– Нет, – коротко сказал он. – Сидите.

Я помолчал немного и спросил его:

– А почему ты говоришь мне «вы»? Я ненамного старше тебя. Я же не говорю тебе «вы», верно?

Сергей смахнул со лба мокрую челку.

– Мама говорит, что старшим надо говорить «вы». Разве не так?

Он посмотрел на меня. Открыто, но в то же время как-то с вызовом. Даже свысока. Ну и наглый воробей, а?

– Так, – кивнул я. – Все правильно. Только я старше тебя всего на семь лет. Я, если хочешь знать, тоже еще совсем пацан.

– Все равно, – непреклонно сказал он.

– Нет, не все равно.

Мы снова замолчали. Да что там говорить, не клеился разговор. Никак.

– А вы не знаете, сколько мы тут уже сидим?

Я дернул плечом.

– Знаю.

Мальчик недовольно посмотрел на меня. Я предполагал, что ответ на его вопрос должен был быть куда более развёрнутым. Но, в конце концов, мне вовсе не «всё равно», как говорит Сергей. У меня тоже есть свои принципы...

Мальчик напряжённо молчал. Но, похоже, ему очень надо было знать, сколько сейчас времени. Иначе он не спросил бы меня снова:

– Скажи, пожалуйста, который час.

Я посмотрел на часы.

– Без двух минут одиннадцать.

– Уже? – вырвалось у него. Я кивнул.

– А что? Что случилось?

– Ничего...

Мальчик беспокойно заерзал на скамейке под навесом и высунул голову, осматриваясь. Он явно боялся, что сюда кто-то придёт.

– Может, всё-таки расскажешь?! Что, чёрт возьми, случилось? Сергей! Это просто ненормально! Тебе не место здесь в такое время! От кого ты прячешься, в конце концов?

Мальчик снова засунул голову под навес и соскочил со скамейки. Я поймал его за локоть.

– Стой.

– Отпусти! Пусти меня! Дурак!

– Да стой ты. Ну ладно, все, я буду молчать. Ни слова не скажу больше. Клянусь. Да куда ты собрался под таким дождём! Сергей!

Мальчик попытался вырваться, но я крепко вцепился ему чуть повыше локтя.

– Пусти... Больно.

– Не убегай, – попросил я. И отпустил его. Он тут же ломанулся вперед. Прямо под дождём, рассекая лужи. Я проводил его взглядом.

Ну и фиг с ним. Я в няньки не записывался. А этому малолетнему психу определенно нужна помощь специалиста. Ненормальный. Вернётся и без меня домой!

И тут я заметил его сумку. Она была здоровенная, такие часто берут с собой в походы. Но не в поход же он собрался на ночь глядя.

Я догадался. Ну что может такой маленький пацанёнок делать на улице в такое время и в такую погоду один? Да еще с походным рюкзаком? Все ясно. Этот пострел слинял из дома. Вместе с сумкой, которую он сейчас благополучно забыл рядом со мной – так торопился убежать подальше.

– Сергей! – закричал я. – Сумку забыл! Сергей!

Я побежал за ним. Макс лениво потрусил за мной. Я хорошо его понимал – никакого удовольствия в пробежке под дождём нету. А что делать?

– Сергей! Да остановись! Сумку забыл!

Маленькая фигурка вдалеке наконец расслышала мои вопли и остановилась. А потом медленно побрела мне навстречу.

– Давай сюда, – буркнул мальчик. Я протянул ему тяжеленный баул.

– Из дома убежал, да? – понимающе кивнул я. И нахлобучил ему на голову свою серую кепку.

Сергей тронул кепку ладошкой. Я понял, что он сейчас борет в себе истовое желание швырнуть мне её в лицо. Но я ошибся.

– Вельветовая...

– Ага.

– Спасибо...

– Ага, – снова сказал я. И добавил: – Не за что. Давай вернемся на остановку.

– Давай, – легко согласился мальчик. Видно, устал злиться.

– Так ты мне расскажешь, что произошло? Зачем так-то, а? Из дома... На ночь глядя. Может, я тебе помогу. Расскажи. Только не убегай. Простудишься ещё...

Мальчик поднял на меня глаза. Сейчас в них не было той колкости, что раньше. Он смотрел обиженно, но совсем не хмуро.

– Не простужусь... Я закалённый.

Я стоял и ждал. Наверное, у меня на лице ясно читался вопрос: «Ну?» Мальчик поднял на меня свои тёмные глаза, потом снова уткнулся в землю и ковырнул ее ногой там, где откололся кусок асфальта.

– А чего... Да ничего особенного... Не могу я так. Он меня – дневником по лицу... А главное – ни за что... Он же не знал... Я хотел ему рассказать... А он не стал слушать.

– Кто? Кто не стал слушать? Давай по порядку!

– Да папа... Отец. Я сегодня из школы пришёл, а он за дневник... Увидел – и говорит: «Откуда?» Я и сказал, что это всё неправда... А он меня дневником по щекам...

Картинка начала проясняться. Но не вся.

– Сергей... А что – двойка? Или замечание?

– Да замечание... И двойка.

– А по чему?

– По истории...

– По истории?

– Ну да.

– У вас уже есть история?

– Ну да. А у вас не было?

– Не помню. По-моему, не было. А что случилось-то?

– Да там рассказ задавали составить. Про то, каким я вижу свой город через сто лет. А я не смог сочинить. То есть я смог, но забыл его... дома. Я дома сочинял-сочинял, знаете, как долго сидел. А потом записал на листик. Вот. А на уроке меня вызывают. Я в портфель – за листиком. А его там нету, нигде. Я его дома забыл.

– Ну так бы и сказал...

– Я сначала так и хотел, но Женька-то ответил... Он мне и говорит, что это всё раз плюнуть. Ну я и вышел к доске. И сразу все из головы вылетело. Ну, что писал... Я стою и молчу, как дурак... А Анна Николаевна меня и спрашивает: «Что, Черных, не готов?» Это я – Черных, – объяснил он, чтобы мне было понятнее. Но я и так догадался. – А я говорю – готов... А она: «Так чего молчишь? Рассказывай». А я молчу...

Я понимающе посмотрел на Сергея. Когда-то и я отвечал уроки подобным образом.

– Обидно... Вот Женька тоже не составил, так он вышел к доске и давай на ходу сочинять... Так ему – представляете – пятёрку поставили...

– Так и ты бы сочинял.

– Да не умею я так... И вообще – так страшно было почему-то... Ну, я так долго молчал. Анна Николаевна, конечно, не выдержала. Сказала нести дневник. Я и принёс... А она написала, что я не готов. А я сказал, что это неправда. Я готов, только листик дома забыл.

– А она что?

– Да ничего.

Сергей замолчал. Похоже, разговор заглох.

– Не разрешила на следующий день принести?

– Не, не разрешила... Да какая разница. Всё равно двойка-то уже есть, никуда её не денешь. Я хотел страницу вырвать, да передумал. Решил, что так всё-таки нельзя...

– Правильно решил, – одобрил я. Не без угрызений совести – сам я часто рвал листы из дневника...

– Ну, пришёл я домой, а дома папа. Встретил меня, покормил... Ну, как всегда. А потом сказал, что мы вместе на рыбалку пойдём завтра. Я так обрадовался... Теперь уж точно никуда не пойдём.

– Он тебя ударил, – скорее не спросил, а уточнил я. Мальчик кивнул.

– Вечером... Я уроки сделал, стал портфель на завтра собирать, а он дневник попросил. Я дал, куда деваться... А он прочитал, разозлился. И меня – этим дневником по щекам. А он в твердой корочке...

Я сочувственно смотрел на него, готового в любой момент зареветь. Ну нет, нельзя, чтобы он плакал. Я быстро спросил:

– За одну двойку?

– Да не за одну. Меня уже и на собрании ругали, за то, что с одним мальчиком подрался. А я не просто так, я за одну девчонку заступился... Но это так, просто... – засмутился он. Я закивал.

– Это понятно.

– А еще оценки у меня неважные... Только это нечаянно. Я иногда уроки не успевал выучить, а меня, как назло, в этот день и спрашивали...

– А чего не успевал? Почему?

– Да забывал... или с мальчишками во дворе играли. А потом смотрим на часы – а там уже часов девять... А вечером уже настроение не то, чтобы уроки делать. Да вы... ты не поймёшь.

– Чего ж не пойму, я тоже школьник...

Сергей внимательно посмотрел на меня. Мне показалось – с недоверием. Еще бы – такая дылда, и школьник... Я бы тоже не поверил.

А мне еще физику учить. А настроение уже и правда не то. Ладно, фиг с ней.

– Больно, наверное...

– Да не так чтобы. Больно, но не очень. Только обидно. Никогда он меня не бил... Ну я и решил... Собрал сумку и собрался поехать к бабушке...

– А бабушка далеко живет?

– В деревне.

– В какой?

Сергей пожал плечами.

– Не знаю. Ой...

Да уж. Действительно, ой.

– Сергей... Но ведь папа за тебя волнуется. Может, ходит и ищет тебя.

– Так я чего и боюсь... Руслан...

– Что? – устало спросил я.

– Вы... Ты не отводи меня домой, ладно? Я так решил. Я бабушку найду, не сомневайся. И еда у меня есть – я чипсы с собой взял, они там, в сумке...

– Чипсы, – хмыкнул я. Шикарный провиант, что там говорить. – Есть хочешь?

– Да у меня есть...

– Есть у него... Держи.

Я протянул ему шоколадку из кармана. У меня карманы потрясающие – в них можно найти всё, что только душе угодно. Порой я находил там даже вещи, которые никак не могли принадлежать мне. Вроде сторублевой бумажки или пачки дорогих сигарет...

– Спасибо, – сказал мне мальчик и отломил половину шоколадной плитки.

– Нет, ешь сам. Я не люблю шоколад.

– Да? – хитро прищурился Сергей. – А чего же ты его с собой носишь?

Я хлопнул козырек своей кепки. Она сползла мальчишке до самого носа.

– За свет не плочено, – пошутил я.

– Плочено, – улыбнулся он. И поправил кепку так, как надо.

Дождь никак не кончался. Мое пророчество насчет его продолжительности не сбылось – он оказался затяжным, хоть и сильным. Макс нетерпеливо гавкнул: он уже хотел домой.

Я тоже хотел. Но не мог. Даже не в дожде было дело. Дождь – ерунда, и молния тоже. Но не бросать же этого пацанёнка сейчас одного? Ещё и правда пойдёт искать бабушку... или троюродную тетю.

– Значит, ты не вернёшься домой, так я понял?

– Нет.

Я снова услышал в его голосе прохладные нотки. Вот волчок. Я вздохнул.

– Ладно... Но не останешься же ты здесь, верно?

– Возьму и останусь. Тебе какое дело?

– Сергей, – твёрдо сказал я, – мне есть дело. Если я тебя сейчас брошу, я себе этого никогда не прощу. Даже если с тобой ничего не случится. А между прочим, вероятность того, что с тобой и правда ничего не случится, очень мала.

– Ну уж.

– Представь себе, маленький эгоист. Ну ладно, не злись, – Сергей поднял на меня свои колючие глаза, – я придумал. Может, у меня перекантуешься?

Он удивленно приподнял брови.

– Как это?

– Так. Просто. А потом мы с тобой подумаем, как быть дальше.

– Да? А с чего это ты будешь мне помогать?

– А что, я не имею права тебе помогать, так, что ли?

Мальчик пожал плечами. У него и в мыслях не было, что кто-то может ему помочь. У меня, признаться, тоже. Я уже чуть было не раскаялся в сказанном. Ну и куда я его дену? А главное – что я скажу его родителям? Без понятия. Также мне сестра милосердия, господин Русский. Вот влип.

– Не знаю...

– А может, пойдём, я отведу тебя домой? Ты далеко живешь?

– Нет! – почти закричал Сергей. – Ты обещал!

– Да обещал... Но пойми ты – твой отец сейчас себе места не находит. Наверное, в милицию звонит. Или маме. Ты разве хочешь расстроить маму, а? А что будет, когда она придёт утром домой, а тебя нет?

– Что? – устало посмотрел он на меня.

– Как – что? Ничего хорошего.

Мне больше нечего было сказать. Парнишка тоже молчал. Меня раздражало его молчание.

– Неужели тебе их не жаль?

– Ему же не жаль меня.

– Да он уже трижды раскаялся, Серёжа...

Первый раз я назвал его не Сергеем, а Серёжа. И тут же испугался, что он обидится. Но это Сергей был серьёзным, колючим и хмурым. А Серёжа оказался открытым и дружелюбным...

Мальчик колупнул сандалетой землю. Я видел, как на эту сандалету упала капля. Мне хотелось как-то приободрить его, но я не знал как. Только взял его ладошку и положил в свою широкую ладонь.

– Пойдём?

Он нерешительно кивнул. Макс с готовностью вскочил. Мы с Серёжкой улынулись – такой он был забавный. Мокрый, грязный, лохматый.

А дождь кончился. Почти сразу. Только изредка капал на серую кепку и мокрые карнизы. Машины пронеслись сквозь миллионы брызг. Их не заботило – намочит нас или нет. Они гнали на полной скорости. Но и нас с моим маленьким спутником не заботило, намочит нас или нет. Мы тоже уверенно шлёпали по лужам прямо к дому Сергея.

А он довольно далеко убежал, этот оскорблённый путешественник. Мы прошли не меньше квартала, прежде чем мальчик махнул рукой в сторону пятиэтажки:

– А вон и мой дом. Руслан, я дальше и сам могу...

– Да знаю я, что ты можешь. Ты всё можешь. Пойдём уж, провожу тебя.

– Серёжа! – услышал я где-то вдалеке. И очень пожалел, что не ретировался сразу. Ладно, сам заварил – сам и расхлёбывай... Правда, это не я заварил, а один маленький вредный воробей...

А Серёжа нерешительно остановился. И даже отступил на шаг. Я понял его и уверенно пошел навстречу движущемуся к нам человеку.

Он был высокий, такой же, как я. Или даже выше. А еще он был очень похож на Сергея. Не лицом, нет, лица я все равно не видел как следует. Просто похож. Даже уши торчали в стороны точно так же.

– Добрый вечер, – вежливо сказал я и встал посредине его пути, не давая подойти к сыну. На всякий случай.

Приветствие, конечно, было так себе. Во-первых, какой там вечер? Глубокая ночь. Ну, может, и не глубокая, но всё-таки... А во-вторых, люди моего возраста определённо должны говорить взрослым «здравствуйте» или, на худой конец, «здрасьте».

Только мне почему-то не хотелось говорить ему «здрасьте». Я бы вообще ничего не сказал, но этого требовали правила приличия.

– Добрый вечер, – кивнул он мне. И попытался пройти рядом. – Разрешите...

– Не разрешу. – Я встал у него на дороге. И посмотрел ему в глаза. Совершенно Серёжкины, это даже в темноте видно.

Интересно, о чем он думал сейчас? О том, что какой-то сопляк встал у него на пути, или, может быть, о том, что он действительно виноват перед сыном? Конечно, виноват. Разве можно бить человека? Да еще сына? Интересно, о чем же он все-таки думал? Глаза его мне ничего не говорили. Они у него были усталые, и ничего, кроме утомления, в них больше не было.

Наконец я сказал:

– А меня отец никогда не бил.

Он молчал. Это у них семейное, что ли?

– Меня тоже, – тихо ответил он.

– Так зачем? Неужели так было надо?

Он покачал головой.

– Нет.

Это лаконичное «нет» я тоже узнал. Господи, какие же они одинаковые. Разве могли посориться такие люди? А если уже посорились, то как могли обидеться друг на друга? Обидеться и причинить друг другу такую боль? Разве это правильно?

– Нет, – снова повторил отец Сергея.

Нет. Это неправильно. Это не нужно...

Сережка подошел ко мне и встал рядом. А я отошел. Все равно я там лишний. Они сейчас помиряются, а я им при этом совершенно ни к чему.

– Серёжа... Ты извини... Не хотел я так.

Он кивнул.

– Я тоже, – сказал он.

Никто не хотел. Никому это было не надо, чтобы поругались два таких родных, таких близких человека. Как же это хорошо,

что я всё-таки привёл Серёжку сюда. И что они с отцом всё-таки найдут в себе силы и скажут друг другу эти слова... Которые так трудно говорить, когда виноват перед кем-то.

Я улыбнулся и нагнулся к Макс. Он смотрел на меня своими верными понимающими глазами.

– Пойдем домой, Макс, – сказал я. Макс узнал знакомое слово «домой» и обрадовано затанцевал рядом. Я отошёл еще дальше, чтобы никого не смущать. Отошёл и стал смотреть в лужу.

В луже были мы с Максом. Оба мокрые и грязные. Не самое интересное зрелище. Но и не плохое.

Я усмехнулся, вспомнив физику. Так уж и быть, придется читать. Сейчас прочту и лягу спать. А кино – фиг с ним.

Я еще раз посмотрел в лужу, наступил в нее каблуком. А потом быстро пошел домой.

– Русла-а-ан! – крикнул мне вдогонку Сергей и подбежал к нам с Максом. – Ты чего уходишь? А кепка как же?

– Кепка? – растерялся я. – А, кепка... Да фиг с ней. Я тебе ее дарю. Идет?

– Насовсем? – удивился мальчик.

– Нет, на три дня, – хмыкнул я. – Разумеется, насовсем. Будешь в ней путешествовать под дождем. Только не из дома, о'кей?

Серёжка радостно закивал.

– Ладно...

– Ну, пока. Хотя нет... стой. Можно мне тебя сфотографировать?

– Меня? Зачем?

– Ну... так.

Серёжка задумался. И улыбнулся.

– Ну давай. С Максом?

– Можно и с Максом...

– Пойдём туда, к фонарю, – предложил Серёжка и манул рукой в сторону горящего фонаря. – А то не получится фотка...

– Да, давай...

Наверное, фотка все равно не получится. Ну, а вдруг?

Мы подошли к фонарю. Я посадил Макса рядом с мальчишкой. Он тут же присел на корточки и облапил Макса за шею.

– Ты что делаешь! Он же грязный!

– Ну и что? Я тоже не стерильный, – засмеялся Сергей. – Только погоди, не снимай... Пап! Папа! Сфотографируй нас с Русланом!

Я вручил «Никон» Серёжкиному отцу и показал, какую кнопку надо нажимать. Потом встал рядом с Максом и Серёжкой. И все-таки взял его за плечи...

...На углу Серёжкиного дома я обернулся. Он, совершенно счастливый, сидел у отца на плечах и махал мне вслед старой серой кепкой.

Анастасия ЛАСАЕВА

ИСТОРИЯ ПРО ПАУЧКА ТЕДДИ

Это был обычный мир. Мир, в котором люди забыли, что значит любить друг друга. Мир, в котором маски вежливости и благополучия закрыли радужные улыбки и настоящий смех. Это был мир, в котором жили такие же обычные люди, как ты и я. Люди, в чем-то разные и в чем-то похожие.

Жили они невдалеке друг от друга, в домах, стоящих в пару метрах от соседнего: дом, дом, дом, сад, опять дом, дорога, чей-то гараж. И так километр за километром, которые шли сплошняком, не прерываясь ни на какие расстояния «между».

Так вот на одной из таких обычных улиц, в этом обычном мире, стоял дом, где жили такие же, как и все, обычные люди.

В нем не было много подъездов. Вход в этот дом, как и выход, был один. Лестница в подъезд была небольшой, всего четыре ступеньки. А потом коридор, где находились лифты. Их было ровно два.

Лестница, уже в доме, по ней можно подняться, если «вдруг невысоко» или «не работают лифты». Так вот она была в отдельном крыле, там никогда не включался свет и по ночам, особенно по ночам, было очень страшно подниматься. Но для особенно смелых или бездомных эта лестница служила домом, спальным местом, столом или стулом, а также туалетом, гардеробной или свалкой.

Поэтому обычные люди недолюбливали это место и всегда шли к лифтам в небольшой коридорчик, где висела небольшая лампочка, совсем обычная, на сорок вольт. Конечно, было немного серо и темно от такого неяркого света, но жителям его хватало. А паучка Тедди и вовсе устраивало.

Да. Прямо под лампочкой жил небольшой паучок Тедди. Он и сам не помнил, как попал в этот дом и почему жил здесь. Но его все устраивало, он даже и не думал выходить на страшную и, как ему казалось, серую и однообразную улицу.

Жил он совсем по необычному расписанию: утро для него начиналась в восемь часов вечера, когда в подъезде зажигалась лампочка, а ночь наступала в восемь утра до полудня, когда эту лампочку отключали. И не было у паучка Тедди перехода на летнее и зимнее время, передвижения часа назад и часа вперед, время для него всегда текло одинаково.

Чем же занимался Тедди в своей жизни?

Тем, для чего он и был рожден – плел паутину, чтобы поймать в нее муху или комара, а потом съесть.

Его никто этому не учил. У паучка само по себе получалось это делать, будто бы он всегда знал, что именно для этого рожден.

Так шли многие годы Тедди. Он спал, плел паутину и ловил мух, чтобы поесть. Работа у него была всегда, ибо каждый месяц добросовестная уборщица сметала паутину с каждого из углов.

Но время шло. И не малое время. А Тедди все продолжал делать одно и то же. И вдруг однажды паучок задался вопросом: зачем он это делает, почему он это хочет делать и отчего каждая его паутина похожа на предыдущую? Тедди чувствовал какую-то неудовлетворенность, что-то внутри него ломалось, когда он выводил каждую паутинку по известной схеме. И тогда он решил, что больше ни одна паутинка не будет похожа на предыдущую. И он старательно продумывал каждый узор, в каждом углу. Он вкладывал всего себя. Иногда даже приходилось голодать, ведь не всегда в голове был узор, не похожий на прежний. Чем больше паутинок он сплетал, тем больше его мучил вопрос: «А не делал ли я такую паутинку раньше?» Тогда ему становилось очень грустно, он уже не помнил, что делал год или два назад. Хотя Тедди и не знал, что существуют такие понятия вообще. Что такое год, когда ты за него не успел сделать ни одной стоящей паутинки?

А люди все ходили и ходили.

Раньше Тедди наблюдал за их лицами, а теперь он постоянно думал об узорах, и люди для него перестали существовать.

Однажды с Тедди случилась страшная история. В подъезде в нужное время не включилась лампочка. День для паучка никак не начался. Он просто проснулся в почти привычное время, а его солнце перегорело. И так продолжалось много дней, и паучок не знал, когда ему нужно спать, а когда просыпаться, когда есть, а когда плести паутину. И, как назло, в его голове возникло множество рисунков, но он ничего не мог делать, потому что солнце не горело для него.

А когда вдруг лампочка зажглась, паучок очень обрадовался и быстро принялся делать все свои паутинки. Он боялся не успеть. Ведь если солнце перегорело один раз, то значит может перегореть и еще!

Получившиеся паутинки ему казались идеальными. Даже возникла мысль о том, что он не хочет, чтобы в столь прекрасные творения попались мухи, потому что эти паутинки призваны светить ему, когда не горит лампочка.

Теперь Тедди был уверен, что если вдруг из его маленького мира вдруг опять пропадет солнце, он будет знать, что где-то в углу сделано то, что никогда не сможет потухнуть.

И так было целый месяц. Казалось, что даже мухи поняли его и поддерживали в стремлении оставить красоту. За это время ни одна букашка не попала в прекрасные сети.

Но вот пришел обычный день месяца, обычное для людей утро. В подъезд зашла уборщица, смела такие прекрасные паутинки со стен и ушла.... Наверное, в другой дом... где, может быть, жил такой же паучок.

Когда Тедди проснулся, ровно в восемь часов вечера, он сразу же посмотрел по углам и ахнул: его прекрасных паутинок не было.

На Тедди напала хандра. Он потерял то, что действительно было ему дорого. Он потерял то, во что вложил самого себя.

Тедди думал каждую минутку о том, как умирали его прекрасные паутинки. Он представлял ужасную картину: вот веник поднимается вверх, сначала один прутик (А такой обязательно найдется! Непременно один прутик захочет выпрыгнуть из общего веника), так вот, он касается края паутины, и только потом все остальные прутики, как ужасный ураган от открывающейся зимой двери, сносят прекрасный шедевр с угла этого серого и обычного коридора.

Тедди не мог спать, его мучили кошмары, он не мог есть, не мог творить, каждая его паутинка опять стала похожа на предыдущую.

А зачем? — спрашивал себя Тедди. — Зачем что-то делать, если, может быть, завтра этого уже здесь не будет. А потом не будет и меня. А вот интересно, когда меня не станет? И что подумают все серые люди, если вдруг я возьму и умру?

Когда Тедди думал об этом, он плел новую паутину. Вдруг одна ниточка обмоталась вокруг его тельца — в том самом месте, где голова соединялась с телом.

За дверями подъезда была зима, и обычный человек торопился в свою обычную семью. Он открыл входную дверь. И как раз в этот момент Тедди задумался особенно сильно. И когда дунул ветер, паучок не смог удержаться и упал.

Тонкая, но очень упругая ниточка врезалась в его тельце и стала сильно сжимать его, отрывая, отделяя его маленькую голову от небольшого тельца.

Дверь зарылась, а человек забежал в коридор и вызвал лифт, который приехал на первый этаж и открылся прямо перед самым обычным мужчиной ровно через две минуты и тринадцать секунд.

Все это время прямо над ним, в нескольких десятках сантиметров, умирал паучок Тедди на собственной паутине.

Человек зашел в лифт и нажал на седьмой этаж.

А Тедди умер с мыслью, что так ничего и не успел сделать.

Труп маленького паучка висел под лампочкой еще двадцать два дня. Ровно до того момента, как в этот дом снова пришла уборщица и тем же самым веником, что и месяц назад, когда с ужасных углов исчезла прекрасная паутинка, смела мертвое тело паучка. Только теперь из этого веника высовывался совсем другой прутик...

ЛЮДИ, ПОХОЖИЕ НА БОГА

– И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.

И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.

Лес.... А вокруг черный едкий дым.... Словно ограниченные в пространстве, три сосенки. А между ними дом и речка. В самой глубине этого едкого тумана жил Кто-то Похожий на Бога. У него были голова, руки, нос, тело, глаза и уши. Кто-то Похожий на Бога обладал всеми физическими чувствами, которые были присущи его создателю. Однако внутри него был только тот мир, который ограничивался тремя сосенками.

Кто-то Похожий на Бога жил в своем мире уже не один год. За это время у него появилось не так много любимых занятий. Одно из них – двигаться... ходить... а вернее, даже бегать. Когда он это делал, то единственные три сосенки этого мира трещали по швам, однако оставались стоять на своем месте недвижимые, как идеология живущего здесь. Ведь Кто-то Похожий на Бога никогда не выходил за пределы едкого дыма, он продолжал жить, будто бы ничего другого никогда не умел делать.

Лучше всего в этой жизни у него получалось рассыпаться на несколько частей от звуков, которые издавали сосны в тот момент, когда трещали по швам. После этого Кому-то Похожему на Бога удавалось с большой легкостью собираться вновь в единое целое. Однако почти всегда в такие моменты что-то из его внешней оболочки обязательно вставало не на свое место: порою руки торчали прямо из ушей, как вялые морковки. Однако эти моменты несоответствия чему-то длились не очень долго: через некоторое время Кто-то Похожий на Бога вновь оказывался таким же, каким и был кем-то создан.

Однажды Кто-то Похожий на Бога услышал голос. Он показался ему безумно знакомым. Точно... точно, был его собственным. И он захотел найти источник услышанного звука. Эта идея ему показалась прекрасной и, возможно, первой здравой в его голове. Ведь этот голос – единственная настоящая жизнь рядом с его жизнью.

Кто-то Похожий на Бога долго блуждал между трех сосен, но постоянно возвращался к той точке, с которой начинал свое путешествие.

Единственное, что менялось во времени – это его окружение. Дом после каждого круга становился все более ветхим, деревья трещали все сильнее, а сам ищущий – старел.

Кто-то Похожий на Бога уже начал отчаиваться, пока вдруг, неожиданно, в мире, окутанном едким дымом, что-то сильно не перевернулось. В этот момент одна из трех сосенок треснула сильнее самого сильного раза и сломалась. Она быстро-быстро начала падать, пока со звоном не ударилась о стену мира, окутанного едким дымом. Дым в этот момент начал медленно рассеиваться и выходить сквозь маленькое отверстие вовне.

Кто-то Похожий на Бога очень сильно обрадовался. «Я вижу выход!» – закричал он и стал взбираться вверх по сломанной сосенке.

Однако в этот раз он не бежал быстро-быстро, а скорее катился, как вареное яйцо, постоянно падая вниз из-за нежелания или уже невозможности встать на ноги.

И вот он добрался до края своего мира и уткнулся в стекло, через маленькую дырочку в котором был виден кто-то, на кого он сам был похож. Но это был кто-то сильный. И Похожий на Бога был в этом уверен.

– Ты Бог? – прокричал он лицу, по подобию которого было создано его собственное.

Но «Бог» не слышал его и молчал.

Потому что за стеклом, как оказалось, был всего лишь еще один Кто-то Похожий на Бога, живущий в более высоких трех соснах и управляющий стеклянным шаром. В этом шаре было все, как в мире «Бога», только намного меньших размеров: лес... а вокруг едкий дым... словно ограниченные в пространстве три сосенки... а между ними дом и речка.

Однако маленькая копия Похожего на Бога так и не смог этого увидеть, потому что дырочка, в которую он смотрел, была очень маленькая, а постараться разбить стеклянный шар полностью Кто-то Похожий на Бога не захотел.

Так Кто-то Похожий на Бога и умер с мыслью о том, что познал Истину.

Валерия МИХАЙЛИНА**ВАНЕЧКА**

1

Сегодня мне захотелось изменить свою жизнь к лучшему, и именно сегодня от меня ушел муж. Не вчера, не завтра, а сегодня! Совпадение.

Да, я уже не молода, морщины, кожа в складку. Это должно было случиться, он всегда был чем-то недоволен. Я не такая, Ванечка не такой. А какие мы должны быть? Кстати, Ванечка – мой сынишка. Сегодня в ночь на работу, а с кем Ванечку оставить? Этот ловелас даже о сыне не подумал. Нет, слезы не помогут. Надо подумать о хорошем, теперь мы с Ванечкой одни, но вместе. Он меня никогда не бросит. Да и я его тоже...

Пришел муж забирать вещи, покидал тряпку за тряпкой в спортивную сумку. Сергей самый обыкновенный муж, не развратник, не обманщик. Просто ему надоело, надоело все время оправдываться за то, что он лежит на диване, за Ванечку, за свои грязные носки. Надоело. Куда он сейчас поедет? Да вряд ли он и сам знает, просто с утра ему пришла в голову мысль все начать с начала, по-новому, правильно.

– Вер, ну, я это, того?

– Пошел, что ли?

– Ну, да.

– Она хоть готовить умеет?

– Да, – соврал муж.

– С Ванечкой попрощайся.

– Он спит, – опять соврал муж. Он опять оправдывался. Даже уйти по-правильному не получилось.

Хлопнула дверь, соседи выгаращились из своих маленьких скворечников. Завтра уже, да нет, сегодня к трем часам все соседи уже будут знать. Хотя что они будут знать, они просто будут догадываться.

Вот я и одна. Звонок. Дверь. Может, Сережа... Может, забыл чего... Нет, Анька из пятьдесят четвертой, Машкина дочь. Почему соседи всегда приходят не вовремя? То ли чувствуют они через стены, то ли слышат и приходят. Приходят специально – застать тебя врасплох.

– Да, Ань? – спросила я с видимым участием и с натянутой улыбкой.

– Теть Вер, вы не можете вилочек одолжить? Олег сегодня из армии приехал. Вот встречаем, а вилок нет.

– Конечно, сколько тебе? – Да, кто-то уезжает, кто-то приезжает... Зачем мне вилки? Ванечка все равно только с ложечки кушает.

– Спасибо, завтра занесу.

Анька – хорошая девчонка, любят ее все, потому что добрая, смышленная. Брат ее Олежек ровесник Ванечки... играли вместе, только Ванечка до сих пор играет...

Вера отвлеклась, из комнаты доносился монотонный рев, Ванечка проснулся.

2

На полу сидел мужчина лет двадцати, в пижаме со слониками и зайками. Мама сшила ему эту пижаму. Ванечке нравились зверюшки на его одежде, он даже им имена придумывал, только каждый день разные, старые забывал. Маму Ванечка любил, папу просто не помнил, не было в его жизни папы. Когда мама уходила на работу, за Ванечкой иногда приглядывали соседи. Дворовые ребята, эти злые, большие дядьки, обижали Ванечку, называли его уродом и дебилем. Но Ванечка пугался не слов, он пугался реакции мамы, которой было очень тяжело, когда они так говорили. Он понимал: они обижают маму. Маму он очень сильно любил, даже доверял ей испугать своего пластмассового крокодила.

Ванечка сидел и плакал, на полу уже была лужа, а он бил по ней своими огромными ручками и выл.

Пижаму надо менять. И пол вытирать. А Ванечка выл и выл, не переставая.

– Что же мне делать с тобой, горе-ребенок. Сверстники твои уже поженились да кучу детей нарожали, а ты все сидишь и в куклы играешь. Ну почему именно тебя! За что мне такое наказание. Ну в чем виновата я? В чем? А? Отвечай же. Семьи нет. Мужа нет. Ничего нет. Лучше бы меня не было!!!

Голые стены Вериней квартирки задрожали. Задрожали и Верины губы, а по щекам двумя ровными полосками побежали слезы. Ей было жалко, нет, не Ванечку, а себя. Ванечка все еще бил по луже ладонями и хлопал длинными ресницами.

3

В комнате вдруг все потемнело, мамы нет, мама бросила Ванечку, Ванечка теперь один. Пришла Маша, покормила Ваню, передела его. В комнате посветлело. Нет, мама бросила его, он один. Она больше не придет. Никогда. Она не хочет приходить.

Вера лежит в больнице. Кто-то заходит в палату, кто-то выходит. Мысли кружатся вокруг Ванечки, как он? Кто же искупает его крокодильчика? Кто сошьет ему пижамку?..

В комнате темно и светлело, куклы перемещаются из одного угла в другой, Маша заходит все реже, а комната постепенно наполняется невыносимым запахом. Ваня один. Мама его бросила.

Вере нужна операция, серьезная и дорогостоящая, денег нет, все всегда уходило на лекарства для Ванечки и красивую пижамку из новенькой фланельки. Врачи же приходят каждый день: давление, температура, анализы... Бесполезно. Денег не было. А Врачи ждут уже не денег, они знают, что у Веры их нет. Просто ждут и ничего не делают.

Вера просится к Ванечке, ее не пускают, говорят, пускай сам приходит, мужику-то двадцать лет.

Маша поможет, не оставит Ваньку в беде.

4

В Ванечкиной комнате уже не светлело, просто было темно. Жутко темно, но ему было не страшно. Он все еще ждал маму. Он знал: она любит его.

Пришла Маша, Ваня ничего не ел.

– Эх ты, сирота, – пробубнила Машка, – никому ты не нужен, зачем живешь, бог знает, мамка-то помрет скоро. Вот если бы нормальный был, заплатил бы деньги за мамку, встала бы она на ножки, а так... что с тобой говорить...

Быстрая мысль пронеслась в Ваниной голове, первая за несколько лет. Надо спасти маму, нужны денегмы... мысль напоролась на острый камень и встала неподвижно. Днегмы. Что это?

– Днегмы, днегмы, – повторял мальчик и развозил ручищами грязь вокруг себя.

– Да, Ванька, деньги, такие зеленые, розовые, голубоватые бумажки. Если бы у тебя их было много – спас ты бы мамку. Вот, дурак дураком, говори ему не говори – ни черта не понимает!

А Ванечка понял: Днегмы+мама=мама+Ванечка. Вот такая простая формула.

5

Вере было плохо. Слепые картины белого потолка мелькали над ней: Ванечка, Анька, Сережа, грустные глаза когда-то обижен-

ной кошки. Белые и красные блики не давали закрыть глаза. Рябило, мутило, тошнило, мерещилось, виделось, забывалось, вспоминалось, отступало и опять становилось плохо. Хорошо уже не будет, вряд ли.

Ванечка встал на ножки. Мокрая, грязная одежда облепила его красивое мужское тело. Он пошел, пошел спасать маму. Дверь. Лестница. Улица. Огромная, жужжащая. Мир вокруг Ванечки замер. Большие злые дядьки уставились на Ванечку.

– Эй ты, грязный дебил, куда поперся, дома сиди, урод, – крикнул Антон, дворовый алкаш и мерзавец по жизни.

– Дегьмы, – сказал Ванечка.

– Да шел бы ты домой, придурок, от тебя вони как от помойки, недоумок.

– Деньги, где?

– Деньги, да в мусорке. Вон стоит. Иди, иди. Банкир хренов...

Ванечка заглянул в бак. Запах старых протухших шей, вонь грязной туалетной бумаги. На дне бака виднелись картинки, нарисованные детской рукой, розовые, зеленые и голубоватые. Деньги!!! МАМА!!!! Ванечка залез в бак. Грязный и вонючий, он и сам был похож на мусор. Он начал лихорадочно собирать рисунки. Пришла тетя Клава, выкинула мусор, Ванечку не заметила. Да и зачем? Мусор вещественный от мусора человеческого люди не отличают. На Ванечку сыпались и лились отбросы и помои обитателей дома. А он не мог выбраться. Он боялся за маму.

А мамы уже не было.

Игорь ПЕТУХОВ**КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ**

После войны с Японией молодой капитан Максим Стреченский в поезде по маршруту Владивосток – Тольятти едет домой, к своей жене. Его с детства обуревают философская рефлексия, и сейчас в голове у него также толкуются разные мысли. Стреченский смотрит в окно, размышляет о насилии человека над человеком, делая неутешительный вывод: «Все есть разрушение». Зло нарастает, человек опустошается... Все продается и покупается испокон...

Капитан только засыпает, а поезд резко останавливается. В суматохе и шуме выделяется низкий ругающий голос. Пожилая женщина с ведром кричит, что какой-то бомж разболтил рельсы. Стреченский скривился: – Проклятье... Это же чеховский «Злоумышленник»... – И тут он вспомнил, как на поле боя у убитого японца смародерствовал фляжку с водой. И снова зарефлексовал, попадая в нравственные тупики...

Оставив Стреченского, автор переносит нас в его дом, где, ни о чем не думая, стоит и смотрит в окно Мария Стреченская. Красивая, ухоженная – не могущая жить без любовников. О ее связях знает весь подъезд и двор (Стреченский не верит, относя все это к сплетням и зависти)... Позади Марии натягивает брюки бородастый мужчина, поучая и мудрствуя: «Жизнь, дорогуша, это тебе не дерево посадил и тому подобное... Жизнь, она разная бывает... Поняла?» «Поняла...» – Мария томно и обожающе оборачивается.

По соседству у Стреченских живет знакомая семья Бухенвальдов. Дед Бухенвальд, ветеран многих военных кампаний, бесконечно смотрит телевизор и критикует правительство за порядки в стране. Его сын что-то говорит в сотовый телефон, прохаживаясь. Семья зовет сына «Сыном». «Сын» ведет разговор с Чеченом о пиве. Потом с Мишкой – о долге Мишки. Димона просит выручить себя, «Сына», ибо сейчас на мели. Внук деда Бухенвальда, Коля, бьет игрушки об пол и бегаёт по улице с палкой, перебегая улицу на красный свет. Жена «Сына», Галка, держит половую тряпку, каждый день печет пирожки, Варит супчик из лука и моркови – мутный и безвкусный. Дед хвалит. Это Галку вдохновляет...

...Максим Стреченский входит в свою квартиру и плюхается в кресло, уставившись в одну точку. Мария, тихо приближаясь, заводит разговор. Она говорит ему, что пора прекращать воевать, а

пора заводить детей. Он спрашивает: — Почему не заправлена постель? — Она отвечает, что собирается убраться.

Проходит год. Дед Бухенвальд в ванной издает последний вздох. После похорон «Сын» начинает замещать деда: сидит в его кресле-качалке, смотрит телевизор и критикует правительство: — Что делает наша власть? Надо добиваться, чтобы каждый получал достойную зарплату, пенсию — а она?.. — «Сын» оборачивается по подобию деда к Галке, ища у нее сочувствия. Она сочувствует и варит пельмени... Коле покупают часики и самосвал, которые он быстро разбивает молотком...

Супруги Стреченские продолжают уныло существовать. Последний Новый год встретили в разных комнатах. Мария, совсем потеряв стыд, пригласила любовника в свою, пока за стенкой Максима обуревали мысли.

Раздевшись для сна, Максим подходит к зеркалу и говорит: — Это какой-то бред.

Время идет. Сменяется Президент. Половина страны с новой властью переходит на военное положение. Президент объявляет войну Турции, но турки первые прибывают на территорию противника. Капитана Стреченского требуют на войну. Максим не хочет ложиться под пули и ищет единомыслия у Марии. Мария молчит. Максим надолго уходит в себя. Слишком надолго. Дом Стреченских бомбят турецкие войска.

Взяв минимум вещей, Стреченские и Бухенвальды оказываются в тысячной толпе бегущих. «Сын» кричит Димону по сотовому, что теперь еще больше на мели, поскольку нет ни денег, ни жилья. Все вместе они сидят в подвале аптеки. Владелец аптеки Виктор Алексеевич Трефов и фармацевт Надя переносят препараты и лекарства в подвал. Он собирается в Москву поговорить с Президентом на короткой ноге, поскольку Президент — его бывший однокашник: чтобы тот отвел турецкую угрозу от Тольятти на какой-нибудь другой город. Согласная с ним Надя прячется в подвале.

Надю замечает Стреченский. Рефлексия у него исчезает — что-то светлое накатывает на капитана. Он все больше смотрит на Надю. Она же смотрит вниз. Наверху слышны выстрелы и взрывы.

Турецкий генерал, осаждающий Тольятти, приказал держать пленных в здании Дома культуры на голодном пайке. Ведет переговоры с мэром. Мэр не сдается. Вооружают курсантов военного училища. Полковник Дискалов приказывает расстрелять дезертировавшего курсанта. Повсюду расклеены плакаты с призывами отстоять город.

Прошло три дня. Мария уныла: в подвал незаметно любовника не проведешь. Галка очень похудела. «Сын» клянет весь белый свет. Димон до сих пор не звонит.

Надя тихо приближается к Стреченскому, говорит, что скоро сойдет с ума. Они незаметно знакомятся. Но кончается еда. В один момент Надя предлагает Максиму пойти наверх, пусть даже с риском попасть под пули. «Так лучше, чем от голода», – рассуждает она. Максим берет пистолет, и они выходят из темного подвала наружу.

«Сын» сидит, зажав голову руками. Исподлобья смотрит, как Коля нещадно крушит его сотовый молотком. Галя истерически смеется. Потом они долго ссорятся. «Сын» рыдает, лежа лицом на бетонном полу.

Максим и Надя идут мимо кирпичной стены. Она рассказывает ему о себе. Многолетняя медицинская семья. Держали подпольную аптеку. Ее папа, кандидат медицинских наук, продавал наркотики, произведенные им самим. Папу взяли. Мама стала пить. Старшая сестра Катя нас опекала. Жили то у мамы, то у тети. Я мечтала сниматься в кино. Случайно поступила в медколледж – на бюджет. Однажды Катя послала ее в аптеку. Я заспорила с продавцом о действии лекарства. В спор вмешался владелец аптеки, Трефов. Он похвалил Надю и взял работать к себе. Оказался корыстным человеком – заставлял мошенничать с продажей препаратов.

Максим стал рассказывать о своем отце. Но не закончил. У военного училища расстреливали сбежавшего курсанта. Полковник Дискалов, задав пару вопросов и услышав оскорбительные ответы, стреляет в дезертира.

Максим с Надей возвращаются. У аптеки они видят: почти на самом верху высокой осины висит на ветке «Сын». Стреченский кричит, что принесет сейчас матрас. Но «Сын» лишь улыбается по-идиотски. Галка выносит толстое одеяло, но муж ее падает, никому не сказав ни слова. Его трясет от боли, он истекает кровью... Надя и Максим пыгаются спасти... Поздно...

Галка, Коля, Максим, Надя продолжают сидеть в подвале и ждать спасения. Или смерти. Стреченский даже не заметил, что жена в его отсутствие куда-то пропала. Из старого ржавого крана капает вода. Еды никто уже не видит два дня. Максиму кажется, что с едой вместе пропала и война. Как-то, проснувшись в глухой тишине, Максим рассказал бодрствующей Наде сон об историческом факте: в 1453 году турецкие войска захватили Византию, что положило начало ее распаду. Максим во сне участвовал в том историческом событии. Надя просит истолковать сон в связи с тем, что происходит сейчас. Максим отвечает задумчиво: «Бред какой-то...»

Стреченский вспоминает про жену и узнает от Галки, что ее видели в военной машине у аптеки. Затем машина уехала.

Галка достала плачущему Коле немного орехов. И еще рябины – себе, Наде и Максиму.

Моя рябину под краником, Максим замечает странно направленный на себя взгляд Нади. С иронией и неприязнью. То же почувствовал и он. Она ела рябину по ягодке и смотрела так, как будто обманывала и думала, догадывается ли Максим об обмане. Он не выдерживает такой ложной тихости, хочет выйти из подвала воевать и не возвращаться. Его уход задерживает приход серьезного человека в плаще. Надя меняется в поведении, играя роль дурочки. Человек представляется Трефовым Виктором Алексеевичем. Пожимая ему руку, Стреченский ожидал услышать что-то вроде «мы одного поля ягодки», но Трефов только сказал, что хочет забрать Надю в Москву. «Да, – подумал Стреченский, – Надя не Дуня». Не взглянув на Максима, Надя уходит с Трефовым.

Максим остается с Галей и Колей. Разговорившись, Галка раскрывает тайну деда Бухенвальда. Дед, уставший от высокомерной наглости властей, врачей, возненавидев Тольятти, в пылу старческих эмоций вступил в переписку с турецким генерал-лейтенантом, бывшим сослуживцем по одной военной кампании. Галка показывает письма деда. Немного разбираясь в турецком языке, Максим в ужасе читает строки про наши боевые позиции, технику и т. д.

Стреченский швыряет письма на бетонный пол и идет воевать с турками. Параллельно осознавая, что Мария на самом деле хитра и нечиста и что это не сплетни и зависть, и как он раньше этого не замечал... В таком эмоциональном состоянии он решает прогнать турок и найти себе другую девушку и жену.

Турок отгоняют на юг страны. Турецкий генерал сдается. Капитан Стреченский награждается орденом.

Мария, Галка, «Сын», Надя – все это прошлое. Теперь он – заместитель начальника военного училища. Смотрит и идет только вперед.

Максим женится на Даше. Она рождает ему сына Вову, которого отец каждый день катает по улице в коляске. Максим счастлив и не обуреваем мыслями. И больше не заходит в тупик. Даша прекрасно готовит, любит природу, работает воспитателем.

Володя подрастает. Максим становится начальником военного училища. Однажды, встретив Вову из школы, он обращает внимание на женщину в черном. Она подходит совсем близко. И он узнает Марию. Механически они садятся на скамейку, глядят на недоумевающего Вову.

Стреченский снова начинает путаться в мыслях. Мария, не поворачиваясь, говорит ему, что она еще его жена...

Дарья ПОПОВА

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА
(злая сказка)

*Ты платишь за песню полной луною,
Как иные платят звонкой монетой.
В дальней стране укрыта зимою,
Ты краше весны,
Ты краше весны,
Ты краше весны и пьянее лета...*

«Мельница»

1

В этом году зима выдалась очень холодной. Крупные металлические сосульки свисали с любых необогретых выступов, где только могли найти жидкость для саморождения. Холодно-холодно-холодно! Снег застилает глаза. Ветер метет, беспокойно раздувая себя в разные стороны, как будто ищет кого-то между этими огромными квадратами домов. Рвет своим воем пространство. «Он, верно, потерял кого-то действительно ему дорогого и, верно, потерял настолько давно, что уже сошел с ума от поисков», – подумал маленький человечек, уставший и замерзший, медленно переступающий скрытыми теплой длинной накидкой ногами.

Метель усиливалась, а человечку непременно нужно было попасть домой к ужину. Приходилось торопиться, чему отчаянно мешал рыхлый снег, сбившийся в западню сугробов. «Холодно-холодно-холодно», – выл ветер, вторя тихим, тяжелым шагам малыша. Вот уже совсем стемнело и небо окропил розоватый оттенок, пришедший на смену звездам. «Быстрее! – подгонял себя человечек и тут же обрывал сам себя, отвлеченно вздыхая. – Как же все-таки холодно».

Кнопки домофона поистерлись и обмерзли. Малыш снял теплую варежку и прислонил розовые подушечки пальцев, повторяя трехзначный код. В глаза ударил неестественный ярко-желтый свет электрической лампочки, висящей где-то под потолком. Рука спряталась обратно в варежку, а ноги уже побежали по лестнице наверх. Стены исписаны неровными надписями и похабными рисуночками подростков, не знающих, куда истратить лишнюю энергию. На третьем этаже было выбито окно, и ветер то и дело залетал в образовавшийся угол, превращаясь в протяжный свист, царапая краями стекла тело. Он в истерике срывал плохо наклеенные на стены листовки и плакаты. Но человечек лишь бросил быстрый любопытный взгляд на это и побежал дальше по лестнице.

Знакомая дверь с труднодосягаемым высоченным звонком очень обрадовала его. И в предвкушении домашнего тепла он потерял свои маленькие варежки друг о дружку и, возможно, где-то в толще тканей шапки и шарфа даже улыбнулся. Три коротких стука по железной эмали заставили загореться глазок, торчащий где-то на уровне звонка. Дверь со знакомым скрипом открылась.

– Витя! – посветлело лицо мамы. – Где ты был? Почему так долго?

И родные сильные руки втащили мальчика в теплоту прихожей. Под материей старого клетчатого пальто открылась фигурка маленького мальчика лет восьми-десяти. Его большие щенячьи глаза внимательно смотрели на маму, выражая какой-то полудетский-полузвериный испуг.

– Витя? Ну, чего молчишь? Я кого спрашиваю? Отвечай немедленно: где ты был? – острый безжалостно-беспокойный голос мамы делал эти щенячьи глаза еще более пугливыми.

– Я у бабушки задержался, – пробежал по прихожей свежий детский голосок.

– У бабушки? – сильные руки сдернули с головы мальчика плотную шапку, разлохматив чуть отросшие за зиму почти до белизны светлые волосы. – Я же тебе сто раз говорила, чтобы ты не шлялся туда и не беспокоил старушку. Ей и без тебя тяжело, еще и ты туда прешься.

Мальчик молча слушал все, что ему говорила мама. Его голубые глаза потухли и опустились, принявшись равнодушно разглядывать грязный серый пол под ногами, на котором когда-то очень давно лежал красивый рыжий паркет, но позже из-за прорыва трубы его пришлось снять, а денег на новый так и не нашлось. Обычно здесь лежал длинный ковер-дорожка, скатанный и потерявший за годы свою мягкость, но сегодня мама отнесла его в их детскую и постелила там, чтобы было теплее ногам.

– Разуешься сам, – махнула рукой мать и со свойственной ей чуть прихрамывающей походкой направилась на кухню. – Переоденешься, помоешь руки и можешь садиться есть.

– Хорошо, мам, – почти прошептал мальчик, стягивая с ног несколько раз перешитые черные сапоги.

– Витя! – позвала мама.

– Что? – выглянули из-за косяка уже сонные голубые глаза, скрытые нарочно зачесанной на лицо светлой челкой.

– Завтра пойдешь с сестрой на стеклотару, так что сейчас же ложись спать, чтобы утром не ныть, что не выспался, – мама строго посмотрела на Витю, и он тут же, схватив пижаму, убежал в ванную переодеться ко сну.

Старшая сестра спала на нижней кровати, и Витя, стараясь карабкаться как можно тише, то и дело поглядывал в её расслабленное обветренное лицо. Когда бы он ни спрашивал о том, что ей снится, она отвечала только одно: «Темно и пусто. Ничего вообще не снится».

Забравшись под одеяло, мальчик с силой зажмурился, дав себе слово не открывать глаз до самого утра. И тут перед ним возникла картина: холодный обезумевший ветер воет на улице. «Ему, наверное, очень и очень холодно и совсем некуда пойти. И мамы у него нету. И дома. И кровати. Выгнали его, небось, из его дома тыщу годов назад, вот он и воет так жалобно, – думал Витя, чуть расслабив заболевшие от напряжения веки. – И даже не потому, что ему обидно, что его выгнали. Ему и не больно-то надо с ними жить. Просто всем же, наверное, хочется, чтобы у него была мама и дом, а все вокруг вот так спят в своих кроватях, а он летает и завидует. А может, он сейчас завидует именно мне? Сидит у окна замерзший, весь в сосульках и смотрит, как я тут сплю». Витя испуганно вздрогнул, рывком сев на постели. Большое, скрытое занавесками окно находилось как раз в ногах у двухъярусной кровати. Но ветра он там увидеть не смог. Только какой-то розовый осадок на небе, хорошо видный в полной темноте комнаты. «А вот мне совсем и не жалко, – храбро подумал Витя. – Пусть, пожалуйста, ночует со мной. Вон, у меня сколько места свободного. Только пусть тихо заходит, а то Машу разбудит, а она спросонья очень злая».

Витя подполз ближе к окну и нерешительно потянулся маленькой ладошкой к ручке. За окном что-то вдруг задвигалось, и мелкие частички какого-то мусора с дробным маршем стали биться о стекло. «Это ветер обрадовался тому, что я хочу пустить его», – светло улыбаясь, подумал мальчик и с силой надавил на ручку, почти повиснув на ней.

– Ты че делаешь, дебил? – закричала Маша, вскакивая с кровати. – Закрой окно, даун!

Но было поздно. Счастливый и опьяненный новым участком свободы, ветер обезумевшим паром ворвался в комнату. Мгновенно комнатная температура сменилась колющим и щетинящим кожу морозом.

– Мама!!! – завизжала сестра.

Витя виновато забился под одеяло, хотя не знал, за что его сейчас поругают. Но, судя по крику сестры, поругают точно.

Витя стоял в углу, упираясь лбом в холодную стену. От шлепка маминой ладони болело плечо. Было обидно до слез. Не из-за боли, а из-за того, что наказали-то ни за что. Он ведь все верно

сделал: и ветер впустил, и погреться дал. Правильно ведь? Ведь так и надо? А она – вот... Обидно.

Витя выронил из голубых глаз две серебристые капельки слез. Горьких-горьких.

Мама сидела на стуле напротив окна на кухне и что-то вязала.

– Мам, ты меня любишь? – вдруг пробурчал Витя.

– Ты зубы-то мне не заговаривай и на жалость не дави, – погрозила пальцем мама. – Сказала, что будешь стоять в углу полчаса, значит столько и будешь. И не смей подлизываться. Любишь не любишь, провинился, значит отвечай. Стой там молча.

Витя закрыл лицо маленькими ладошками и зажмурился. Стало очень темно, и мальчику вдруг показалось, что он превратился в памятник. Такой, который он однажды видел на площади – тяжелый и разучившийся шевелиться. Хотелось спать...

2

Утром мама сварила яйца и сделала бутерброды, чтобы они с сестрой могли поесть на работе. Витя попил чаю с печеньем и, схватив портфельчик с припасами, выскочил на улицу.

Во дворе лежал еще не тронутый ничьими сапогами снег. Витя спешил первым оставить на нем именно свои следы и резво бегал по гладкой мучнистой поверхности, пока не услышал строгий голос сестры:

– Разбегайся, даун. Пошли быстрее. Я тебя тут ждать не собираюсь.

– Аккуратнее! – зло процедила сестра, когда Витя, споткнувшись, чуть не уронил ящик с пустыми бутылками. – Неси в подвал, а я пока с человеком расплачусь. Быстрее!

Мальчик всегда боялся этого подземелья. Сырой, теплый лишь из-за разницы с уличным холодом, он внушал Вите непонятный ему самому страх. Ему бесконечно казалось, что кто-то с большими желтыми глазами наблюдает за ним. А его когтистая черная рука вот-вот схватит Витю за ногу да и утащит под огромные коробки. А еще этот ящик мешает смотреть вперед...

– Чего замер? – крикнула за спиной сестра, нетерпеливо ткнув в спину мальчика пустой банкой, которую она тоже несла в подвал.

– Маш, тут так страшно... – прошептал Витя и тут же замолчал, понимая, что выглядит глупо. Ведь все, кто говорит правду, выглядят глупо.

– Не выдумывай. Или, может, ты работать не хочешь? Смотри у меня, – с силой толкнула она мальчика.

– Нет, ну что ты. Я хочу. Очень хочу! Ты только маме не говори, ладно?

– Дурак ты, Витька, – не выдержала Маша и, оттолкнув брата к стене, пошла вперед, в самую тень.

В подвале снова загорелись чьи-то желтые невидимые глаза. Мальчик поежился, но послушно пошел следом за сестрой.

Так загроможденный ящиками день постепенно перевалил через свою половину. Витя не слишком переживал, что пропустил занятия в школе. Единственное, чего ему сейчас хотелось, это прийти домой, наесться маминых пирожков с капустой и лечь спать под свое теплое-теплое одеяло.

Весь день к сестре Машке приходил какой-то долговязый парень с блестящими безделушками в карманах, с которым сейчас она и ушла в подвал, приказав Вите сидеть снаружи и ждать сторожа, обязанного взять у них ключ от склада стеклотары.

3

Завыла метель, и будто бы только что проснувшийся где-то в белых сугробах ветер поднялся над землей и принялся как сумасшедший метаться в разные стороны. Он то дул в лицо, то снова падал к самой земле, заноса носки сапог снегом. Холодно-холодно-холодно!

Витя сидел на пустом ящичке напротив низкорослого самодельного человечка с веточками вместо рук и носа. Ему был не страшен ветер. Даже наоборот, Витя чувствовал к нему необъяснимую привязанность и, может, даже жалость.

– Эй ты, мальчишка! – услышал Витя властный женский голос над собой.

Перед ним в длинной шубе, несравнимой по своей белизне даже со снегом, лежащим вокруг, стояла высокая бледная женщина с алыми губами и синими, как самый темный лед, глазами, сейчас строго обращенными на него. На черной прилизанной шапке толстым слоем лежал иней. Внезапно Вите показалось, что он стал негретенком, настолько смугла была его кожа по сравнению со щеками и ладонями женщины. Ему захотелось тереть себя снегом, пока не сойдет рабский загар, но он постеснялся. Решил отложить это на другое время.

– Мальчишка! – её голос был не по-женски грубым и холодным. – Я к тебе обращаюсь!

– Ко мне? – переспросил растерянный Витя.

– А здесь еще кто-то есть? – строго заметила женщина, нагнувшись чуть ниже, чтобы получше разглядеть ребенка. – Ты, верно, нищий. Твоя одежда прохудилась и устарела. Так сейчас никто не одевается. Зачем ты тут сидишь?

– А зачем Вы спрашиваете?

– Я? Я спрашиваю о чем хочу и когда хочу. И не смей мне переспрашивать! Ты не знаешь, кто стоит перед тобой, мальчишка! – Женщина важно приосанилась.

– А кто Вы? – Витя встал, желая посмотреть ей в глаза, но он все равно был слишком мал по сравнению с ней.

– Ты и вправду хочешь узнать, кто я? – она засмеялась дребезжащим капризным смехом, как смеются сумасшедшие пенсионерки, отчаявшиеся в своем домашнем одиночестве.

Тут поднялся сильный ветер и стряхнул с её шапки иней, но самой женщины будто бы не посмел коснуться. Лишь легонько погладил по щекам. Её смех тут же прервался, а глаза, долгое время строго глядящие на Витю, наполнились удивлением.

– Ты? – зашептала она, некрасиво ткнув в ребенка пальцем. – Это ты? Мальчишка, ты, верно, очень любишь зиму?

– Не знаю, – признался Витя. – Я лето не люблю. Летом нужно только работать, таскать коробки с бутылками, еще и жарко ужасно. А еще мама выходит на работу в ночь и дома страшно...

– А хочешь ли ты попасть туда, где всегда есть ветер и снег? Не нужно работать, нет мамы и злой сестры? Только ледяное спокойствие... – Женщина сделала бессмысленный жест рукой, очевидно пытаясь что-то наглядно показать.

– Но там, наверное, очень холодно? Я не хочу замерзнуть, – покачал головой Витя, доверчиво сделав шаг вперед к белоснежной шубе.

– О, ты не замерзнешь, – снова засмеялась женщина, протягивая мальчику свою белую руку с тонким золотым кольцом на безымянном пальце. – Ты вообще никогда больше не будешь чувствовать холод.

Мальчика шатнуло от неожиданно сильного потока воздуха, с размаху ударившего ему в спину. Он подошел вплотную к холодной женщине и положил свою маленькую руку в её бескровную раскрытую ладонь. При соприкосновении с чужой кожей внутри мальчика что-то закололо. Нечто безгранично светлое разливалось внутри его маленького тела. Нечто одурманивающее, слепящее, превращающее все посторонние мысли в туман. Заставляющее сосредоточиться на чужой руке, сжимающей его пальцы.

– Полетели! – скомандовала женщина, широко приоткрыв свои алые губы.

И закружилась метель, и со звоном и скрежетом разорвались провода, в которых так отчаянно задыхался город. И нельзя было смотреть вперед, ведь кругом разлился такой ослепительно-белый свет, что глаза резало как лезвием.

Витя ощутил себя парящим в воздухе, но не испугался. Рука женщины была невыносимо холодной. Её кожа будто бы царапала ладонь мальчику, въедаясь в неё ледяной нематериальной влагой.

По небу, ликуя, носился ветер.

4

«Что-то произошло», – думали любопытные люди, глядя глупо в небо. Огромный вихрь несся над городом, размывая, раз-

рывающая в своих когтистых лапах звезды. А за ним, как привязанный, летел светловолосый ветер. Быстрее-быстрее...

Витя все еще не видел ничего ни перед собой, ни вокруг себя. Столь много было снега. И тут мальчик подумал: «А не ведьма ли она, эта странная прекрасная женщина с синими холодными глазами? И если так, то куда она несет меня?» Он, как мог, вжал голову в плечи, испуганно озираясь в поисках длинной белой шубы, но её силуэт слился с метелью и был совершенно неразличим.

Витя не знал, сколько продолжался этот полет, в какую сторону они летели. Приземлился он в большой пушистый сугроб, который тут же его и поглотил. У мальчика тряслись пальцы и посинели губы. Вокруг было очень холодно и трудно дышать. Настолько трудно, что Витя закашлялся и упал на колени, еще больше утонув в западне сугроба.

– Встань! – услышал он знакомый властный голос.

– Скажите... – прошептал Витя, стараясь быть вежливым и благодарным.

– Что? – перебила его женщина, рывком вынимая его из сугроба и ставя на протоптанную ледяную дорожку прямо у своих ног. – Хочешь знать, кто я? Так слушай. Я – Великая и Могущественная повелительница морозов, метелей и холодов. Единовластная Хозяйка всех снегов и льда, которыми вы, люди, восхищаетесь и которых так боитесь. Я та, что каждый год дарит миру явление Зимы. Я та, что останавливает самые горячие сердца. Я – Снежная Королева.

Слишком большого эффекта пафосная речь женщины на мальчика не произвела. Честно говоря, он не понял первую половину столь торжественного выступления, но главное он уловил. И этим главным оказалось слово «Королева».

Кроваво-красные губы женщины вытянулись в улыбку. Она сняла свою шапку, и из-под неё вырвались на растерзание ветру черные как смоль длинные волосы. Она смотрела на Витю ледяными синими глазами, прямо в сердце, глубоко внутрь...

– У Вас кровь! – вскрикнул мальчик, подбегая ближе. – Вон, вся ладонь в крови.

– Это проклятое человеческое тепло, – чертыхнулась Королева, приподняв правую руку. По её белой коже тонкими худыми струйками текла кровь, разлиновывая своей сетью всю ладонь.

– Вам больно? – прошептал на выдохе мальчик и, не дождавшись ответа, расстегнул свое клетчатое пальто.

Во внутреннем кармане, за подкладкой, мама постоянно заворачивала ему красивый носовой платок. Он был весь синий, обшитый голубой волнистой каемочкой. А на обеих сторонах красовался рисунок большого пушистого котенка с грустными глазами. Витя достал платок и принял аккуратно повязывать его на руку Снежной Королевы, судорожно пытаясь остановить лениво льющуюся кровь.

Женщина засмеялась, одним коротким движением отбросив мальчика обратно в снег.

– Глупый человек, – громко сказала она. – Ты разве не понимаешь, что делаешь только хуже? А я не чувствую боли. Я вообще ничего не чувствую. Я ведь Снежная Королева, дурачок. А ты, может, хочешь растопить меня?

– Нет, – замотал головой мальчик, опираясь голыми ладонями о ледяную дорожку под собой. – Я хотел помочь.

– Помочь? – удивилась Королева, но тут же сменила удивление на милостивую улыбку, в которой читалась резкая по натуре женская хитрость. – Лучше я помогу тебе. Выполню обещание. Ты больше никогда не замерзнешь.

И снова все завертелось. И поднялась все та же метель, и завыл все тот же ветер, приподнимая Витю над землей. И неожиданный смертельный холод хлынул ему под кожу, добираясь до самого сердца, превращая грудную клетку в решетку из льда. И тут же оборвался. Мальчик почувствовал... Нет, он ничего не почувствовал. Витя просто знал откуда-то, что холод ушел навсегда. И холод, и озноб, и любые болезни – он более не зависел от них, под крылом Снежной Королевы. Он знал, что останется с ней навсегда.

– Как тебя зовут? – спросила она, насмешливо улыбаясь тому, как мальчик непривычно трудно сгибает перед глазами синие пальцы.

– Витя, – ответил он несмело.

– Витя – это скучно. – Королева подняла глаза к небу. – Я буду звать тебя Мышонком. Вон ты какой белый стал. Не иначе полярный мышонок.

Королева смеялась, по-детски хлопая в ладоши. «Игрушка-слово: полярный мышонок. Ах, как хорошо выдуманно. Как остроумно», – шептал ветер, потакая веселью этой полубезумной женщины.

Витя встал на дорожку рядом с Королевой, несмело посмотрев на запад, где стоял хрупкий хрустальный замок. Было немного страшно.

5

Дворец Снежной Королевы был ослепительно бел, как самый дорогой фарфор, собранный и склеенный миллионами мастеров. Мальчик шел по коридорам, жадно глотая глазами пространство. Он старался увидеть и запомнить каждую трещину, каждую мелочь, каждое искажение своего маленького тела в хрустальных стенах. Он так боялся, что его сказка может закончиться.

Королева великодушно позволила ему сжимать свою ладонь, чтобы он не потерялся и не слишком забегал вперед. Витя шел за ней, невольно стараясь подражать её беззвучным, мягким шагам, привыкшим, казалось, ходить по мягким облакам. Её рука больше не кровоточила, и он старался держаться за неё как можно крепче, как можно преданнее.

Коридоры не кончались. Они тянулись и тянулись куда-то к самому горизонту. Мальчик не замечал, что становится таким же белым и холодным, как многочисленные фигурки изо льда в её ненаглядном дворце. Вся разница заключалась лишь в человечности, все еще жившей в его побелевшем теле. Для Королевы это было забавно.

– А почему вы не вешаете цветные вещи? – спросил Витя, глядя в ровное лицо Королевы своими большими глазами.

– Зачем в хрустальном замке цветные вещи? – фыркнула Королева, давая мальчику понять, что он сказал какую-то глупость. Они же своим отражением испортят благородное бесцветие льда. Цветное – только в праздники и только с моего королевского разрешения.

Женщина чуть заметно улыбнулась, но не мальчику, а куда-то в пространство. «Кругом лёд. Ничего, кроме льда, – грустно подумал мальчик и в тот же миг, подняв глаза на свою медленно плывущую рядом Королеву, оборвал свои глупые мысли. – Ну и что?..»

– Ты будешь жить здесь, – царственным размашистым жестом Королева указала на маленькую комнатку с кроватью и большими подушками. Нравится?

– Да, – почти прошептал мальчик. – А где шкаф с книгами или стол?

– А зачем они тебе? Стол? Мы обедаем в большом зале, где будешь обедать и ты, возле меня. А книги? Какой здесь тебе от них толк? Книги нужны, чтобы, читая их, делать пометки на будущее. А здесь у тебя нет будущего. Будь счастлив своей долей. Здесь очень красиво. – Королева кивнула и чуть потрясла рукой, чтобы высвободиться от Витиной ладони. – Мышонок, я оставляю тебя здесь. Когда ты мне понадобишься, я тебя позову.

– До свидания, Королева, – помахал он ей рукой, когда её шуба замерла в дверях комнаты.

– Надо, кстати, научить тебя кланяться своей Королеве. Вы, люди, такие невежи...

Её голос еще звучал где-то в коридорах, но сама Снежная Королева уже скрылась из вида, оставив в пространстве витать лишь свой собственный запах. Он был похож на нечто совсем неземное. Мальчик с жадностью вдыхал его, боясь упустить, позволить улетучиться.

Тишина воцарилась вокруг. Витя закрыл глаза и лег на свою кровать. Она была удивительно мягкой, но тяжелой, как перина, набитая снегом. Мальчику хотелось спать, но он слишком сильно боялся проснуться дома, напротив открытого окна с гуляющим за ним ветром. Не будет ни перелета, ни волшебного замка. Но самое страшное: исчезнет навсегда Королева.

Мальчик с силой ударил себя по щеке, пытаясь наказать за трусость и заодно взбодрить. Щека стала очень твердой и холодной, но больно все-таки было. И страшно.

6

Витя открыл глаза от ощущения чьего-то присутствия совсем рядом с собой.

– Проснулся? Королева ждет, – послышался скрипучий голос рано постаревшего человека. Рядом с кроватью стоял худощавый, будто высушенный, долговязый старик с козлиной бородкой и маленьким кругляшом линзы в правом глазу. В черном длинном фраке.

Вите захотелось трясти этого старика, бесконечно переспрашивая о Королеве, о её реальности, о её ожидании именно его, а никого другого, но он сдержался, сообразив, что это будет не очень-то вежливо. Вместо этого он лишь тихо, будто бы боясь быть подслушанным, спросил:

– А зачем Королева зовет меня?

– Её Высочество Снежная Королева, – старичок вытянулся по струнке, и было видно, что эти слова он заучил наизусть, методом ежедневного повторения, – желает позвать Вас для личной беседы, цель которой мне знать никак не положено.

– Хорошо.

Витя вскочил с кровати и встал прямо напротив старика, который был выше Вити почти в два раза. Его черный фрак покрылся легким инеем и элегантно блестел в отражениях ледяных стен.

– Молодому человеку придется переодеться, – прогнусавил слуга, указывая на лежащие возле кровати черные лакированные ботиночки, носки, вязанную серую кофту и темные брюки на ремне.

– Спасибо, – мальчик светло улыбнулся.

– И помните, что Королева требует, чтобы ей кланялись, а не просто говорили: «Спасибо». Не стоит её расстраивать. Она, конечно, капризна, но не так уж плоха.

7

– Здравствуйте, Ваше Высочество, – поклонился мальчик.

– Наконец-то, хоть какое-то проявление вежливости, – фыркнула Королева, после чего все-таки улыбнулась Вите.

Сейчас Королева стояла перед ним в пернатом белоснежном платье, настолько длинном, что казалось, она вот-вот споткнется об его подол и упадет на твердый лед, усыпанный стружкой снега против скольжения. Эта мысль напугала мальчика, и он постарался подойти как можно ближе к ней, чтобы в случае опасности успеть поймать свою Королеву. Но как же красиво её платье...

– Уйдите все! – хлопнув в ладоши, прокричала Королева.

И огромный зал тут же стал настолько пустым, что шаги его хозяйки по ровной поверхности пола тут же превращались в гулкое эхо.

– Королева! – выпалил мальчик, когда она отвернулась от него и медленно пошла к своему трону. Вы...

– Интересно, зачем я тебя позвала?

– Да... – испуганно кивнул мальчик.

Снежная Королева дошла до конца огромного зала и царственно села на хрустальное кресло-трон. С его высоты она показалась мальчику чем-то большим, чем может быть просто человек. Чем-то нереальным, что можно только придумать. Полы её платья разметались по ступенькам к трону, как сложенные крылья огромной птицы. Она указала мальчику на место у своих ног.

– Мне стало скучно, – сейчас её темно-синие глаза смотрели прямо на Витю, ни на секунду не отвлекаясь, не отступая, будто желая прожечь насквозь, – развлеки меня. Расскажи мне что-нибудь.

Мальчик присел у ног Снежной Королевы и растерянно посмотрел в её бледное бескровное лицо.

– Я не знаю... – прошептал Витя, опутив свои потухшие полусерые глаза. – Что я могу Вам рассказать?

– Глупости, – отрезала Королева. – Расскажи о своей смертной жизни. Эти человеческие рассказы всегда забавляли меня.

Витя задумался на секунду, но под неожиданно смягчившимся взглядом синих глаз осмелел. В тот вечер он долго рассказывал Королеве о своей любимой бабушке, которая живет далеко и совсем одна. О своей маме, которая не любит бабушку. О своих друзьях, школе, вредном учителе по русскому, который ни за что вlepил ему двойку в дневник, и еще много-много чего. А Королева слушала, не перебивая, лишь иногда громко смеясь, иногда только улыбаясь, а иногда вдруг отворачивалась и что-то бормотала себе под нос так тихо, что Витя не мог разобрать слов, хотя очень хотел бы этого.

Шли годы или дни. Витя каждый день проводил в ногах Королевы, а в слишком громкую и страшную вьюгу она даже позволяла ему спать на полу возле своей кровати. Там было совсем не страшно. Совсем спокойно засыпать и видеть хрустальные сны. Он слышал, как тихо и ровно дышит во сне его Королева. В эти моменты он чувствовал себя чем-то очень важным, какой-то частью, кусочком мозаики, из которой состоял Замок, дыхание его Королевы и даже сама вечность. Маленьким кусочком, но все же...

Иногда Королева улетала куда-то с метелью, и тогда Витя оставался совсем один. Тоскуя, он резал подаренным ему ножичком фигурки изо льда, а потом сам же и выбрасывал, стесняясь показать их Королеве. И снова ждал, и по привычке часто засыпал на ступеньках у трона, боясь, что Снежная Королева вернется ночью, а он не услышит, и просыпался от любого случайного шороха. И, слава Богу, она всегда возвращалась...

8

Снежная Королева сегодня пришла в его комнату сама, чего не бывало раньше. Витя очень удивился этому, но радостно заулыбался ей навстречу.

– Доброе утро, моя Королева, – проговорил он, свесив ноги с кровати.

До пола он все еще не доставал. Его тело замерзло и перестало расти. Время как бы остановилось где-то глубоко внутри его грудной клетки и теперь маленьким комком шло лишь внутри мальчика, снаружи не показывая и следа своего присутствия. И Витя прекрасно понимал, что никогда не будет доставать до пола, вот так свесив ноги с кровати. Да и зачем? Зачем здесь расти? Читать он давно разучился, писать тоже, друзей забыл, забыл и свой дом, и не желал вспоминать. Разве что... бабушка. Она, наверное, давно умерла. К ней никто не заходил, и она тихо заснула от своего одиночества, да так и не проснулась. И мама, наверное, этого даже не заметила. Бабушка...

– Что случилось, Мышонок? – прогремел знакомый властный голос.

И неожиданно Снежная Королева, придерживая свое платье, села на пол, на колени перед кроватью и снизу вверх посмотрела прямо в глаза мальчику. И на этот раз этот взгляд не стремился пронзить его насквозь. Он стал мягким и даже где-то беззащитно-детским.

– Почему ты грустишь? Я обидела тебя чем-то? – прошептала она неожиданно просиявшим и наполненным необычной теплотой голосом. «Теплота»... это слово, казалось, осталось где-то в другом мире, в недрах памяти, всего лишь налетом на воспоминаниях. Мальчику хотелось слышать его еще. Бесконечно вдыхать, впитывать в себя этот голос. И его сердце с силой кольнуло что-то. И под свитером по груди пробежала совсем маленькая капелька красной человеческой крови.

«Как слеза, – подумал он. Как слеза из сердца».

– А знаешь ли ты, зачем я сюда пришла? – продолжила тихо Снежная Королева.

– Нет.

– Чтобы позвать тебя на скорый бал в мою честь, естественно, – она достала откуда-то из потайных карманов своего платья алые ленточки и принялась вязать их на плечи и запястья мальчика, что-то мурлыча про то, как она любит балы, какое на ней будет красивое платье и еще многое другое. Она вообще лучше всех других умела радоваться мелочам.

А Витя все сидел, не шевелясь. С недавнего времени он стал ощущать себя как-то иначе. Иные мысли начали посещать его голову, по-иному он стал смотреть на окружающий его мир, более углубился в детали и мелочи. Он начал учиться запоминать события, привычки, повадки и любимые темы капризов своей Короле-

вы. Даже как-то по-своему считать дни, когда она улетаала в метель. «Может, я взрослею?» – подумал он как-то утром. И тут же оборвал себя, – Ну и что?»

– Королева, Вы любите меня? – почти бессознательно спросил он, затаив дыхание в ожидании ответа.

Но Снежная Королева не была ни удивлена, ни тронута, ни шокирована его вопросом. Её пальцы продолжили спокойно и размеренно сплетать из двух петелек красивые алые бантики. Лишь только уголки её губ слегка дрогнули в улыбке. И это была самая прекрасная и самая холодная улыбка на свете.

– Конечно, – нежно прошептала она, кивнув. – Ты моя любимая игрушка. Я тебя очень люблю.

«Игрушка», – радостно забилось его маленькое сердечко, представляя себе нечто мягкое и разноцветное, что он так любил прижимать, гладить и бросать на пол в той старой жизни. «Как хорошо быть чьей-то любимой игрушкой», – так счастлив он не был еще никогда.

В тот день ему было позволено весь праздник не отходить от Снежной Королевы. Он сопровождал её, крепко держась за её белую, холодную руку. Сидел в ногах у её трона, пока она говорила с гостями. Кланялся всем, кто приходил к ней, вызывая умиленные улыбки.

А когда гости наконец разошлись, убежал в свою маленькую комнатку, чтобы поскорее уснуть и начать новый день.

9

– Витя! – разбудил его скрипучий голос старого слуги. – Просывайтесь скорее!

– Что-то случилось? – сквозь сон пробормотал он и тут же вскочил на своей кровати, стряхивая остатки усталости. – Что-то с Королевой?

– Да, – быстро кивнул старичок. – Она тает.

– Тает?!

Витя, не дожидаясь ответа, быстро спрыгнул на пол и вихрем помчался по ледяным залам дворца. Наконец, найдя нужную комнату, он без стука распахнул двери. За прорубленными окошками сияла ночь.

– Королева? – пробормотал он от чего-то ставшим грубым и излишне громким голосом. – Что с Вами?

Снежная Королева лежала в своей белоснежной кровати, до плеч укрытая волнистым мягким одеялом. Мокрые черные волосы длинными веревками были рассыпаны по подушке. А на её прекрасном и ровном лице начал проявляться румянец. Он был таким отвратительно-нормальным, почти что человеческим. Её пальцы потеряли быллой синеватый оттенок настолько, что порозовели даже ногти. Глаза ста-

ли мутными и в своем внутреннем полубреду-полусне трудно различали силуэт мальчика, подошедшего вплотную к её кровати.

– Что я могу сделать? – растерянно трясся Витя.

– Ничего, – констатировала Королева, стараясь сосредоточить внимание на его мечущихся испуганных голубых глазах. – Я уже приказала рядить метель. Она отнесет меня далеко отсюда. Здесь слишком жарко. Мои чары начинают рассыпаться. Я таю.

– Ты вернешься? – вырвался голос, а маленькие руки мальчика преданно схватили знакомое запястье Снежной Королевы.

– Нет, – ответила она, высвобождая руку. – Я оставляю тебя. Возвращаю людям.

– Я не хочу! – Витя закрыл лицо руками.

– Не хочешь свободы? – удивилась она.

– Не хочу! Ничего не хочу! Не оставляй меня, пожалуйста, – он оторвал руки от лица и отчаянно посмотрел Королеве прямо в глаза, от чего внутри у неё что-то больно кольнуло. – Я хочу быть с тобой.

– Прекрати! – почти прокричала Снежная Королева, отворачиваясь к окну. – Ты растопишь меня быстрее, чем все, что происходит вокруг.

10

В эту ночь сказка заканчивалась навсегда. Он в последний раз молча уснул у её ног, а на утро уже провожал далекую холодную метель.

Напоследок Снежная Королева повязала ему на плечо синий платок с каким-то глуповатым котенком с большими глазами. Она ничего не захотела говорить.

Витя стоял на длинной ледяной дороге, ведущей в заброшенный замок, и смотрел, как быстро уносит холодная злая метель знакомую белую шубу.

«И что теперь? Метель вернется за мной и отнесет меня в мой город. Зачем? Кому я там нужен? Кто там нужен мне? Королева! Почему мне нельзя быть чем-то большим, чем просто человек?»

С него градом катилась вода. Заклинание было снято, и суставы тела нещадно заболели, желая сейчас же сделать быстрый скачок в сторону всех ушедших дней или лет, проведенных в Ледяном Дворце. Витя вспомнил, что холод на самом деле жесток и колюч. Он впивается в кожу, отнимает последние крохи тепла. Горько и протяжно завыл ветер, вторя Вите, как нечто дополняющее его, нечто неразделимо чувствующее каждый его шаг.

– Почему я не ветер?! – закричал Витя куда-то вслед давно улетевшей метели. – Я тогда бы смог полететь следом. Тогда бы я непременно нашел Королеву...

И все вновь закружилось перед глазами. Чтобы сосредоточиться, Витя мысленно складывал в воображении из мелких кусочков льда

неразборчивое слово «Вечность». Чувствуя, как его приподнял к самым небесам холодный поток воздуха и закружил, нещадно разрывая одежду, рая голую кожу под ней, он закрыл глаза, зная, что должен выбрать. Выла метель. Он стер в собранном слове букву «Ч» и исправил её на «Р».

11

В этом году зима выдалась очень холодной. Сапоги утопали в снегу, но идти все же было нужно. Высокий молодой мужчина, с черными, как смоль, волосами, громил шагами нетронутую белизну улиц. Холодно-холодно-холодно.

Уже стемнело, а ему обязательно нужно было попасть домой к ужину. Для этого ему приходилось постоянно подгонять себя, еще более увеличивая и без того исполинские шаги. «Быстрее! – шептал он, и тут же обрывал сам себя, отвлеченно выдыхая. – Как же все-таки холодно».

Ему пришлось остановиться на светофоре, чтобы пропустить вперед поток нетерпеливых водителей в своих обмерзших скорлупах из железа. Случайно справа от себя, на небольшом пустыре он заметил движение. Это безумный ветер выдувал себя в разные стороны, бесконечно горько воя о чем-то своем. Он то подбирал какие-то бумаги со снега, то, бросая их, с грохотом ударялся о кору дерева, то, окончательно обезумев, начинал биться о высокий забор, за которым засыпала стройка. Холодный, оцетинившийся ветер...

«Он, верно, потерял кого-то действительно дорогого ему и, верно, потерял настолько давно, что уже сошел с ума от поисков, – подумал мужчина, глядя, как ветер в очередной раз с грохотом ударил сам себя об забор и снова протяжно завыл. – Нет, похоже, он уже никого и никогда не найдет».

Загорелся красный свет, и мужчина поторопился перейти дорогу, уже окончательно опоздав на ужин к своей семье, где жена напекла пирожков с капустой, сын нарисовал что-то на обоях, а дочь наконец выпросила у матери новое платье.

Ночь становилась все более густой. Озябший, одинокий ветер устало упал в снег. Проваливаясь в сон, он укрывал свое тело маленьким квадратиком синего платка, казавшегося ему тем самым потерявшимся в этом мире словом «тепло».

Екатерина ТАЛАЛОВА

МОЙ ДЕМОН

Я сижу в столовой в частном сумасшедшем доме. Я здесь уже три года. Но это ничего, меня здесь все устраивает. В конце концов, я сам сюда пришел. Не то чтобы я прятался. Нет, я, конечно, думал об этом, но пришел к выводу, что от них не спрячешься нигде. Потому я ухватился за последнюю надежду – может быть, я сумасшедший, и тогда меня вылечат, и все это закончится. Я пришел сюда, встретился с врачом и сказал все как есть – мол, меня преследуют дьяволы. Доктор выслушал и сказал, что мне необходимо пройти курс лечения. Курс длится уже три года. Они надеялись, что со временем я забуду о них. Пытались оградить меня от всего, что так или иначе могло навести на мысль о демонах, вообще о религии. Они даже Библию прятали, когда я заходил в библиотеку, чтоб цепочка моих мыслей самым естественным образом не привела меня от образа бога к образу дьявола. Я это все замечал, но, надо признать, они старались небезуспешно: я стал гораздо меньше думать о них, реже вспоминать.

Она сидит напротив меня. Пока молчит. Ну и слава богу. Я, если честно, со страхом жду того момента, когда она заговорит. Когда сегодня ночью меня разбудили и сказали, что ко мне пришел посетитель, я очень удивился и даже испугался. Во-первых, потому что за три года ко мне ни разу никто не приходил. Во-вторых, потому что ночью посетителей в клинику не пускают. Я очень не хотел идти, думал симулировать какой-нибудь приступ, но потом с горечью вспомнил, что всякое сопротивление бесполезно, раз уж кто-то из них решил за тебя взяться, и подчинился.

Ночь. Все психи спят. То есть все, кроме двоих. Один считает себя вампиром и поэтому никогда не спит по ночам. Но он не придет в столовую, он вообще почти не выходит из своей комнаты. Он здесь уже очень давно. А второй – лунатик. Этот маньяк однажды ночью, когда ходил во сне, зашел ко мне в комнату. Я так заорал. Подумал, кто-то из *них* явился по мою душу. Может, я и впрямь сумасшедший? В последнее время заметил, как тонка и неясна грань между здоровым рассудком и сумасшествием. Например, я иногда верю вампиру. Ему и вправду нехорошо на солнце, и глаза у него становятся красные от яркого света и слезятся. Весь

он какой-то болезненный, как будто ему чего-то не хватает. И потом, если не касаться вампиризма, с ним вполне можно поговорить о чем-нибудь. Так что, кто его знает, может, он не так уж врет. Почему она не пришла к нему? Он вот мечтает отсюда вырваться.

Интересно, она умеет читать мысли?

Я иду на кухню, беру бутылку виски и стакан. Повар любит выпить, и у него в шкафчике всегда можно найти что-нибудь. Возвращаюсь. Она следит за мной глазами. Вообще-то в больнице не разрешается, но раз уж за моим столом сидит дьявол, значит я вовсе не сумасшедший и на меня эти правила не распространяются. Она смотрит, как я наливаю виски в стакан.

Я встретил первого из них, когда мне было двадцать. Я был студентом, и мозгов у меня особенно не было. Он сидел за стойкой бара, мы познакомились и разговорились, а потом он вдруг сказал: «Знаешь, я дьявол. Только не говори никому». Я рассмеялся, а он совершенно серьезно продолжал: «Если ты не поверишь мне, я отправлю тебя в ад». Я не знал, что сказать, и только усмехался. «Конечно, не в тот ад, каким вы его себе представляете: где текут огненные реки и черти на медленном огне поджаривают грешников на сковородках. Нет. Это будет ад на земле». Я подумал, что он просто фанатик, и потому сочувственно похлопав его по плечу, удалился. В тот вечер я впервые в компании друзей попробовал кокаин. А через несколько месяцев и действительно оказался в аду. Я тогда вспомнил про него и стал каждый вечер ходить в тот бар, в надежде однажды застать его там. Но он больше не появлялся.

Из-за проблем с наркотиками я не сдал сессию, и вместо того чтобы перейти на следующий курс, остался доучиваться на том же. В моей новой группе я встретил второго. Я тогда еще не умел узнавать их по взгляду, и мне он просто показался каким-то странным, не таким, как все. Однажды мы пошли на концерт одной очень модной в то время рок-группы, и он предложил мне пройти за кулисы. Он объяснил, что его отец был их продюсером. Солгал, конечно. У него не было ни отца, ни матери. Как и у всех подобных ему. За кулисами после концерта он сказал мне, что группе срочно требовался гитарист (я немного играл на гитаре). Можно без особого опыта, главное – чтоб быстро учился. Разумеется, я согласился. Сразу же. Меня и вправду взяли в эту группу. Выгнали своего гитариста и взяли меня. Остальные ребята тоже баловались наркотиками, и через полгода группа распалась. Родители узнали о том, что я наркоман, в университете тоже узнали, да все узнали. Когда я шел по улице, на меня показывали пальцами. Я продолжал катиться вниз.

С тех пор их было много: мужчин и женщин. Они приходят, исполняют твоё самое заветное желание, а потом выворачивают все наизнанку, и ты снова чувствуешь, что тонешь. Тонешь в огромном болоте, и некому тебе помочь. Вот эта приходила много раз. Чем это я ей так полюбился? А первого я больше никогда не видел. Ухмыляется.

– Он был не дьявол.

– Что? – от неожиданности я настолько растерялся, что смысл его слов не сразу дошел до меня. Ага, значит, все-таки читает мои мысли.

– Он был не дьявол. Он был ангел. Он хотел, чтобы ты поверил. Хотел научить тебя верить.

– О чем ты? Это он толкнул меня вниз.

– Он тебя никуда не толкал. Это было испытание. В итоге ты должен был научиться верить.

Я молчу. Уже светает. Окна столовой выходят во двор, и я слышу, как врач и медсестры курят и болтают на крыльце. Что же она такое говорит? Выходит, все это было ради того, чтобы я поверил в ложь? Ведь если он был ангел, он солгал, назвавшись дьяволом, и наказал меня за то, что я не поверил тому, что было неправдой. Зачем она рассказывает это мне? Просто хочет помучить или это начало ее чертовой игры? Больше всего на свете я хочу, чтобы ее не было.

Она кладет на стол пистолет. Слышу шаги на лестнице. Вот оно – исполнение желания! Мое самое заветное желание – чтоб ее не было. Как только я раньше не мог додуматься? Шаги в коридоре. Она берет пистолет и вкладывает его мне в руки. Шаги близко. Если я пристрелю ее прямо сейчас, они увидят это. Они все увидят это. Что меня тогда ждет? Но я должен, я должен! Отомстить им, покончить с ними... Я так долго этого ждал. Глаза мои бешено скачут по комнате, в мыслях полнейший хаос. Думать не получается никак. Дверная ручка повернулась. Что же мне делать? Дверь отворяется, в столовую входят повар, два помощника, медсестра и доктор. Они все вдруг замирают в удивлении, видно, никак не ожидали увидеть нас здесь. Я зажмуриваю глаза на секунду. Боже, что я делаю? Выстрел, выстрел, еще выстрел, еще, еще. Все пятеро лежат на полу. Я молниеносно поворачиваюсь к ней, тыкаю дулом пистолета в ее чертов лоб. Нажимаю на курок. Осечка. Ничего не понимаю. Еще осечка. Она разжимает кулак. У нее на ладони лежит пуля. Последняя пуля! Она вынула ее из пистолета перед тем, как положить его на стол. Но откуда она знала, что их будет пятеро? Откуда она знала? Взгляд на тех пятерых. Я плачу. Не исполнила желания. Не исполнила.

А может... может, она тоже ангел? Может быть, она спасти меня хочет? Не от демонов, нет. От меня самого.

Я сижу на заднем сиденье. Мимо пролетают деревья и кусты, телеграфные столбы и редкие рекламные плакаты. Хочу спать. Я всю ночь не спал. Почему она не разговаривает со мной? Знает ведь, о чем я думаю. Она могла бы сказать всего лишь пару слов и развеять все мои сомнения. Но она не станет этого делать. У нее свой план. Куда она меня везет, один бог знает. Но я ей верю.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ, ИЛИ ПОВЕСТЬ О ХИССЕ

Они тонули в Реке и не могли утонуть. Они убивали братьев и друзей, но никто не умирал. Вода в Реке сделалась красной от крови, но все они были ещё живы.

Была бойня.

А потом пришел Дождь, и они остановились. Глупцы – те, кто думают, будто дождь – это слезы неба, Дождь был истым весельем. Он омыл их души от греха. Они не убивали в Дождь. И Хисс не убивал тоже. Он вышел под Дождь и побежал к Реке посмотреть, не поднялась ли вода. Там на берегу стоял его брат. Он очень долго стоял под Дождем, и пятна крови на его белой одежде стали розовыми, они были еле видны. И Хисс обнял его. Так они молча стояли, пока не пришла ночь. Тогда Хисс ушел, а его брат остался. И таких как они было много.

Дождь в конце концов прекратился. Все они вышли на улицы и бились.

И снова была бойня. В сердцах была одна злость. Они резали животы своим дочерям.

И посреди бойни Хисс остановился. Неожиданно ему в голову пришла мысль. Зачем убивать? Мысль наполнила его сердце страхом, и он пошел к остальным. Он поднял огромный камень и бросил в одного из них. Придавленный камнем человек растянулся на земле. А Хисс стоял рядом и кричал на него. Он хотел узнать, зачем тот убивал. А человек швырнул камень прочь, вскарабкался на ноги и ударил Хисса. И Хисс тоже ударил его. Бойня продолжалась. Снова и снова они убивали друг друга, и тем не менее все они были до сих пор живы.

А потом это впервые случилось. Они столпились вокруг мертвого. Они глядели на землю, насквозь пропитанную кровью, и тихо ждали. Они думали, сейчас он откроет глаза и встанет. Но он не встал. И тогда они поняли, что произошло. Всё это время Хисс стоял в толпе. Посреди молчания он спокойно спросил, зачем уби-

вать. Но в спину ему вошел нож, и он дрался. Теперь они поняли. Теперь они все поняли: им нужно было стараться сильнее.

Но Хисс не хотел стараться, и потому он ушел. Тяжело ему было одному, стремление убивать ещё жило в нем. Много-много раз приходилось ему сдерживать желание вернуться.

Но время шло, и появились другие, кому в голову пришла та же мысль. Они собрались вместе и нашли Хисса. Они связали себя веревками и сели под деревом. Долго молчали они. А потом многие из них заплакали, и Хисс тоже заплакал. Но среди них были и сильные – те, кто уже один или два раза убил. Их сердца наполнились горькой яростью и отвращением. Они бы убили тех, кто плакал, но были связаны.

Один из тех и сказал, что знает, куда им податься и что им делать. Они должны вернуться и связать всех веревками. Должны спросить их, зачем убивать. А если те не ответят (а они не ответят), нужно заставить их пообещать, что они не будут убивать. А если они откажутся пообещать, тогда их должно убить.

И все обрадовались. Все, кроме Хисса. Он прошептал: «Но это будет убийство».

И все возненавидели его. Они бы убили Хисса, но были связаны.

И долго молчали они. Потом Хисс заговорил. Он предложил им сделать себе щиты и вернуться. Сказал, что они должны научиться защищаться. И они больше никогда не должны убивать.

И в конце концов все согласились. Они встали и сбросили с себя веревки. Они сделали себе щиты и научились защищаться. Они вернулись. Бойня разгорелась с новой силой.

Некоторые из них, самые слабые, были убиты. Но сами они больше никогда не убивали.

Люди Хисса все ещё ходят среди нас и ждут подходящего момента, чтобы посеять смуту в наших сердцах, чтобы убедить нас не убивать больше. Будьте готовы. На случай, если они придут, держите в кармане камень.

Евгений ЧУРКИН**КУКОЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ**

Его голова лежала у нее на коленях, а Она перебирала пальцами его волосы. Женщина – это самая большая слабость мужчины, а мужчина – это самое сильное приобретение женщины. Беда в том, что год за годом мужчины тщательнее избавляются от слабостей, а женщины хотят доказать свою состоятельность без вмешательства мужчин. Если играть в противоположности, то даже самый юный игрок на слово «зима», ответит «лето», а после слова «мальчик» скажет «девочка». Мы так не похожи, но беда в том, что мы еще и отдаляемся, закрываемся друг от друга. Наше Я разбухает до таких пределов, когда оно не может вместить еще хоть кого-то и становится нашим всем. Это правда. Только правда не бывает абсолютной. Она так же относительна, как и все в этом мире. Об этом можно думать, спорить, рассуждать, а можно закрыть глаза и чувствовать мягкие прикосновения нежных рук. Этим-то Он и занимался. Отблеск улыбки, обращенный в никуда, блуждал по его лицу. Давно ли они знакомы, какие у них имена, любят ли они друг друга? Такие глупые вопросы. Он бы вам не ответил ни на один из них. Ясно было только одно – они созданы друг для друга. И дело здесь не в том, какая сильная бывает любовь или что противоположности притягиваются, дополняя друг друга. Дело в том, что как-то иначе просто не могло быть. Так было, есть и будет. Всегда, когда кто-то вспомнит о нем, этот кто-то вспомнит ее, и наоборот. Не хочется отягощать эту картину ярлыками и словами, которые лишь копии с нашего мировосприятия, это мысли, переработанные в другой формат. А Он сейчас боялся... Но боялся не постоянно, а как только вспоминал, что когда-нибудь все изменится. Придется разговаривать, ходить и вообще жить как-то иначе, чем сейчас, когда нет ничего в мире. Но даже бояться Он не мог долго, потому что время утекало, а хотелось продлить момент максимально. Время – самое коварное существо. Его не видно и не слышно, но когда вы счастливы, оно убегает так быстро, как только может, а когда вы чего-то ожидаете, время

специально тянется, заставляя вас молить, чтобы оно поторопилось.

Они были самыми совершенными и самыми настоящими. Он находился рядом с ней и нисколько о ней не думал, а Она обнимала беззащитное существо, о котором совсем не думала. Вокруг было только одно ощущение: словно их вместе с комнатой, которая их окружала, вырезали из этого мира и перенесли в другую вселенную, абсолютно гармоничную. По-другому это ощущение не назовешь. И пожалуйста, не опешайте эту картину словом «счастье». Здесь было иное, совершенно обычное и непостижимое явление жизни, в чистом его проявлении.

Свет был неярким, скорее даже тусклым и, наверное, поэтому теплым. Его задачей не стояло осветлить комнату, потому что она и так была светло-розовой. Никаких рисунков или узоров на стенах — просто розовый цвет. Потолок был белый. Ему же все равно, каким быть, а жить как будто в подарочной упаковке неудобно, поэтому потолок в отличие от стен был белым. Ничего лишнего в комнате: Он, Она, диван, на котором, собственно, они и проводили время; кажется, шкаф, столик и люстра. Все аккуратно и просто. Жизнь не терпит лишнего. Все лишнее в конце концов теряется или выбрасывается. Но можно даже было бы выкинуть все, что было в комнате, потому что не лишними здесь были только Он и Она. Персонажи живые и совершенно безвольные. Обреченные быть орудиями чьих-то фантазий и представлений. Они куклы в кукольном домике. Они идеальны, потому что их такими делаем мы.

Зазвонил телефон. Оказывается, в комнате кроме всего лишнего был еще и телефон. Это самое безобидное устройство сейчас было подобно катастрофе, которая уничтожила целую вселенную. Ничего от того ощущения гармонии уже не могло существовать среди резкого звука звонка. Все разрушилось. Это похоже на то, как если бы вы читали книгу, а потом неожиданно поняли, что совершенно не помните, о чем говорилось на прочитанной странице. Вот это самое «неожиданно поняли» (момент озарения) и есть то состояние, которое блуждало по комнате. Он открыл глаза и увидел ее лицо. Ее взгляд теперь был совсем иным. Если раньше Она смотрела рассеяно в никуда, то теперь ее глаза были прикованы к телефону и в них отражалась простая жизнь. Та, которая предназначена для миллионов обывателей, та, в которой важны слова, имена и прочие условности. Она встала, аккуратно отстранив

его голову. Скорее даже Он сам ее убрал. Потом взяла телефон, быстро ответила и положила трубку на место.

– Кто это был? – с дивана раздался ленивый, залежавшийся где-то в легких, а теперь выпущенный наружу голос.

– Ошиблись номером, – ответила Она. Совершенно равнодушно посмотрев при этом в сторону вопроса.

Кто-то всего лишь ошибся номером. А теперь этот раздосадованный «кто-то» даже и не подозревает, что его ошибка уничтожила самое прекрасное проявление жизни.

Стены в комнате стали серыми, а свет остался таким же. Телефон исчез, как провинившийся щенок – незаметно. Но самое главное – это то, что был разрушен союз сильного и слабого. Теперь был Он, лежащий на диване, и Она, где-то невообразимо далеко там, за границами дивана. Представляете, сколько энергии нужно, чтобы расщепить атом? А сколько энергии при этом выделится? Только что разъединили самое однородное образование силой нелепой ошибки, нелепого недоразумения. И пусть разлука между ними покажется слишком незначительной, но когда кто-то разлучается – становится грустно. Вот и сейчас стало грустно.

Она скромно села на диван где-то у его ног. Вокруг воцарилось состояние чрезвычайного напряжения. Стены комнаты стали красными. Они были рядом, но совершенно иначе, чем раньше. Как будто ведро со стоячей водой нечаянно задела ногой. А теперь, когда ситуация изменилась, вода все еще продолжала плескаться по инерции. Они сидели друг с другом в состоянии одного прикосновения. Они тянулись друг к другу. Но все изменилось.

Он сел к ней поближе и взял ее руку, посмотрев в глаза с какой-то странной мольбой. Но рука ускользнула. Стены в комнате стали прозрачными, словно из стекла. Может быть, Он стал слишком слаб. Может быть, так должно было случиться изначально, но Она встала с дивана, и все исчезло. Как будто выключили свет или закрыли крышкой кукольный домик.

Кристина ЯКИМЕНКО

ПАРИЖСКИЕ СЛЕЗЫ

Размазывая слезы по щекам, Светка хлопнула дверью ближайшего кафе, забыв посмотреться в маленькое карманное зеркальце, которое всегда носила при себе. Небрежно смахнув упавшую прядь, она огляделась. Это было скромное уютное заведение: столиков – по-пальцам пересчитать, почти везде царил спасительный для Светки полумрак. Устало опустившись в мягкое плетеное кресло, она чиркнула зажигалкой и задумалась.

Ее взгляд то и дело натывался на рекламные плакаты, где белозубые красотки предлагали жвачки, духи или какое-то особенное кофе. Они были неправдоподобно красивы, как инопланетянки. Они подавляли своей красотой. Весь их облик говорил, что таким, как Светка, в этом мире не место.

Светка нервно стряхнула кусачий пепел с пальцев и глубоко затянулась. Глядя на улыбающиеся огоньки ночного города, она вздохнула, и что-то похожее на рыданье вырвалось из ее груди. Нет, она никогда не станет своей в этой чужой неуютной стране...

Она приехала в Париж недавно, прошлой весной. Сначала она приняла весть о переезде с энтузиазмом. Еще бы! Париж – город самых дерзких мечтаний, дорогих машин и изысканных духов. А одно упоминание об Эйфелевой башне и Лувре вызывало у Светки благоговейную дрожь. Глянцевые обложки путеводителей по городу девушка могла разглядывать бесконечно и каждый раз с восторгом. Сознание того, что скоро она, Светка Малахина, станет частичкой этой прекрасной страны, делало ее такой счастливой, что она даже начала немного гордиться и, как это говорят, «звездиться».

– Так и останетесь киснуть в этой дыре, – небрежно бросила Светка подружкам, – а уж я-то своего шанса не упущу.

– Да, Париж – это действительно шикарный город, – заметила Наташа, самая умная в их компании, – но пойми же ты, любое место может быть бесполезно, если ты там придишься не к месту. Тьфу-тьфу, конечно!

– Завидуешь, – отмахнулась Светка.

Теперь она понимала всю справедливость Наташкиных слов и корила себя за высокомерие и глупость.

Париж встретил их гостеприимно, но холодно. Глядя на длинные, незнакомые улочки, причудливые домики и совсем незнакомых ей людей, Светка почувствовала себя одинокой и беспомощной. Ей как-то сразу опротивела вся эта суэта относительно их новой квартиры, которая почему-то, вопреки папиным ожиданиям, оказалась вовсе не в центре города, а где-то ближе к окраине. Но Светка была даже рада, когда переступила порог своей новой комнаты, кстати, значительно меньшей по размерам по сравнению с прежней в Ровельске. Светка не смогла побороть искушение и, подбежав к окну, отдернула тяжелую атласную штору, чтобы полюбоваться ночной картиной Парижа. Но и здесь ее ждало разочарование – ни Эйфелевой башни, ни даже Триумфальной арки Светка не увидела. Вместо этого она могла исследовать старую покосившуюся пекарню и одинокий фонарь, несмело торчащий посреди безлюдной улицы.

Светка вздохнула и задернула занавеску.

– Светик, – раздался оживленный мамин голос, – с новосельем, дочка! Ты как, расположилась?

– Ага, – буркнула Светка и, вздохнув, юркнула в постель, с головой укрывшись одеялом. Завтра ей предстояло знакомство с новой школой, а стало быть, и с новыми друзьями, так надеялась Светка.

В понедельник вся семья поднялась рано. И в доме начались такие хлопоты, будто Светку выдавали замуж или провожали исследователем-одиночкой на Дальний Восток по крайней мере года на два. За день до приезда Светка сделала себе новую, очень модную прическу, которая, по мнению мамы, была очень ей к лицу.

– Чтобы не хуже других была, парижанка! – приговаривала Элеонора Игоревна, суется над дочкой, оправляя ей то идеально лежавший косой ворот платья, то смахивая невидимую пылинку.

Светка молчала. Почему-то ей было неприятно мамино сравнение с французами. Будь то неделю назад, она бы восприняла это как комплимент, но сейчас Светка чувствовала непонятное раздражение и тихий протест, зарождающийся внутри.

– Никак на коронацию? А, Светланка? – шутливо подмигнул папа, наливая себе непривычный для русских напитков – горячий шоколад.

– Да что ты понимаешь! – вступилась мама. – Там такое общество, мы не можем ударить в грязь лицом.

– Это в женском-то лице? – усмехнулся папа. – Для кого стараешься, дочка?

– После поговорим, – раздраженно ответила Светка.

Она пыталась позавтракать, но от внезапного волнения не могла съесть ни кусочка.

– Шоколад-то хоть попробуй, – уговаривала Элеонора Игоревна.

Светка поморщилась и демонстративно отодвинула тарелку.

– Как хочешь, – обиженно пожала плечами мама.

Утро было солнечное, но прохладное. И на сердце у Светки, несмотря на взволнованность, стало легче и светлее.

Школа была довольно далеко. Но Светка не чувствовала усталости, она улыбалась и ветру, слегка кольшущему ее темные волосы, небольшой речке, шумевшей совсем неподалеку и Эйфелевой башне, сиявшей в лучах утреннего солнца.

Светка сама не заметила, как забелело знакомое ей по описанию мамы небольшое здание лица. «Ни пуха, ни пера! – пожелала она себе. – А вообще, будь что будет!»

Светка брела домой, едва сдерживаясь от душивших ее слез. Это был самый черный день в ее жизни. Как только она пережила такое унижение? Нет, Светку никто не обидел, не посмеялся над ней, не сказал ни одного резкого слова. Все было в тысячу, нет, в миллион раз хуже. Ее просто не замечали. Ну, кроме учителей, конечно. Однако и те, узнав, что она русская, снисходительно улыбались и теряли к ней интерес. Светка несколько раз пыталась завязать с кем-нибудь разговор. Но одноклассницы с напускным удивлением выслушивали весь скудный запас Светкиного приветствия и, покивав головами, отворачивались от нее, громко перешептываясь между собой на своем языке, который, как поняла Светка,

всегда будет для нее чужим. Она одиноко слонялась по школе, вглядываясь в лица лицейсток, ища в каждой девчонке Наташку или Аньку, или уж на худой конец Олеську Безлунную, которую она всю жизнь терпеть не могла за искусственность и хвастовство! Светка была бы рада и ей...

Прошли долгие семь дней. Светке они показались вечностью. Она на протяжении всей недели упрямо день за днем ездила в школу, уже не здороваясь и не прощаясь ни с кем. Дома ее тоже никто не ждал. Отец с матерью были поглощены новой работой, а на Светку времени почти не оставалось. Она не знала, радоваться этому или огорчаться. С одной стороны, у нее появилась долгожданная самостоятельность и свобода, с другой – гложущее одиночество. И по вечерам, находясь одна в пустом доме, Светка молча плакала от бессилья. Она жила только воспоминаньями о прошлом, совершенно не желая думать о будущем, она поняла, что никогда не будет счастлива здесь, в этой стране. Светка не знала, у кого спросить совета, и обращала немую мольбу туда, где виднелся краешек звездного неба, чужого неба, под которым ей приходилось жить.

...Она пришла сюда, в это старое кафе, которое редко видело более двух посетителей сразу. Пришла для того, чтобы принять важное решение. Может быть, самое важное в своей жизни.

ОБ АВТОРАХ:

Андрианова Екатерина, 21 год. Студентка Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права.

Андреянова Наталья, 19 лет. Студентка Тольяттинского государственного университета.

Андреянова Антонина, 20 лет. Студентка Тольяттинского государственного университета сервиса.

Аристов Алексей, 24 года. Работает преподавателем на кафедре романо-германской филологии Волжского университета им. В.Н. Татищева.

Бударина Алёна, 17 лет. Студентка Тольяттинского государственного университета.

Доличева Екатерина, 10 лет. Учащаяся средней школы № 40.

Гизатуллин Вигалий, 20 лет. Студент Самарского государственного аэрокосмического университета имени академика С.П. Королева, Тольяттинский филиал.

Идрисова Наталья, 18 лет. Студентка Тольяттинского государственного университета.

Катыкова Александра, 16 лет. Учащаяся МОУ «Школа № 43».

Клещёв Михаил, 24 года. Окончил ТПК «Архитектура и дизайн интерьера». Работает в ООО «ГАММА СТРОЙ» дизайнером.

Кузнецова Анастасия, 13 лет. Учащаяся МОУ «Школа № 43».

Кулькина Ирина, 22 года. Студентка Тольяттинского Государственного университета.

Ласаева Анастасия, 22 года. Работает редактором службы новостей радиостанции «Август».

Леснякова Дарья, 18 лет. Студентка Тольяттинского государственного университета.

Леухина Таисия, 16 лет. Учащаяся МОУ «Школа №49».

Литвинова Ольга, 20 лет. Студентка Тольяттинского Государственного Университета.

Макарова Нина, 17 лет. Студентка Тольяттинского государственного университета.

Мартышевский Владислав, 30 лет. Окончил Самарскую гуманитарную академию, юрист. Публикуется под псевдонимом ВЛАДД.

Мещерякова Ольга, 17 лет. Студентка Тольяттинского государственного университета.

Михайлина Валерия, 20 лет. Студентка Тольяттинского государственного университета.

Мурыгина Ольга, 22 года. Студентка Тольяттинского государственного университета.

Никофорова Екатерина, 22 года. Студентка филиала НОУ ВПО «СаГА» в г. Тольятти.

Пасынкова Анна, 10 лет. Учащаяся гимназии № 9 и музыкальной школы № 3.

Петухов Игорь, 21 год. Студент Тольяттинского государственного университета.

Пищугина Валерия, 17 лет. Студентка Тольяттинского государственного университета сервиса.

Попова Дарья, 17 лет. Студентка Тольяттинского государственного университета.

Русинова Людмила, 19 лет. Студентка Тольяттинского государственного университета.

Савина Дарья, 19 лет. Студентка Тольяттинского государственного университета.

Савина Ольга, 19 лет. Студентка Тольяттинского государственного университета.

Самойлова Ольга, 14 лет. Учащаяся МОУ «Школа № 13».

Семенова Татьяна, 17 лет. Студентка Тольяттинского государственного университета.

Седов Николай, 24 года. Работает в КТ и П ОАО «АВТОВАЗ» корреспондентом.

Сулейманова Маргарита, 17 лет. Студентка Самарской гуманитарной академии.

Талалова Екатерина, 20 лет. Студентка Тольяттинского государственного университета.

Чуркин Евгений, 19 лет. Студент Тольяттинского государственного университета.

Шведова Наталья, 21 год. Студентка Тольяттинского государственного университета.

Широкова Виктория, 27 лет. Окончила Тольяттинский политехнический колледж.

Якименко Кристина, 17 лет. Студентка Тольяттинского государственного университета.

Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение (Закон РФ «О средствах массовой информации», ст. 42).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

В оформлении номера использованы рисунки
Арсения Мисюка (7 лет)

Свидетельство о регистрации
ПИ – № 7-0035 от 26 апреля 2000 г.
выдано Поволжским региональным
управлением Министерства по
делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

© Литературное агентство
Вячеслава Смирнова, 2007.

© "Ставрополь-на-Волге –
ГОРОД – Тольятти", 2007.
Почтовый адрес: 445041,
г. Тольятти, а/я 4410,

Смирнову Вячеславу Анатольевичу
E-mail: slavasmirnov@yandex.ru
Мисюку Владимиру Николаевичу
E-mail: vlam59@mail.ru

Рисунки **А. Мисюк**

Дизайн, верстка, макет **В. Леванов**

Отпечатано в Димитровградской
типографии, ул. Юнг Северного флота, 107.
Заказ №

Подписано в печать 20.11.2007.

Формат 60x84/16.

Бумага типографская.

Гарнитура "Peterburg".

Печать офсетная. Объем печ. л. – 14.

Тираж 500 экз. Цена договорная.